

Ию Аберкромби

Красная
Страна

Земной Круг

Джо Абберкромби

Красная страна

«ЭКСМО»

2012

Аберкромби Д.

Красная страна / Д. Аберкромби — «Эксмо», 2012 — (Земной Круг)

ISBN 978-5-699-72379-9

Они сожгли ее дом. Они украли ее брата и сестру. Но месть идет за ними по пятам. Шай Соут надеялась оставить позади свое кровавое прошлое и начать нормальную жизнь. Но набег отряда неизвестных на ее ферму, убитый слуга и похищенные брат с сестрой заставили ее вспомнить все, что она предпочла бы забыть. Она отправляется в погоню, взяв с собой за компанию пару волков и своего трусливого отца Лэмба, который тоже не прочь расстаться с прошлым. Но в Дальней стране, где царит беззаконие, прошлое никогда не забывается. В довершение всех бед им придется заключить союз с Никомо Коской, печально знаменитым солдатом удачи, и его безответственным адвокатом Темплом... Долгожданное возвращение в уже знакомый читателям мир Земного Круга! Впервые на русском языке!

ISBN 978-5-699-72379-9

© Аберкромби Д., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Неприятности	6
Самый трусливый трус	6
Легкий путь	16
Обычные люди	26
Достойнейший	32
Прошлое есть у всех	43
Похищенные	54
Братство	56
Совесть и гонорей	56
Новая жизнь	68
Перекасти-поле	75
Топляк	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Джо Аберкромби

Красная страна

Посвящается Тедди и Клинту Иствуду, но поскольку Клинту, вероятнее всего, на это наплевать, то в большей степени посвящается Тедди.

Joe Abercrombie

Red Country

Copyright © 2012 by Joe Abercrombie.

First published by Victor Gollancz Ltd., London

© Русанов В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Неприятности

Как можно судить о человеке по ножнам и рукояти? Вдруг внутри прячется отличный клинок?
Джедайя Морган Грант

Самый трусливый трус

– Золото... – Вист произнес это так, будто разгадал сложнейшую загадку. – Оно сводит людей с ума.

– Тех, кто раньше не спятил, – кивнула Шай.

Они сидели перед «Мясным домом Стапфера», который, несмотря на название, навевающее мысли о борделе, был самым дрянным трактиром на пятьдесят миль вокруг. И эту репутацию заведение выиграло в жесткой борьбе. Шай расположилась на мешках в фургоне, а Вист устроился на заборе, и казалось, что он торчит там вечно, наколовшись задницей на какой-то сучок. Сидели и созерцали толпу.

– Я приехал сюда, чтобы быть подальше от людей, – заметил Вист.

– Ну, и погляди теперь на это, – ответила Шай.

Прошлым летом любой мог бы бродить целый день по городу и не встретить двух незнакомцев. А иногда можно было вообще не встретить в городе двух человек. Много может измениться за несколько месяцев с начала золотой лихорадки. Сейчас Сквордил трещал по швам от множества отважных первопроходцев. Дорога в один конец, на запад, к мнимому богатству. Кто-то проходил ее быстро, в суете и спешке, другие задерживались, внося собственную лепту в стяжательство и неразбериху. Стучали колеса фургонов, ревели мулы и ржали кони, мычали коровы и вола. Мужчины, женщины и дети всех рас и сословий только добавляли крика и шума, каждый на своем языке и со своим нравом. Все это могло бы стать весьма красочным зрелищем, если бы белесая пыль не приглушала все краски до равномерного грязно-серого цвета.

– Бесконечное разнообразие, не так ли? – Вист шумно отхлебнул прямо из горлышка.

– И каждый хочет получить все из ничего, – согласилась Шай.

Всех охватила безумная надежда. Или жадность, в зависимости от веры наблюдателя в человечество, а что касается Шай, то этой веры у нее не набралось бы и на ноготь мизинца. Всех пьянила мечта добраться до какого-нибудь замерзшего водоема там, в великой пустоши, и загребать новую жизнь двумя руками. Они оставляли свою надоевшую сущность на берегу, будто сброшенную кожу, и устремлялись к счастью кратчайшей дорогой.

– Не тянет присоединиться? – подначил Вист.

Шай потрогала языком передние зубы и сплюнула через щель между ними.

– Только не я.

Если им и удастся пресечь Дальнюю Страну и не сдохнуть, то всю зиму они просидят задницами в ледяной воде и не накроют ничегошеньки, кроме грязи. А даже и блеснет самородок под твоим заступом, что тогда? У разбогатевших жизнь тоже не мед.

Кода-то Шай тоже казалось, что она сумеет добыть все из ничего. Сбросить кожу и с улыбкой уйти. Но, как выяснилось, кратчайший путь редко ведет к исполнению мечты, а гораздо чаще заводит вас в дебри залитых кровью земель.

– Это только от слухов про золото им башни снесло, – Вист сделал второй глоток, дернув кадыком, и посмотрел на двух будущих старателей, которые сцепились за право обладать

последней киркой в лавке, в то время как торговец прилагал кучу усилий, чтобы разнять их. – Представь себе, что устроят эти ублюдки, если один из них найдет самородок.

Но Шай не требовалось напрягать воображение. Она видела когда-то подобное и не слишком радовалась воспоминаниям.

– Мужчинам нужна самая малость, чтобы озвереть.

– А женщинам нет? – поинтересовался Вист.

– А чего это ты вылупил на меня?

– Я подумал о тебе в первую очередь.

– Не уверена, что мечтаю быть в твоих мыслях.

Вист расхохотался, показав гнилые зубы, и вручил ей бутылку.

– Почему ты до сих пор без мужика, Шай?

– Наверное, я не в восторге от них.

– Тебе никто из них не нравится?

– Они первые начали.

– Все?

– Многие из них.

Шай взяла бутылку за горлышко, хорошенько протерла его и заставила себя сделать всего один маленький глоток. Слишком хорошо она знала, как маленький глоток превращается в большой, большой в бутылку, а бутылка в пробуждение с одной ногой в воняющем мочой ручье. Есть люди, которые рассчитывают на нее, и она уже устала их разочаровывать.

Драчунов растащили, но они продолжали обмениваться оскорблениями на разных языках, не вникая в подробности брани, но улавливая общую суть. В суете кирка исчезла, по всей видимости, угодив в руки более предприимчивому проходимцу, который воспользовался тем, что другие отвлеклись.

– Да, золото способно сводить людей с ума, – пробормотал Вист задумчиво, за что и получил прозвище. – Но если бы земля разверзлась передо мной, не думаю, что отказался бы от хорошего самородка.

Шай размышляла о ферме, о неотложных делах и о времени, потраченном впустую вместо полезной работы, потирая сбитыми большими пальцами обкусанные средние. На краткий миг путешествие через холмы не показалось таким уж дурацким. В конце-то концов, а вдруг там и впрямь есть золото? Обильно рассеянное в долине какой-нибудь реки сокровище ждет лишь прикосновения ее зудящих кончиков пальцев. Шай Соут, самая везучая женщина в Ближней Стране...

– Ха! – Она отогнала мысль, словно надоедливую муху. Несбыточные надежды – роскошь, которую Шай не могла себе позволить. – Исходя из моего опыта, земля не торопится делиться богатством. Во всяком случае, не больше чем любые другие скупердяи.

– Его у тебя хватает, да?

– Чего?

– Опыта.

Она моргнула, а потом вернула бутылку.

– Больше, чем ты можешь вообразить, старина.

И уж наверняка больше, чем у многих путешественников, черт их возьми, уж в этом Шай не сомневалась. Она покачала головой, созерцая очередную толпу приезжих – какие-то важные шишки из Союза, разодетые скорее для веселой прогулки, чем для долгого путешествия через сотни миль пустошей, где царит беззаконие. Казалось бы, живи и радуйся роскошной жизни, но нет же – они почему-то погнались за призрачной надеждой на большее. Шай задавалась лишь одним вопросом: как скоро они приковыляют обратно, разбитые и сломленные. Это если сумеют вернуться.

– А где Галли? – спросил Вист.

– Остался на ферме. Приглядывает за моими братом и сестрой.
– Давненько его не видал.
– А он давно не выбирался в город. Говорит, кости ломит в седле.
– Старость не радость. Никто из нас не молодеет. Увидишь его, передай, что я скучаю.
– Если бы он был сейчас здесь, то осушил бы твою бутылку в один глоток, и ты проклял бы его имя.

– Да запросто, – вздохнул Вист. – Так обычно и бывает с теми, по ком скучаешь.

В это время Лэмб форсировал вброд людской поток, запрудивший улицу. Его седые патлы возвышались над толпой, несмотря на привычную сутулость. И выглядел он куда более жалким, чем всегда.

– Сколько тебе дали? – спросила Шай, спрыгивая с фургона.

Лэмб вздрогнул, поскольку знал, что будет дальше.

– Двадцать семь... – Его рокочущий голос дрогнул на последнем слове, превращая высказывание в вопрос. Будто на самом деле он хотел спросить: «Меня сильно нажухали?»

Шай покачала головой и, надавив языком на щеку, показала ему, что он в шаге от того, чтобы полностью обгадиться.

– Ты – самый трусливый трус, Лэмб! – Она стукнула кулаком по мешку, поднимая облако пыли. – Я два дня перлась сюда не для того, чтобы отдать все задаром!

Он передернулся еще сильнее, скривив обрамленное седой бородой лицо – переплетение застарелых шрамов и морщин, обветренных и покрытых дорожной пылью.

– Я не умею торговаться, Шай, ты же знаешь...

– Напомни, будь добр, что ты умеешь? – бросила она через плечо, уже шагая в лавку Клэя. Дала пробежать мимо стаду пятнистых, отчаянно «мекающих» коз и пошла дальше. – Ну, разве что мешки таскать...

– Это уже что-то, правда? – пробормотал Лэмб.

В лавке толклось еще больше людей, чем на улице. Здесь пахло пряностями, свежераспиленными досками и потными телами. Шай пришлось протиснуться между приказчиком и черномазым южанином, балаболившем на наречии, которое она слышала впервые, потом обогнула ряд стиральных досок, свисавших с низких стропил, зацепив их случайно локтем, и наконец мимо угрюмого духолода, из чьих рыжих волос торчали ветки с остатками пожухлой листвы. Все эти люди стремились на запад, мечтали разбогатеть, но горе тому, кто попытался бы встать между Шай и ее прибылью.

– Клэй! – выкрикнула она. Шепотом здесь ничего не достигнешь. – Клэй!

Торговец, взвешивавший муку на весах высотой в человеческий рост, нахмурился.

– Шай Соут в Сквордиле! Не самый удачный у меня сегодня денек...

– Оглядишься по сторонам. Вокруг полным полно болванов, которых тебе еще предстоит обсчитать! – На последнее, довольно громко произнесенное слово, обернулось несколько голов.

– Никто никого не обманывает. – Клэй уперся здоровенными кулаками в бока.

– Возможно. Но мне надо поболтать с тобой наедине.

– Шай, мы с твоим отцом сошлись на двадцати семи...

– Ты прекрасно знаешь – он мне не отец. И прекрасно знаешь – хрена лысого сделка состоится, пока я не соглашусь.

Приподняв бровь, Клэй глянул на Лэмба, но северянин смотрел под ноги, тихонечко смещаясь в сторону, будто норовил скрыться с глаз. Несмотря на могучее сложение, Лэмб слабо-вольно отводил глаза, лишь стоило кому-то глянуть в его сторону. Он отличался мягким нравом и не чурался тяжелой работы, честно заменял Питу и Ро отца, да и Шай тоже, когда она это позволяла. В общем-то неплохой человек, но, черт побери, он был самым трусливым трусом.

Шай стыдилась за него и стыдилась из-за него, а потому злилась.

Она ткнула пальцем в лицо Клэя, словно обнаженным кинжалом, который она, не задумываясь, пустила бы в ход.

– Сквордил – это не тот город, где так ведут дела! Прошлым летом я получила двадцать восемь, а тогда у тебя не было и четверти нынешних покупателей. Я хочу тридцать восемь!

– Что? – Клэй возмутился громче, чем она предполагала. – У тебя золотое зерно, да?

– Да! Наилучшего качества. Намолоченное моими собственными руками, сбитыми до кровавых волдырей.

– И моими, – пробурчал Лэмб.

– Засохни! – отрезала Шай. – Я требую тридцать восемь и не уступлю ни монетки!

– Вот только не надо меня пугать! – Жирное лицо Клэя сморщилось от гнева. – Только из любви к твоей матери я могу дать двадцать девять.

– Ты никогда никого не любил, кроме своего кошелька. Если ты предложишь меньше тридцати восьми, то устроюсь рядом с твоей лавкой и начну торговать дешевле, чем ты можешь себе позволить.

Клэй не сомневался, что Шай исполнит угрозу, даже себе в убыток. Как говорится, никогда не угрожай другому, если хотя бы наполовину не уверен, что в силах выполнить обещанное.

– Тридцать один, – предложил он.

– Тридцать пять.

– Ты отнимаешь время у всех этих добрых людей, самовлюбленная сука.

Или она просто подсказывала этим хорошим людям, насколько их дурят в этой лавке. И рано или поздно до них дойдет.

– Это отбросы общества, и я буду их задерживать хоть до пришествия Иувина из земель мертвых, а это значит – тридцать пять.

– Тридцать два.

– Тридцать пять.

– Тридцать три, и, уходя, можешь дотла сжечь мою лавку!

– Не искушай меня, толстяк. Тридцать три, и добавь еще пару заступов поновее и немного корма для моих волов. Они жрут почти столько же, сколько и ты.

Шай плюнула на ладонь и протянула ее лавочнику.

Клэй горько скривил рот, но тоже плюнул на ладонь, и они скрепили сделку рукопожатием.

– Твоя мать была не лучше, – бросил он.

– Терпеть ее не могла, – ответила Шай, локтями пробивая дорогу к выходу, а Клэй остался вымещать бессильную злость на следующем покупателе.

– Ну что, очень трудно, да? – через плечо спросила она Лэмба.

Старый здоровяк-северянин тербил мочку уха.

– Боюсь, я сдался бы на двадцати семи.

– Это потому, что ты проклятый трус. Лучше совершить поступок, чем жить, боясь его. Разве не это ты мне всегда говорил?

– Со временем я понял опрометчивость такого совета, – пробормотал Лэмб себе под нос, но Шай, празднующая победу, не расслышала его.

Тридцать три – отличная цена. Шай уже посчитала в уме, что после того, как они починят прохудившуюся крышу амбара и купят пару свиней на замену зарезанным зимой, останется даже на книги для Ро. А возможно, они смогут выкроить немного денег на семена капусты и посеять их на огороде позади дома. Она улыбнулась, прикидывая, сколько всего можно построить нового и починить старого благодаря вырученным деньгам.

«К чему нужна большая мечта? – говорила ей мать, когда изредка бывала в хорошем настроении. – Хватит с нас и маленькой».

– Давай-ка начнем таскать мешки, – сказала она.

Может, Лэмб и достиг преклонного возраста, стал медлительным, как старая любимая корова, но силу сохранил. Не нашлось еще той тяжести, что могла бы согнуть этого человека. Все, что оставалось Шай, стоять на фургоне и один за другим переваливать мешки ему на плечи, в то время как Лэмб стоял, жалуясь не больше, чем груженная подвода. Потом он отнес их во двор Клэя, по четыре за один раз, будто не зерно, а перья. Шай, пожалуй, весила вдвое меньше его, зато была моложе на двадцать пять лет, но очень скоро истекала влагой сильнее, чем только что выкопанный колодец, жилетка прилипла к спине, а волосы к лицу. Руки покрылись розовыми ссадинами от мешковины и белой пылью от зерна. Она забористо ругалась, прижав язык к щели между зубами.

Лэмб стоял, удерживая два мешка на одном плече и один на другом, даже не запыхавшись. Насмешливые морщинки собрались в уголках его глаз.

– Не хочешь передохнуть, Шай?

– Отдохнуть бы от твоих советов, – сказала она, глянув на него.

– Могу сложить пару мешков, чтобы ты могла прилечь. Где-то там у нас и одеяло имеется. А я спою тебе песенку, как пел когда-то, когда ты была помоложе.

– Я и сейчас молодая!

– Ну, да... Иногда я вспоминаю маленькую девочку, которая мне улыбалась, – Лэмб оглядел ее издали, покачивая головой. – И я все думаю, когда у нас не заладились отношения с твоей матерью?

– Она умерла, а ты стал беспомощным? – Шай с усилием подняла мешок как можно выше и бросила Лэмбу на плечо.

Но старик только улыбнулся, прихватив его сверху рукой.

– Может, и так.

Повернувшись, он едва не врезался в другого северянина, такого же здорового, но выглядевшего весьма потасканно. Тот начал было выкрикивать ругательство, но замер на полуслове. Лэмб продолжал шагать, опустив голову, как делал всегда при малейшем ощущении приближающейся неприятности. Нахмурившись, северянин, посмотрел на Шай.

– Чего тебе? – Она твердо встретила его взгляд.

Он оглянулся на Лэмба и ушел, почесывая бороду.

Тени удлинились, а облака на западе окрасились алым, когда Шай уложила последний мешок перед ухмыляющимся Клэем, а он протянул ей деньги в кожаном кошельке, подцепив его пальцем за тесемку. Она потянулась, смахнула пот со лба перчаткой, а затем, открыв кошелек, заглянула внутрь.

– Тут все?

– Я не собираюсь тебя грабить.

– Это ты чертовски верно мыслишь.

Шай начала пересчитывать деньги. «Ты всегда узнаешь вора, – говорила мать, – по его любви к собственным деньгам».

– Может, мне вскрыть каждый мешок и проверить – зерно в них или дерьмо?

– А если там окажется дерьмо, ты не станешь им торговать? – фыркнула Шай.

– Делай, что хочешь, – вздохнул лавочник.

– Я и делаю.

– И ведь сделает, – добавил Лэмб.

Воцарилась тишина, нарушаемая только позвякиванием монет и сменой чисел в голове у Шай.

– Слышали, Глама Золотой выиграл еще один бой в яме около Грейера? – сказал Клэй. – Поговаривают, что он самый крутой ублюдок в Ближней Стране, а тут хватает крутых ублюд-

ков. Только дурак поставит против него, какие бы ни были выгодные условия. И только дурак выйдет против него драться.

– Не сомневаюсь, – прошептал Лэмб, затихая, как всегда, когда речь заходила о насилии.

– Один мужик своими глазами видел, как он отлупил старого Медведя Стоклинга, да так крепко, что у того кишки из задницы полезли.

– Вот это развлекуха! – восхитилась Шай.

– Все лучше, чем гадить собственными кишками.

– Ну, если выбор заключается в этом...

– Есть и худшие новости, – Клэй пожал плечами. – Слышали о сражении под Ростодом?

– Что-то краем уха, – отмахнулась Шай, пытаясь не сбиться со счета.

– Повстанцев снова побили, как я слышал. На сей раз крепко. Теперь все разбежались.

Ну, те, которые не попали в лапы инквизиции.

– Несчастные ублюдки, – сказал Лэмб.

Шай на миг остановилась, а потом продолжила считать монеты. Вокруг полно несчастных ублюдков, но какое ей до них дело? Ей хватало забот с братом и сестрой, с Лэмбом, с Галли, с фермой, чтобы не лить слезы из-за неприятностей других людей.

– Возможно, они задержатся в Малкове, но вряд ли надолго, – Клэй оперся своим мягким местом о жалобно заскрипевший забор и сунул ладони под мышки, оставив снаружи лишь большие пальцы. – Война закончилась... Если это можно назвать войной. Многих согнали с земли. Согнали, сожгли, отобрали все, что у них было... Дороги открыты, корабли прибывают. Многие люди внезапно увидели на западе надежду на богатство. – Он кивнул на пыльную неразбериху на улице, не утихавшую даже после захода солнца. – И это только первые ручейки. Настоящее половодье еще не началось.

– А когда они поймут, – фыркнул Лэмб, – что горы не состоят целиком из золота, то ломанутся обратно и будет новый потоп.

– Кое-кто вернется. Но некоторые осядут, пустят корни. Следом придет Союз. Сколько бы земель Союз ни захватил, ему хочется больше. А в тех, что на западе, еще и золотом попахивает. Кроме этого мерзкий старый ублюдок Сармис сидит на границе и бренчит мечом от имени Империи. Но он всегда бренчит мечом. А поток не утихнет, как я думаю. – Лавочник приблизился к Шай и заговорил полупшепотом, словно делился тайной: – Я слышал, представители Союза уже были в Хормринге, поговаривали о захвате земель.

– Подкупают людей?

– Само собой. У них монеты в одной ладони, а клинок в другой. Они всегда так делают. Нужно думать, как нам поступать, если они появятся в Сквордиле. Нам, старожилам, следует держаться друг за друга.

– Политика меня не интересует. – Шай старалась не интересоваться тем, что грозило неприятностями.

– Как и большинство из нас, – согласился Клэй. – Но часто политика интересуется нами сама. Если придет Союз, то он принесет с собой закон.

– Закон не выглядит так уж плохо, – соврала Шай.

– Может быть. Но налоги тянутся следом за законом столь же неотвратимо, как телега за ослом.

– Не могу сказать, что я в восторге от налогов.

– Это просто такой необычный способ грабежа, по-моему. Лучше уж пострадать от обычного разбойника, в маске и с кинжалом, чем от разбойника с пером и бумагой.

– Ну, уж не знаю, – замялась Шай. Ни один из тех, кого она грабила, не выглядел довольным, а некоторые завидовали мертвым.

Она позволила монетам соскользнуть с ладони в кошелек и затянула завязки.

– Ну, что, сходится? – спросил Клэй. – Или чего-то недостает?

– Не в этот раз. Но я думаю, что буду пересчитывать всегда.

– Другого я и не ожидал, – усмехнулся торговец.

Шай сделала кое-какие необходимые покупки. Соль, уксус, немного сахара – запасы, которые время от времени приходилось обновлять. Полосу вяленой говядины. Полмешка гвоздей, вызвав вполне предсказуемую шутку от Клэя, что она сама колючая, как полмешка гвоздей, на что она ответила столь же привычной шуткой, что она прибьет его яйца к ноге этими гвоздями, и закончилось все не менее старой шуткой от Лэмба, что яйца Клэя столь малы, что в них и гвоздем-то не попадешь. Все трое похихикали, восхищаясь остроумием друг друга.

Она почти решилась купить новую рубашку для Пита, стоившую больше, чем они могли себе позволить, но Лэмб погладил ее руку своей, одетой в перчатку, и предложил купить лучше иглы с нитками и, таким образом, она сможет перешить рубашку для брата из старой Лэмбовой. Пожалуй, даже не одну, а пять – мальчишка отличался худобой. Иглы были новомодные. Клэй сказал, что такие сейчас изготавливают в Адуе, на особом прессе по сто штук за один раз. Шай улыбнулась, представив, как Галли, качая белой головой, скажет, что после иголок из-под пресса не знает, чего дальше ждать от жизни, а Ро схватит их ловкими пальцами, рассматривая и размышляя, как же их делали?

Задержавшись перед выпивкой, Шай облизнула губы, глядя на отливающее янтарем темное стекло, но заставила себя отвернуться и торговалась с Клэем еще яростнее, пока не закончила с покупками.

– Никогда больше не приезжай ко мне, бешеная сука! – выкрикнул лавочник, когда она забиралась на козлы фургона к Лэмбу. – Ты разорила меня, черт побери!

– А как насчет следующего года?

– Ну, да! Увидимся! – махнул он толстой рукой, возвращаясь к покупателям.

Потянувшись, чтобы отпустить тормоз, едва не схватила за бороду того самого северянина, с которым раньше чуть не столкнулся Лэмб. Он стоял около фургона, шевеля бровями, будто пытался вытащить что-то из тумана памяти, заложив большие пальцы за перевязь – простая рукоять меча очень близка к ладони. Суровое лицо с неровным шрамом, который тянулся от глаза до редкой бороды. Шай напустила на лицо умильное выражение, а сама незаметно вытащила нож, перехватив его таким образом, чтобы клинок прятался за предплечьем. Лучше избежать неприятностей, имея сталь в руке, чем напороться на них без стали.

Северянин сказал что-то на своем наречии. Ссутулившись еще сильнее, Лэмб даже не повернулся к нему. Северянин повторил вопрос. Лэмб буркнул что-то через плечо, дернул вожжами, и фургон покатился, сотрясая Шай всеми колесами. Она обернулась, когда они отъехали на несколько шагов по усеянной колдобинами улице. Северянин стоял, глотая пыль и хмурясь им вслед.

– Что он хотел?

– Ничего.

Она вернула нож в ножны, закинула одну ногу на бортик и расслабилась, опустив шляпу пониже, чтобы заходящее солнце не било в глаза.

– В мире полным-полно странных людей. Если терять время, думая о них, то можно потратить всю жизнь. – Лэмб скорчился даже сильнее, чем обычно, будто хотел спрятать голову на собственной груди.

– Нет, ты все-таки самый трусливый трус, – фыркнула Шай.

Он покосился на нее, а потом отвел взгляд.

– Видал я людей и похуже.

Они, смеясь, перевалили через холм к открывшейся впереди уютной маленькой долине. Лэмб что-то рассказывал. Как всегда, покинув город, он приободрился. В толпе он чувствовал себя не лучшим образом.

От этого и настроение Шай улучшилось. Они свернули на тропу, отмеченную двумя еле приметными следами от колес в высокой траве. В молодости она переживала черные времена, черные, как сама полночь, когда думала, что будет убита и брошена гнить под открытым небом или схвачена и вздернута на виселице, а потом труп ее будет отдан на съедение бродячим псам. Не раз, просыпаясь среди ночи вся в поту от страха, она клялась быть благодарной за каждое мгновение жизни, если судьба позволит снова проехать по этой простой дороге. Не то чтобы у нее возникло сейчас безмерное счастье – такова судьба всех обещаний, но, возвращаясь домой, Шай всякий раз чувствовала себя намного легче.

Когда они увидели ферму, смех застрял в горле Шай. Они замерли и сидели без звука, лишь ветер шелестел в густой траве. Шай не могла дышать, не могла говорить, не могла думать, кровь заледенела в ее жилах. А потом она спрыгнула с фургона и побежала.

– Шай! – кричал позади Лэмб, но вряд ли она понимала его, в ушах отдавалось лишь хриплое дыхание, когда она мчалась по склону. Земля и небо мелькали в глазах. Прямоком по стерне недавно сжатого поля. Через сломанный забор, по втоптаным в грязь куриным перьям.

Она вбежала во двор – то, что раньше было двором, – и замерла в растерянности. От дома осталась лишь груда обугленных бревен и какого-то мусора, и только пошатывающийся дымоход торчал, устремленный к небу. Дыма не было. Должно быть, пару дней назад прошел дождь. Но сгореть успело все. Шай обошла вокруг черных развалин амбара, всхлипывая на каждом вдохе. Галли висел на дереве позади дома. Его вздернули над могилой матери Шай, повалив надгробную плиту. Истыкали всего стрелами. Дюжина, а может, и больше.

Шай показалось, будто ее ударили под дых. Она согнулась, обхватив плечи руками, и застонала. Дерево плакало вместе с ней, когда ветер потрянул его крону, вынуждая плавно покачиваться тело Галли. Бедный старый безвредный ублюдок. Он окликнул ее, когда они с Лэмбом отправлялись в город. Сказал, чтобы не волновалась, что он приглядит за детьми. А Шай рассмеялась и ответила, что переживать нечего – это дети за ним присмотрят. Она не видела ничего вокруг из-за боли в глазах. Ветер жалил ее, она все крепче сжимала плечи, внезапно ощутив бесконечный холод.

Послышались шаги Лэмба. Постепенно замедляясь, он остановился около Шай.

– Где дети?

Они переворостили остатки дома и сарая. Вначале медленно, тщательно и с опаской. Лэмб растаскивал обугленные бревна, в то время как Шай рылась в золе, ожидая, что вот-вот наткнется на кости Ро или Пита. Но в доме их не оказалось. Так же, как и в амбаре. И во дворе. Все неистовее, сдерживая страх и глуша зарождающуюся надежду, Шай металась в зарослях травы, ковырялась в мусоре, но от брата и сестры нашла всего лишь обгоревшую игрушечную лошадку Пита, которую Лэмб выстрогал несколько лет назад, и прихваченные огнем страницы из книжек Ро.

Дети исчезли.

Шай стояла лицом к ветру, прижав мокрую ладонь ко рту, и тяжело дышала. На ум приходило только одно.

– Их похитили, – каркнула она.

Лэмб кивнул в ответ. Его седую бороду и волосы покрывал слой сажи.

– Зачем?

– Не знаю.

– Мы должны их вернуть, – сказала Шай, вытирая измаранные ладони о подол рубахи и сжимая кулаки.

– Согласен.

Она уселась на корточки под деревом, где дерн обильно истоптали. Вытерла нос и глаза. Прошла по следу до другого выбитого копытами «пятачка». Здесь она нашла пустую бутылку,

брошенную в грязь. Кто бы тут ни был, они не пытались таиться. Отпечатки копыт окружали развалины со всех сторон.

– Как мне кажется, человек двадцать. Хотя лошадей около сорока. Заводных коней они оставляли здесь.

– Может, это кони, чтобы ехали дети?

– Куда ехали?

Лэмб покачал головой.

Она продолжала говорить только для того, чтобы заполнить пустоту, желая начать делать хоть что-то, лишь бы не думать о случившемся.

– По-моему, они пришли с запада и направились на юг. Очень спешили.

– Я возьму заступы. Похороним Галли.

С работой они справились быстро. Шай вскарабкалась на дерево, не глядя находя опору для рук и ног. Она часто взбиралась на него еще до того, как появился Лэмб. Тогда мать смотрела на нее, а Галли хлопал в ладоши. Теперь мать похоронена у корней, а Галли повешен на ветвях. Шай казалось, что она повинна в их смертях. Нельзя вот так просто повернуться спиной к такому прошлому, как у нее, и уйти, посмеиваясь.

Перерезав веревку, Шай обломала стрелы и пригладила окровавленные волосы покойника, в то время как Лэмб вырыл яму рядом с могилой ее матери. Закрыв широко распахнутые глаза Галли, Шай прижала ладонь к его щеке. Холодная... Он казался сейчас таким маленьким и тощим, что ей захотелось завернуть тело в плащ, но лишней одежды у них с собой не было. Лэмб осторожно поднял мертвеца на руки и опустил в яму. Забросали могилу землей они уже вдвоем. Выровняли надгробие, стараясь не топтать и без того примятую траву, а холодный ветер подхватывал хлопья черного и серого пепла и уносил его над землей далеко-далеко, в никуда.

– Надо что-то сказать? – спросила Шай.

– Мне нечего сказать. – Лэмб направился к фургону.

До заката оставалось не более часа.

– Оставим это здесь, – сказала Шай. – Я хожу быстрее, чем проклятые воны.

– Но не так долго и без всех вещей. И нам не нужно торопиться. Что у них в запасе? Два или три дня. И они будут ехать быстро. Двадцать человек, ты сказала? Нужно трезво смотреть на жизнь, Шай.

– Трезво смотреть на жизнь? – прошептала она, с трудом осознавая услышанное.

– Допустим, мы пойдем пешком. Даже если не умрем от голода или нас не смоет буря, а мы догоним их, что тогда? Ведь мы даже не вооружены. Твой нож не считается. Мы поедем так быстро, как Скейл и Кальдер смогут нас везти. – Он кивнул на волов, щипавших травку, пока предоставлялся такой случай. – А там поглядим – вдруг получится отбить пару от стаи. Поглядим, что они из себя представляют.

– Да это и так ясно! – Она указала на могилу Галли. – И что станет с Питом и Ро, пока мы, мать его, крадемся следом?! – она уже перешла на крик, от которого несколько ожидавших поживы воронов слетели с веток.

Угол рта Лэмба дернулся, но он упрямо отводил взгляд.

– Мы не будем торопиться, – сказал он так, словно все давно решил. – Может, сумеем договориться. Выкупим детей.

– Выкупим? Они сожгли твою ферму, повесили твоего друга, украли твоих детей, а ты им денежек заплатить хочешь? Ты – гребанный трус!

Лэмб продолжал смотреть в сторону.

– Иногда трусость нужна, – хрипло произнес он. – Пролитая кровь не поднимет ферму из пепла, а Галли из могилы. Это уже произошло. Лучшее, что мы можем сделать – вернуть

детвору. Любым способом. Лишь бы целыми и невредимыми. – На этот раз подергивание распространилось от угла рта до глаза через изуродованную шрамом щеку. – А после поглядим.

Уезжая на закат, Шай последний раз оглянулась. Ее дом. Ее надежды. Как много может изменить один день. Не осталось ничего, кроме груды обгоревших бревен на фоне розового неба. К чему нужна большая мечта? Так плохо ей не было никогда в жизни, а она бывала в грязных, темных и мерзких переделках. Сил с трудом хватало, чтобы держать голову прямо.

– Зачем они все сожгли? – прошептала она.

– Некоторые просто любят жечь, – ответил Лэмб.

Шай взглянула на него. На покрытом рубцами лице хмурый взгляд из-под низко надвинутой шляпы. В одном глазу отражалось умирающее солнце. Человек, у которого кишка тонка хорошенько поторговаться с лавочником, спокойно рассуждал об убийстве и похищении детей. Трезво смотрел на любую работу, которую предстояло выполнить.

– Как ты можешь быть таким спокойным? – прошептала она. – Ты... ты как будто знал, что это случится.

– Это случается всегда, – ответил Лэмб, по-прежнему не глядя на нее.

Легкий путь

– Я пережил множество разочарований, – проговорил Никомо Коска, капитан-генерал Роты Щедрой Руки, картинно оттопырив локоть. – Полагаю, каждый великий человек через это прошел. Славные мечты, разрушенные предательством, сменяются новыми устремлениями. – Он посмотрел на Малков – столбы дыма устремлялись от горящего города в синее небо. – Так много надежд за моей спиной.

– Должно быть, вам потребовалось немалое мужество, – сказал Суорбрек, отрываясь от заметок и сверкнув на краткий миг очками.

– Несомненно! Я уже потерял счет случаям, когда тот или иной излишне легковверный враг преждевременно заявлял о моей смерти. Сорок лет испытаний, борьбы, предательства и разочарований. Проживите достаточно долго, и вы увидите, как все рушится. – Коска встрепенулся. – Но, по крайней мере, тоски я не знал! Какие приключения мы испытали, а, Темпл?

Темпл вздрогнул. За пять лет он был свидетелем внезапной паники, затяжной скуки, частого поноса, одолевающей чумы и бегства от сражений, как от чумы. Но платили ему не за искренность. Далеко не за искренность.

– Героические! – сказал он.

– Темпл – мой стряпчий. Он готовит договора и следит за их соблюдением. Один из самых толковых ублюдков, встреченных мною когда-либо. На скольких языках ты говоришь, Темпл?

– Бегло не больше чем на шести.

– Самый полезный человек во всей проклятой Роте! После меня, конечно. – Легкий ветерок налетел на холм и растрепал седые волосы на покрытом пятнами черепе Коски. – Мне так хочется поведать вам свои истории, Суорбрек! – Темпл сдержал гримасу отвращения. – Осада Дагоски! – Которая закончилась полным провалом. – Битва при Афиери! – Позорный разгром. – Годы Крови! – Наниматели сменялись как перчатки. – Война в Кадирии! – Поражение из-за пьянства. – Я даже козу возил с собой несколько лет. Упрямая скотина, но преданная, этого у нее не отнять...

Суорбрек сумел изобразить что-то наподобие учтивого поклона, сидя, скрестив ноги, у каменной глыбы, выпавшей из кладки.

– Не сомневаюсь, что мои читатели будут восхищаться вашими подвигами.

– Их хватит на двадцать томов.

– Трех вполне достаточно...

– А знаете, когда-то я был великим герцогом Виссерина, – Коска отмахнулся от знаков почтения, которых ему никто и не думал выказывать. – Но не переживайте. Вам не нужно называть меня «ваша светлость». У нас здесь, в Роте Щедрой Руки, все по-простому. Правда, Темпл?

– Мы здесь все равны, – глубоко вздохнул законник.

Большинство из собравшихся здесь – лгуны, почти все – воры, а многие – убийцы. Что ж тут удивляться простоте нравов?

– Сержант Балагур со мной еще дольше, чем Темпл. С тех времен, когда мы свергли великого герцога Орсо и возвели Монцу Меркатто на трон Талинса.

– Вы знакомы с великой герцогиней? – удивился Суорбрек.

– Весьма тесно. Не считаю преувеличением заявить, что я был ее ближайшим другом и наставником. Я спас ей жизнь при осаде Муриса. А она – мне! Есть очень мало достойных людей, с которыми я не выступал в те годы под одними знаменами или под противоположными. Сержант Балагур!

Сержант – человек без шеи – повернул к нему лицо, безучастное, словно каменная плита.

– Что ты понял, путешествуя со мной?

– Что в тюрьме лучше, – ответил тот, возвращаясь к игре в кости – этому развлечению он мог предаваться с утра до вечера.

– Он – такой весельчак! – погрозил Коска костлявым пальцем, хотя даже намек на шутку Темпл не заметил. Он вообще ни разу за пять лет не слышал, чтобы Балагур шутил. – Суорбрек, вы увидите, как у нас в Роте умеют радоваться хорошим шуткам!

Это если умолчать о медленно закипающей вражде, об изнурительной скуке, жестокости, болезнях, грабежах, изменах, пьянстве и таком разврате, что и дьявол бы покраснел.

– Все эти пять лет, – сказал Темпл, – я хохотал, не переставая.

Было время, когда он считал байки Старика веселыми, живыми, увлекательными. Волшебная картинка, которой можно не бояться. Теперь его мутило от них. Познал ли истину Темпл или Коска позабыл о ней – сказать трудно. Возможно, то и другое, вместе взятое.

– Да, у нас был настоящий успех. Множество поводов для гордости. Множество побед. Но, конечно, и поражения тоже. У каждого великого человека они бывают. Огорчения – издержки нашей работы, как говорил Сазайн. Люди часто обвиняют меня в непостоянстве, но я точно знаю – на любом перекрестке я выберу один и тот же путь. Путь, который меня устраивает. – Пока прихотливая память старого наемника блуждала по тропинкам его прошлого, Темпл начал потихоньку отступать, скрываясь за сломанной колонной. – У меня было счастливое детство, но весьма бурная молодость, полная отвратительных приключений, а в семнадцать я покинул свою родину в поисках счастья, рассчитывая лишь на острый ум, отвагу да проверенный в схватках клинок...

По мере того как Темпл спускался с холма, покидая тень древних развалин и выбираясь на солнце, отголоски пустого бахвальства стихали. Не важно, что там говорил Коска, но обмен добрыми шутками был здесь не самым признанным видом развлечения.

Темпл видел убожество. Многое пережил. Но он редко видел людей столь же жалких, как эта ужасная дюжина пленных мятежников из Старикленда, закованных в цепи, голых, грязных, привязанных к кольям. Трудно вообразить, что они угрожали величайшей державе в Земном Круге. Даже трудно представить их обычными людьми. Разве что татуировки на предплечьях напоминали о брошенном некогда вызове.

«Гребаный Союз». «Гребаный король». Вязь букв тянулась от запястья до локтя у ближайшего. В последнее время Темпл все больше и больше соглашался с этими призывами. У него нарастало ощущение, что он вновь оказался не на той стороне. Но, когда выбираешь, трудно предугадать все. Когда-то Кадия сказал ему: «Ты понимаешь, что выбрал не ту сторону в тот миг, как выбор совершен». Однако, по наблюдениям Темпла, еще хуже приходилось тем, кто застрял на распутии. А ему надоело жить хуже других.

Суфин стоял около пленников с пустой флягой в руке.

– Что делаем? – спросил Темпл.

– Попусту тратим воду, – ответил развалившийся неподалеку Берми, почесывая светлую бороду.

– А вот и нет, – возразил Суфин. – Я пытаюсь призвать милосердие Бога к нашим пленным.

У одного из них виднелась страшная, необработанная рана на боку. Глаза несчастного метались, губы бормотали бессвязные приказы или бессмысленные молитвы. Когда от раны начинает пахнуть, надежды на спасение никакой. Но и будущее других не было радужным.

– Если Бог есть, то он очень хитрый мошенник, и я не доверил бы ему что-либо важное, – прошептал Темпл. – Милосерднее было бы убить их.

– Вот и я то же советую, – согласился Берми.

– Для этого нужна отвага, – Суфин протянул меч рукояткой вперед. – У тебя есть отвага, Темпл?

Тот фыркнул. Суфин опустил оружие.

– Вот и у меня тоже. Поэтому я даю им воду, хотя понимаю – этого недостаточно. А что там делается на вершине холма?

– Ждем наших нанимателей. А пока Старик кормит свою гордыню.

– Она – прожорливая тварь, – заметил Берми. – Не так просто прокормить.

– И растет с каждым днем. Как чувство вины у Суфина.

– А это не чувство вины, – ответил Суфин, покосившись на пленников. – Это чувство справедливости. Разве священники тебя этому не учили?

– Ничто не разочаровывает человека так быстро в справедливости, как религиозное образование, – пробормотал Темпл.

Он вспомнил хаддиша Кадью, ведущего урок в просторной беленой комнате, и себя молодого, потешающегося над учителем. Доброта, милосердие, самоотверженность... Как совесть. Это часть того, что люди получают в дар от Бога. Частички божественной сущности. То, от чего Темпл долгие годы пытался избавиться. На глаза ему попался один из мятежников. Женщина, если судить по спутанным волосам, упавшим на лицо. Она потянулась, насколько пускала цепь. За водой или за мечом, сказать трудно. «Хватай свое будущее!» – проступали буквы на ее коже. Темпл достал свою флягу, нахмурившись, взвесил ее на ладони.

– И у тебя прорезалось чувство вины? – прищурился Суфин.

Темпл помнил, каково это – быть в цепях, хотя носил их уже давно.

– Сколько времени ты в разведчиках? – спросил он.

– Восемнадцать лет.

– Тогда ты уже должен понять, что совесть – плохой проводник.

– Ни хрена она не знает эту страну, – добавил Берми.

– А кто же должен указать нам путь? – развел руками Суфин.

Сверху донесся резкий голос Коски:

– Темпл!

– Вот он – твой проводник. Зовет тебя, – сказал Суфин. – Можешь дать им воду потом.

Стряпчий кинул ему флягу и пошел вверх по склону.

– Дай им воды сейчас. А то потом инквизиция заберет их.

– Всегда самый легкий путь, да? – крикнул Суфин вслед.

– Всегда, – буркнул под нос Темпл. Оправдываться он не собирался.

– Мое почтение, господа! Добро пожаловать! – Коска сдернул с головы невообразимую шляпу, когда его достойные наниматели приблизились верхом, плотно окружая большой и прочный на вид фургон.

Несмотря на то что Старик, слава богу, несколько месяцев назад завязал с пьянством, он все еще казался слегка поддатым. Размашистые движения костлявых рук, ленивый прищур иссохшихся век, беспорядочные переливы речи. Из-за этого вряд ли кто-то мог предугадать, что он скажет или сделает. Одно время Темпл находил эту особенность волнующей, будто ты следишь за вращением колеса рулетки. Но сейчас это стало похожим на ожидание, когда из грозовой тучи шархнет молния.

– Генерал Коска, – произнес Наставник Пайк, глава Его Августейшего Величества Инквизиции в Старикленде и самый влиятельный человек на пятьсот миль вокруг. Его лицо до неузнаваемости уродовали шрамы от ожогов, глаза темнели на пятнистой розовой маске, а уголки рта кривились то ли из-за разрушительного воздействия огня, то ли из-за попытки улыбнуться. Дюжина его экзекуторов в полном доспехе и черных накидках настороженно входила в развалины.

Коска усмехнулся, указав на догорающий город за долиной.

– Малков сожжен, как я вижу.

– Лучше обратиться в пепел под властью Союза, чем процветать под мятежниками, – заметил инквизитор Лорсен, спешиваясь. Высокий, изможденный, с ревностно горящим взором. Темпл ему завидовал – хорошо чувствовать свою непрекаемую правоту, независимо от того, в каких бесчинствах ты принимаешь участие.

– Истинно так, – согласился Коска. – Без сомнения, подданные Союза разделяют ваше мнение. Сержанта Балагура вы знаете. А это – мастер Темпл, стряпчий моей Роты.

Генерал Бринт слез с коня последним, поскольку это несложное действие требовало от него значительных усилий. В сражении при Осрунге он потерял большую часть руки вкуче со всем чувством юмора и левый рукав темно-красного мундира подворачивал и прикалывал к плечу.

– Вижу, вы подготовились к юридическим разногласиям, – сказал он, поправляя перевязь и глядя на Темпла так, словно тот был утренней телегой с чумными трупами.

– Второе, что требуется наемнику, это хорошее оружие, – Коска похлопал Темпла по плечу. – Потому что первое – совет человека, хорошо знающего законы.

– А на каком месте у вас стоит отсутствие совести?

– На пятом, – пояснил Темпл. – После короткой памяти и отменного остроумия.

Наставник Пайк разглядывал Суорбрека, который все еще черкал заметки.

– А этот человек какие советы вам дает?

– О! Это – Спиллион Суорбрек, мой биограф.

– Не более чем скромный собиратель историй! – Суорбрек отвесил Наставнику изысканный поклон. – Хотя должен признаться без ложной скромности – над моими книгами плачут даже мужчины.

– В хорошем смысле? – спросил Темпл.

Но писатель, если и услышал его, то был слишком увлечен самовосхвалением, чтобы ответить.

– Я слагаю истории о героях и приключениях, чтобы вдохновлять граждан Союза! Благодаря новой чудесной печатной машине «Римальди» мои книги получили теперь широчайшее распространение. Возможно, вы слышали о моих «Рассказах о Гароде Великом» в пяти томах? – Молчание. – Или о восьмитомной эпопее «Жизнь Касамира, героя Англанда»? – Тишина. – Ну, в которой я поднимаю на щит минувшую славу, дабы разоблачить моральный упадок дней нынешних?

– Нет, – застывшее лицо Пайка не выдавало ни малейших эмоций.

– Я обязательно вышлю вам несколько книг, Ваше Святейшество!

– А вы сможете читать их вслух подозреваемым, чтобы выбивать у них чистосердечное признание, – прошептал Темпл.

– Не стоит трудиться, – сказал Пайк.

– Никаких трудов! Генерал Коска разрешил мне следовать за ним в последней кампании, пока он вспоминает подробности своей захватывающей карьеры наемника! Я сделаю его главным героем своей самой выдающейся на настоящее время книги!

Эхо слов Суорбрека кануло в звенящую тишину.

– Уберите этого человека с моих глаз, – приказал Пайк. – Меня коробит от его пустой болтовни.

Сочинитель стремительно слетел по склону холма в сопровождении двух экзекуторов, а Коска как ни в чем не бывало продолжал:

– Генерал Бринт! – Он вцепился двумя руками в единственную ладонь генерала. – Я понимаю, у вас есть сомнения по поводу нашего участия в атаке...

– Меня беспокоило полное отсутствие вашего участия! – Бринт с усилием высвободил пальцы.

Коска сложил губы в гримасу обиженной невинности.

– Вам показалось, что наш поступок противоречит условиям договора?

– Он противоречит чести, достоинству и профессионализму...

– Что-то я не упомянул этих пунктов в договоре, – вмешался Темпл.

– Вам приказали атаковать! Ваш отказ стоил жизни нескольким из моих солдат, один из которых был моим другом!

Коска лениво отмахнулся, будто личные друзья – мухи-поденки, о которых едва ли стоило упоминать в разговоре серьезных людей.

– Мы завязли здесь, генерал Бринт. Тут тоже было жарко.

– Бескровная перестрелка!

– Вы так говорите, будто кровавая выгоднее.

Темпл протянул руку Балагуру, и тот вложил ему в ладонь договор, извлеченный из внутреннего кармана.

– Пункт восемь, насколько я помню. – В мгновение ока он отыскал нужное место и зачитал вслух: – Формально любой обмен метательными снарядами входит в обязанности сторон. Таким образом, каждый член Роты должен получить премиальное вознаграждение.

– Еще и премия? – Бринт побелел. – Несмотря на то, что ни один ваш человек даже не был ранен?

– Но у нас есть случай дизентерии, – откашлялся Коска.

– Это была шутка?

– Не для того, кто подвергся этой жестокой болезни, уверяю вас!

– Пункт девятнадцать, – Темпл, шелестя страницами, листал документ. – Любой человек, выведенный из строя вследствие заболевания, приравнивается к военным потерям Роты. Следовательно, полагается оплата для возобновления этих потерь. Я уже не говорю о пленных, взятых в бою и доставленных...

– Значит, вы все сводите к деньгам, да?

Коска вознес плечи так высоко, что чиркнул эполетами по мочкам ушей.

– Ну, а к чему еще? Мы – наемники. А благородные устремления мы оставляем благородным людям.

Мертвенно-бледный Бринт повернулся кстряпчему:

– Наверное, ты рад, что научился так юлить, гуркский червь?

– Вы осчастливили нас, поставив свою подпись под условиями, генерал, – Темпл раскрыл договор на последней странице, наглядно демонстрируя неровную подпись Бринта. – И моя радость к делу не имеет отношения. Так же, как и мое юление. И я, с вашего позволения, наполовину дагосец, а наполовину стириец, раз уж вы занялись изучением моей родословной...

– Ты – черномазый незаконнорожденный сын шлюхи.

– Моя мать никогда не стыдилась своей работы, – кротко улыбнулся Темпл. – Так почему я должен стыдиться?

Генерал уставился на Наставника Пайка, который уселся на запятнанном лифайником камне из разрушенной кладки и, вытащив краюху хлеба, пытался подманить птиц крошками и негромким причмокиванием.

– Следует ли мне понимать, Ваше Святейшество, что вы одобряете этот узаконенный грабёж? Это договорная трусость, это возмутительное...

– Генерал Бринт, – Пайк говорил ласково, но со скрытыми скрежещущими нотками, которые, будто скрип ржавых петель, в клочья разорвали тишину. – Мы все ценим доблесть, проявленную вами и вашими людьми. Но война окончена. Мы победили. – Он бросил крошки в траву, наблюдая, как крохотная птичка кинулась их клевать. – Но зачем же устраивать разбирательство, кто и сколько сделал для победы? Вы подписали договор. Мы будем выполнять его. Мы же не дикари какие-то.

– Да, мы не дикари, – Бринт бросил яростный взгляд на Темпла, на Коску, на Балагура, каждый из которых сохранял невозмутимость. – Мне нужен свежий воздух. Здесь невыносимо смердит!

С видимым усилием генерал забросил себя в седло, развернул коня и умчался в сопровождении нескольких адъютантов.

– Как по мне, воздух достаточно чист, – заметил Темпл, чувствуя облегчение, что противостояние завершилось.

– Умоляю, простите резкость генерала, – сказал Пайк. – Он весь погружен в свою службу.

– Я всегда стараюсь прощать человеческие слабости, – ответил Коска. – В конце концов, у меня полно своих собственных.

Наставник не попытался его разубедить.

– Даже в этом случае я хочу предложить вам работу на будущее. Инквизитор Лорсен, не соблаговолите пояснить подробности?

И он вернулся к общению с птичками, будто все остальное – лишь досадная помеха.

– Мятаж подавлен, – шагнул вперед Лорсен, наслаждаясь предоставленной ролью. – Инквизиция выявляет всех нелояльных к короне. Однако некоторым бунтовщикам удалось скрыться. Они бежали тайными тропами на дикий запад, где, вне всяких сомнений, начнут готовить новое восстание.

– Трусливые ублюдки! – Коска хлопнул себя по ляжке. – Неужели они не могли остаться и умереть как достойные люди? Я все могу понять, но разжигание беспорядков – дерьмовое безобразие!

Лорсен прищурился как бы из-за ветра и продолжал:

– По политическим причинам армия его величества не может их преследовать.

– Политические причины... – задумался Темпл. – Например, граница?

– Именно.

– О! Я никогда не принимал их слишком близко к сердцу, – Коска рассматривал свои нестриженные желтые ногти.

– Вот именно, – бросил Пайк.

– Мы хотим, чтобы Рота Щедрой Руки перевалила через горы и уладила Ближнюю Страну вплоть до реки Сокавайя на западе. Сорняки восстания должны быть выполоты раз и навсегда, – Лорсен отдернул руки от воображаемой мерзости, а голос его возвысился, когда он оседлал любимого конька. – Нужно очистить эти грязные стоки инакомыслия, которому слишком долго позволяли смердеть у нашей границы! Эту... переполненную выгребную яму! Это местилище нечистот, непрестанно извергающее гниль беспорядков в Союз!

Темпл заметил, что для человека, яростно настроенного против нечистот, инквизитор Лорсен слишком уж настойчиво смаковал сравнение с дерьмом.

– Ну, никто и не думает восхищаться переполненной выгребной ямой, – согласился Коска. – Разве что кроме золотарей, которым жизнь в нечистотах позволяет сводить концы с концами. Очистка от гнили – наша прямая задача. Не так ли, сержант Балагур?

Здоровяк оторвался от игры в кости, чтобы пожать плечами.

– Темпл у нас знаток иностранных языков, но позвольте мне растолковать, – Старик подкрутил седые кончики усов пальцами. – Вы хотите, чтобы мы обрушились, словно мор, на головы поселенцев из Ближней Страны. Вы хотите, чтобы мы преподали жестокий урок каждому бунтовщику и всем, кто посмеет их укрывать. Вы хотите, чтобы мы растолковали им – единственное светлое будущее их ждет под сенью и покровительством Его Величества. Вы хотите, чтобы мы убедили их упасть в радушные объятия Союза. Я все правильно понял?

– Довольно точно, – пробормотал Наставник Пайк.

Темпл осознал, что взмок, и смахнул пот со лба дрожащей рукой. Но что он мог поделать?

– Бумаги по взаимному соглашению уже подготовлены, – Лорсен показал пачку шуршащих листов, с нижнего угла которой свисала красная восковая печать.

– Мой стряпчие сперва ознакомятся с ними, – остановил его Коска. – Все эти юридические тонкости ускользают от моего внимания. Я – простой солдат.

– Вот и прекрасно, – сказал Пайк, шевеля лысыми бровями.

Испачканный чернилами палец Темпла скользил по страницам, исписанным каллиграфическим почерком, перескакивая с одного важного места на другое. Внезапно он понял, что раздраженно тербит уголки листов, и заставил себя успокоиться.

– Я буду сопровождать вас в этом походе, – сказал Лорсен. – У меня есть списки переселенцев, подозреваемых в сочувствии повстанцам. Или в мятежных настроениях.

– Нет ничего более опасного, чем вольнодумство! – усмехнулся Коска.

– В частности, его Высокопреосвященство Архилектор предусмотрел вознаграждение в пятьдесят тысяч марок за поимку живым главного зачинщика восстания – мятежника, именуемого Контусом. Также он известен под именем Саймок. Духолюды называют его Черная Трава. В Ростодской резне он использовал кличку...

– Довольно кличек, я вас умоляю! – Коска потер виски, будто бы испытывал боль. – После ранения в голову в сражении при Афиери у меня ужасная память на имена. От этого у меня постоянные трудности. Но сержант Балагур запоминает каждую мелочь. Если этот ваш Коншус...

– Контус.

– А я как сказал?

– Коншус.

– Вот видите! Если он в Ближней Стране, то он будет вашим.

– Живым, – подчеркнул Лорсен. – Он должен ответить за свои преступления. Он послужит уроком. Его следует наказать в назидание остальным!

– Уверен, его пример будет для всех весьма поучительным.

Пайк бросил еще щепоть крошек в растущую стайку птиц.

– В средствах мы вас не ограничиваем. Единственное, о чем я бы попросил, – оставьте на пепелище хоть что-то, что можно было бы присоединить к державе.

– Но вы же понимаете, рота наемников – скорее дубина, чем скальпель.

– Его Высокопреосвященство выбрал способ и понимает его ограничения.

– Достоинейший человек, наш Архилектор. Мы с ним довольно близко знакомы, как вы знаете...

– Еще один очень важный пункт, прописанный в договоре, как вы видите, касается необходимости любой ценой избегать каких бы то ни было столкновений с Империей. Любых и всяческих, вы меня понимаете? – скрежет вновь прорезался в голосе Пайка. – Легат Сармис бродит вдоль границы, словно разъяренный духолюд. Я не думаю, что он ее пересечет, но в любом случае он – человек решительный, жестокий и кровожадный, с которым лучше не шутить. Его Высокопреосвященство не желает в ближайшее время ввязываться в войну.

– О, не переживайте, я избегаю столкновений при малейшей возможности, – Коска похлопал по рукояти оружия. – Мечом следует угрожать, но не обнажать.

– У нас есть подарок для вас, – Наставник Пайк указал на укрепленный фургон – дубовое чудовище, окованное железом, которое тащила восьмерка мускулистых коней.

Он представлял собой нечто среднее между повозкой и крепостью – узкие окна-бойницы, зубчатый парапет по верху, откуда защитники могли бы стрелять по окружившим их врагам. Далеко не самый полезный подарок, но Коску никогда не интересовала польза.

– Это мне?! – Старик прижал сухие руки к позолоченному нагруднику. – Он станет моим убежищем в диких пустошах!

– Внутри него... – сказал Лорсен. – Некая тайна. Нечто, что Его Высокопреосвященство хотел бы испытать.

– Обожаю неожиданности! Ну, кроме таких, как вооруженный отряд за моей спиной. Можете передать Его Высокопреосвященству, что принять его подарок – честь для меня. – Коска поднялся, вздрогнув, когда хрустнули его старческие колени. – Как насчет бумаг по договору?

– Здесь... – Темпл оторвался от предпоследней страницы. Договор отталкивался от того, на подписании которого он настоял в прошлый раз, в отдельных пунктах был недвусмысленным, зато в других – невероятно щедрым. – Несколько спорных мест по поводу снабжения... – он запнулся, подбирая слова для возражений. – Еда и вооружение предусмотрены, но следует добавить...

– Мелочи! Они нас не задержат. Давайте немедленно подпишем бумаги и в путь! Чем больше наши люди томятся без дела, тем тяжелее потом оторвать их задницы. Ни одна стихия не бывает столь опасна для жизни и коммерции, как бездельничающий наемник.

Ну, разве что занятый наемник.

– Было бы полезно еще немного...

Коска шагнул вперед, положив ладонь на плечо Темпла.

– Есть какие-то юридические разногласия?

Темпл помедлил, подбирая слова, которые могли бы убедить человека, которого не могло убедить ничего.

– Нет, не юридические...

– Финансовые разногласия? – предположил Коска.

– Нет, капитан-генерал...

– Тогда?..

– Вы помните, как мы впервые познакомились?

Морщинистое лицо Коски внезапно озарилось той яркой улыбкой, на которую он иногда бывал способен, пребывая в благостном настроении и полный добрых намерений:

– Да, конечно. На мне был синий мундир, а ты кутался в какие-то бурые тряпки.

– Вы тогда сказали... – Сейчас это казалось невероятным. – Вы сказали, что мы вместе будем творить добро.

– А разве мы не творили добро, по большей части? Не нарушая закон, соблюдая денежные интересы. – Как если бы весь перечень достойных поступков располагался между этими двумя полюсами.

– А мораль?

– Мораль? – Лоб Старика сморщился, словно он услышал иностранное слово.

– Пожалуйста, генерал. – Темпл принял самый искренний вид, а он знал, что может убеждать, если сам во что-то верит всем сердцем. – Прошу вас – не подписывайте этот договор. Это будет не война, а избиение.

– Покойникам этого различия не понять.

– Мы – не судьи. Что станет с жителями этих городов, когда к ним явятся жаждущие наживы люди? С женщинами и детьми? Генерал, они не повинны ни в каком мятеже. Мы не настолько плохи.

– Мы? В Кадире ты такого не говорил. Насколько я припоминаю, ты убедил меня подписать договор.

– Ладно...

– И в Стирии. Разве это не ты советовал мне получить то, что было моим по праву?

– Тогда вы в самом деле нуждались...

– И ты помогал мне убеждать людей, пока мы не наняли корабль на север. Ты можешь быть чертовски убедительным, если пожелаешь.

– Тогда позвольте мне убедить вас сейчас. Прошу вас, генерал Коска, не подписывайте. Коска надолго задумался. Глубоко вздохнул. Его лоб сморщился еще больше.

– Хотелось бы полновесных доводов.

– Совесть... – в надежде прошептал Темпл. – Разве это не частичка божественного?

Это чтобы не вспоминать о дрянном лоцмане, который завел его в эти опасные воды. Под взглядом Коски он смущенно теребил подол рубахи.

– У меня есть чувство, что эта наша работа... – он мучительно подбирал слова, которые могли бы воспрепятствовать неизбежности. – Плохо кончится... – закончил он совершенно неубедительно.

– Наемникам редко удастся найти высокооплачиваемую работу. – Рука Коски все крепче сжималась на его плече. Темпл ощутил присутствие Балагура позади. Тихий и незаметный, но он там был. – Совестьливые люди, имеющие убеждения, могут задуматься, – а не поискать ли им другую работу? Но ведь служба Его Величеству изначально предполагает справедливую цель, как я понимаю.

Темпл сглотнул, глядя на Наставника Пайка, который собрал уже целую стаю щебечущих птиц.

– Не уверен, что разделяю их понятия о справедливости.

– Ну, справедливость – такая штука... – протянул Коска. – Каждый понимает ее по-своему. А золото, напротив, универсально. Согласно моему богатому жизненному опыту, человек больше волнуется о собственном кошельке, чем о том, чтобы быть просто... хорошим.

– Я всего-навсего...

– Я не хочу показаться жестоким, – Коска стиснул пальцы еще сильнее. – Дело ведь не только в тебе. Я вынужден думать о благосостоянии всей роты. Пятьсот человек...

– Пятьсот двенадцать, – уточнил Балагур.

– Вдобавок один больной дизентерией. Я не могу причинять им неудобства из-за твоих ощущений. Это было бы... против морали. Ты нужен мне, Темпл. Но если хочешь уехать... – Коска горестно вздохнул. – Несмотря на все твои обещания, несмотря на мое доброе расположение, несмотря на совместное преодоление трудностей... Ладно. – Он указал рукой на горящий Малков. – Я так думаю, путь всегда свободен.

Темпл снова сглотнул. Он мог уехать. Мог заявить, что не желает больше принимать участия во всем этом. Хватит с него, надоело, черт побери! Но такой поступок требовал храбрости. Он остался бы без поддержки людей с оружием. Он один, он слаб, он – готовая жертва. И Темпл, как обычно, выбрал самый легкий путь. Он поступал так даже тогда, когда понимал, что путь – ошибочный. В особенности тогда. Ведь легкий и ошибочный – отлично сочетаются. Даже тогда, когда он понимал, что добром не кончится, даже тогда. Зачем думать о будущем, когда есть настоящее и оно весьма запутано?

Может быть, Кадия и нашел бы способ помешать тому, что начиналось сейчас. Способ, который, весьма вероятно, потребовал бы самопожертвования. Но, следовало заметить, Темпл не был Кадией. Он вытер вспотевший лоб, нацепил на лицо вымученную улыбку и отвесил поклон.

– Я всегда принимал службу как почесть.

– Великолепно! – Коска выхватил договор из ослабевшей руки стряпчего и развернул, чтобы подписать в отведенном месте.

Наставник Пайк поднялся, стряхивая крошки с бесформенного черного плаща и распушивая птиц.

– А вы знаете, что там, на западе?

Вопрос на мгновение завис в воздухе. От подножья холма доносился слабый звон и стоны. Это экзекуторы уводили пленных.

– Там будущее, – ответил сам себе Пайк. – И это будущее не за Старой Империей – их время миновало тысячу лет назад. И не за духоллюдьми, которые все дикари. Оно не за беглецами, искателями приключений и мятежной нацией, что пустила цепкие корни в тамошнюю девственную почву. Нет, будущее принадлежит Союзу. И мы обязаны завладеть им.

– И мы не должны ограничивать себя в средствах, чтобы завладеть им, – добавил Лорсен.

– Не волнуйтесь, господа, – Коска, улыбаясь, поставил витиеватую подпись. – Мы завладеем будущим вместе.

Обычные люди

Дождь утих. Шай пряталась за деревьями, с которых продолжала обильно капать вода, и глядела на чернеющий остов дома поверх наполовину очищенного поваленного ствола с позабытым скобелем и завитками коры.

– Не так трудно выследить этих ублюдков, – проворчал Лэмб. – Они все время оставляют за собой сожженные дома.

Возможно, они думали, что убивают всех, кто мог бы отправиться в погоню. Шай старалась не думать, что могло случиться, если бы они заметили ее с отчимом, волочащихся следом в трясущемся фургоне.

Было время, когда она ясно видела каждый миг каждого нового дня – ее, Лэмба, Галли, Пита и Ро. Все задачи были ясны и цели определены. Она всегда верила, что будущее, которое их ждет, лучше, чем настоящее. Его очертания виднелись перед ней, как самую малость недостроенный дом. Трудно поверить, что с той поры прошло всего лишь пять ночей под хлопающим по ветру навесом в фургоне. Пять рассветов, черных, как яма под ногами, когда она пробуждалась зачочневшая и разбитая. Пять дней пути через леса и поля, оглядываясь вполглаза на свое темное прошлое и задаваясь вопросом: какая его часть выползла из могильных объятий земли и украла счастливую жизнь, пока она, улыбаясь, пялилась в светлое «завтра»?

Кончиками пальцев она взволнованно потирала ладонь.

– Пойдем посмотрим?

Сказать по правде, она боялась того, что могла там обнаружить. Боялась увидеть и боялась не увидеть. Измученная и запуганная, с зияющей дырой там, где раньше жила надежда.

– Я зайду с тыльной стороны. – Лэмб отряхнул колени шляпой и пошел вдоль опушки.

Сухие ветки хрустели под его ногами, голуби с шумом взлетали в небо. Любой мог догадаться о гостях. Если бы там кто-то был.

Ну, то есть был бы кто-то живой.

Заросший сорняками огород, и канава глубиной по середину голени. Рядом мокрое одеяло скрывало что-то бугристое. Из-под края торчала пара башмаков и пара костлявых босых ступней с грязью под посиневшими ногтями.

Лэмб присел на корточки и откинул угол одеяла. Мужское лицо и женское лицо. Бледные, землисто-серого цвета. Горла перерезаны. Женская голова свешивалась набок, открывая влажную багровую зияющую рану.

– Ох, ты... – Шай прижала язык к дырке между зубами и уставилась в землю.

Нельзя сказать, что она была такой наивной дурочкой, что ожидала увидеть что-то иное, но все же зрелище мертвецов что-то надорвало в душе. Тревога за Пита и Ро, или тревога за себя, или горькая память о тех недобрых временах, когда вид трупов не казался ей чем-то необычным.

– Оставьте их, сволочи!

Первым делом Шай увидела блестящий наконечник стрелы. Потом руку, натянувшую лук – побелевшие пальцы на темном дереве кибити. И последним – лицо. Мальчишка лет шестнадцати с копной светло-рыжих волос, прилипших к бледной коже.

– Я убью вас! Клянусь!

Он выбрался из зарослей кустарника, нащупывая ногами опору. Тени мельтешили на его перекошенном лице и дрожащей от напряжения руке с луком.

Шай заставила себя остаться на месте, хотя в душе ее боролись два противоречивых чувства – желание кинуться на него и желание сбежать. Каждый мускул ее тела жаждал выбрать между одним и другим. Когда-то давно Шай запросто подчинялась первым побуждениям. Только вот заводили они обычно прямиком в полное дерьмо. Поэтому она не позволила этим

гадам завладеть собой на этот раз и стояла неподвижно, твердо глядя на мальчишку. Прямо в его испуганные, что, впрочем, неудивительно, глаза, широко распахнутые и подозрительно поблескивающие в уголках. Потом постаралась произнести как можно мягче, будто не было рядом разрушенного дома, мертвых людей и натянутого лука.

– Как тебя зовут?

Он облизнул губы, наконечник стрелы дернулся, заставляя ее грудь, в которую он целился, судорожно сжаться.

– Я – Шай. Он – Лэмб.

Глаза мальчишки опустились. Лук тоже. Лэмб даже не дрогнул. Просто вернул одеяло на место и медленно выпрямился. Скорее всего, по мнению парня, он выглядел не вполне без-опасно. Любой, кто видел его шрамы поверх седой нечесаной бороды, с легкостью мог пред-положить, что вряд ли они получились из-за неосторожного обращения с бритвой.

Шай предполагала, что отчим получил их во время одной из войн на севере. Но если он и был воином когда-то, то сейчас от бывшей храбрости не осталось и следа. Самый трусливый трус, как говорила Шай. Хотя зачем об этом знать незнакомому мальчишке?

– Мы преследуем каких-то людей, – Шай старалась говорить мягко и убедительно, глядя в глаза парня и на наконечник его стрелы. – Они сожгли нашу ферму неподалеку от Сквордила. Сожгли ее, убили нашего работника и похитили мою сестру и маленького брата... – Тут горло подвело ее. Пришлось откашляться и продолжать: – Мы гонимся за ними.

– Думаю, и здесь они побывали, – добавил Лэмб.

– Мы идем по следу. Скорее всего, их около двадцати, едут быстро. – Стрела начала опускаться. – Мы видели пару ферм по пути. Все то же самое. Так мы шли за ними, пока не добрались до лесов. И вот мы здесь.

– Я охотился, – ровно произнес мальчик.

– А мы были в городе, – кивнула Шай. – Урожай продавали.

– Я вернулся, а тут... – Наконечник смотрел в землю, к большому удовольствию Шай. – Я ничего не мог поделать.

– Нет, ничего.

– Они забрали моего брата.

– Как его зовут?

– Эвин. Ему девять лет.

Тишину нарушал лишь шорох падающих капель да легкий скрип ослабленной тетивы.

– Ты не знаешь, часом, кто они? – поинтересовался Лэмб.

– Я их даже не видел.

– Есть предположение, зачем они забрали твоего брата?

– Я же сказал – меня здесь не было. Не было меня здесь!!!

– Ладно-ладно, – сказала Шай как можно спокойнее. – Мы поняли.

– Вы идете по их следу? – спросил мальчик.

– Стараемся по мере сил, – ответил Лэмб.

– Хочешь вернуть брата и сестру?

– Очень рассчитываю, – сказала Шай так, будто уверенный тон мог обеспечить успех замысла.

– Поможете вернуть моего?

Шай посмотрела на Лэмба. Тот оглянулся, но промолчал.

– Можем попробовать, – проговорила она.

– Думаю, мне с вами по пути.

Снова долгое молчание.

– Ты уверен? – нахмурился Лэмб.

– Я готов пойти на что угодно, старый ты придурок! – заорал мальчишка. Вены на его шее вздулись.

На лице Лэмба не дрогнула ни единая черточка.

– Мы сами не знаем, что нам придется делать.

– Но если решишься, место в фургоне найдется, – Шай протянула ему руку, которую мальчик, мгновение помедлив, с силой сжал. Слишком сильно, как обычно делают мужчины, желая доказать, что они круче, чем есть на самом деле.

– Меня кличут Лифом.

– Это твоя родня? – Шай кивнула на мертвые тела.

– Я пытался их похоронить, – моргнул он. – Но земля твердая, а копать мне нечем. – Он показал обломанные ногти на руках. – Я пытался.

– Нужна небольшая помощь?

Лицо его скривилось, он опустил голову и кивнул, тряхнув мокрыми волосами.

– Всем нам время от времени бывает нужна помощь, – проговорил Лэмб. – Я сейчас принесу лопаты.

Шай выждала удачное мгновение и, протянув руку, опустила ладонь на плечо мальчика. Почувствовала, что он напрягся, но не отдернулся, и обрадовалась этому.

Дальше они ехали уже вместе. Миновали две или три ночи, которые мало отличались друг от друга. Один и тот же ветер, одно и то же небо, одно и то же тягостное молчание. Фургон трясся на разбитой дороге, раскачиваясь сильнее и сильнее с каждой милей, и все громче грохотал, влекомый безучастными волами. Одно из колес развалилось на части внутри железного обода. Шай чувствовала себя не лучше – под напускной суровостью она рассыпалась на кусочки. Они распрягли и отпустили пастись волов. Лэмб приподнял повозку за один край и удерживал, пока Шай, собрав все инструменты, которые оказались под рукой, и вытащив полмешка гвоздей, пыталась вернуть колесу первозданный облик. Лиф помогал по мере сил, но от него требовалось только подавать иногда молоток.

Тропа вывела их к речной отмели и броду. Скейл и Кальдер не хотели лезть в воду, но Шай в конце концов удалось заставить их подтащить фургон к высокой мельнице, трехэтажной, с каменным основанием. Те, за кем они гнались, не потрудились сжечь ее, и колесо жизнерадостно вращалось, приводимое в движение речным течением. Двое мужчин и женщина висели в арочном окне. Сломанные шеи вытянулись и казались слишком длинными, у одного ноги обгорели и раскачивались в футе над землей.

– Что же за люди способны на такое? – выпучил глаза Лиф.

– Обычные люди, – ответила Шай. – Тут не нужны какие-то особые качества.

Хотя, сказать по правде, иногда ей казалось, что они преследуют нечто другое. Какую-то безумную бурю, летящую через пустоши, вздымая пыль, оставляя пустые бутылки и дерьмо, сожженные дома и повешенных людей на своем пути. Буря, которая унесла их детей. Кто знает, куда и зачем?

– Не хочешь подняться, Лиф, и снять их?

По всему выходило, что он не горел желанием, но тем не менее взял нож и скрылся в здании.

– Такое чувство, что в последнее время мы слишком часто занимаемся похоронами, – пробормотала Шай.

– Это хорошо, что ты вынудила Клэя отдать нам эти заступы, – отозвался Лэмб.

Она поняла, что смеется, и заставила себя хрипло закашляться. В окне показалась голова Лифа. Потом он высунулся и начал резать веревки, раскачивая тела.

– Что-то неправильное в том, что нам приходится прибираться за этими ублюдками.

– Кто-то же должен. – Лэмб протянул ей одну из лопат. – Или ты предлагаешь оставить их висеть?

К вечеру, когда низкое солнце подсветило край облаков, а ветер вынудил деревья плясать, бросая тени в траву, они наткнулись на брошенный лагерь. Под пологом леса еще тлел большой костер – груда пепла и обугленных веток шага три в поперечнике. Пока Лэмб уговаривал Скейла и Кальдера остановиться, Шай спрыгнула с фургона и потыкала ножом в угли, обнаружив, что некоторые из них еще светятся.

– Они ночевали здесь! – воскликнула она.

– Догоняем их, да? – Лиф присоединился к ней, накладывая стрелу на тетиву.

– Думаю, да.

Но Шай до сих пор не решила – хорошо это или плохо.

Она обнаружила в траве обрывок размочаленной веревки, порванную паутину на ветвях кустарника и, наконец, клочок одежды на шипах ежевики.

– Кто-то пошел в ту сторону? – спросил Лиф.

– Даже несколько, и очень быстро.

Шай, пригибаясь, пошла по тропинке, спустилась по склону, старательно удерживая равновесие – мокрая грязь, покрытая палой листвой, так и норовила выскользнуть из-под подошвы – и вглядываясь в полумрак...

Вдруг она увидела Пита, лежащего вниз лицом под деревом, такого маленького среди запутанных корней. Шай хотелось кричать, но голос пропал вместе с дыханием. Она побежала, съехала по склону в водопаде мертвых листьев, снова побежала. Присела над телом на корточки. Затылок ребенка покрывали сгустки запекшейся крови. Рука Шай дрожала, когда она тянулась, чтобы перевернуть тело, безумно страшась того, что может увидеть, и в то же время желая узнать правду во что бы то ни стало. Затаив дыхание, она потянула за плечо маленькое, застывшее тело, неловкими пальцами смахнула налипшую на лицо листву.

– Это твой брат? – спросил Лиф.

– Нет. – Ее едва ли не стошнило от облегчения. И от стыда, что она обрадовалась смерти чужого ребенка. – И не твой?

– Нет.

Шай осторожно взяла мертвого под спину и понесла его вверх по склону. Лиф плелся позади. Лэмб ждал их между деревьями – черная фигура на полыхающем закате.

– Это – он? – Его голос дрогнул. – Это – Пит?

– Нет.

Шай уложила ребенка на траву – спина выпрямлена, руки широко раскинуты.

– Его убили, – сказал Лэмб, запустив пальцы в волосы и сжимая голову так, будто она вот-вот лопнет.

– Скорее всего, он попытался бежать. И они преподали урок остальным.

Она надеялась, что Ро не попытается сделать ничего подобного, надеялась, что сестра достаточно умна. По крайней мере, умнее, чем Шай была в ее возрасте. Повернувшись спиной к спутникам, она пошла к фургону, вытирая по пути слезы. Разыскала лопаты и вытащила их.

– Задолбали эти ямы! – Лиф плюнул на землю так, будто это она похитила его брата.

– Лучше самому копать, чем быть закопанному, – рассудительно заметил Лэмб.

Шай оставила их копать могилы, а волов пастишь, а сама принялась ходить кругами, перебирая пальцами холодную траву, пытаясь разобрать следы в остатках света. Пыталась узнать, что делали враги, чтобы потом предполагать, что они сделают в будущем.

– Лэмб!

Ворча, он присел на корточки рядом, стряхивая землю с перчаток.

– Что такое?

– Похоже, что трое из них ушли. На юго-восток. А остальные продолжают двигаться на запад. Что думаешь?

– Что я могу думать? Это ты – следопыт. Хотя понятия не имею, где это ты так наловчилась...

– Просто повод поразмыслить. – Шай не собиралась признавать, что преследовать людей и уходить от погони – две стороны одной монеты. И постоянно убегая, она очень здорово наловчилась путать следы.

– Они разделились? – спросил Лиф.

Лэмб, глядя на юг, пропустил его слова мимо ушей.

– Поссорились, что ли?

– Может быть, – пожала плечами Шай. – А возможно, их послали побродить по округе, проверить, не идет ли кто-то за ними следом.

Лиф схватился за стрелу, шаря глазами по сторонам. Но Лэмб махнул рукой.

– Если бы у них хватило ума проверить, они давно уже нас обнаружили бы. – Он продолжал смотреть на юго-восток, куда, согласно предположению Шай, направились трое отбившихся. – Нет... Я думаю, им просто надоело. Наверное, дело зашло слишком далеко. А может, они подумали, что их повесят следующими. В любом случае нужно идти за ними. Рассчитываю поймать их до того, как колеса этой телеги отвалятся окончательно. Или что-нибудь отвалится от меня... – завершил он речь, карабкаясь на передок фургона.

– Но дети не с этими тремя, – набычился Лиф.

– Это верно. – Лэмб сдвинул шляпу на затылок. – Но они могут нам подсказать правильную дорогу. Нужно починить фургон, найти новых волов или добыть себе лошадей. Нам надо ехать быстрее. Возможно, у этих троих...

– Ты старый дерьмовый трус.

После недолгой тишины Лэмб кивнул на Шай.

– Мы с ней годами обсуждали этот вопрос. Вряд ли ты добавишь к нашему спору что-то новенькое.

Шай смотрела на них: мальчишка, стоящий на земле и яростно сверкавший глазами, и широкоплечий высокий старик, который спокойно смотрел на него сверху вниз.

– Мы должны поскорее вернуть детей или... – выпятил губу Лиф.

– Залазь в фургон, парень, или будешь спасать детей в одиночку.

Лиф вновь открыл рот, но Шай схватила его за рукав.

– Я хочу спасти детей так же сильно, как и ты, но Лэмб прав – там двадцать мужчин, не самых воспитанных, вооруженных и готовых на все. Мы ничего не можем поделать.

– Но ведь мы собирались спасти детей любой ценой, правда? – бросил Лиф, тяжело дыша. – Может, стоит поторопиться, пока мой брат, да и твой тоже, еще живы?

Признавая в определенной мере его правоту, Шай понимала, что все равно ничего не в силах изменить. Спокойным голосом, глядя ему прямо в глаза, она приказала:

– Забирайся в фургон, Лиф.

На этот раз он подчинился, но, усевшись среди припасов, развернулся спиной и сидел будто воды в рот набрал.

Когда Шай уложила свою избитую задницу рядом с Лэмбом, он хлестнул волов, заставляя Скейла и Кольдера неторопливо шагать.

– И что мы сделаем, когда догоним этих троих? – спросила она ворчливо, но тихо, так, чтобы Лиф не слышал. – Полагаю, они вооружены и не остановятся ни перед чем. И вооружены гораздо лучше, чем мы, не сомневаюсь.

– Я думаю, мы тоже должны не останавливаться ни перед чем.

Ее брови полезли на лоб. Этот здоровенный тихий северянин имел обыкновение со смехом бегать по пшеничному полю с Ро на одном плече и Питом на другом, на закате долго сидеть

с Галли, молчаливо передавая из рук в руки бутылку, ни разу не поднял на нее руку, несмотря на то, что подростком она частенько заслуживала хорошей оплеухи, теперь рассуждал о необходимости убийства, как о чем-то обыденном.

Шай знала, что это вовсе не обыденность.

Она закрыла глаза и припомнила лицо Джега после того, как ударила его. Кровь хлынула с его лба, заливая глаза, он выполз на улицу, хрипя: «Драконица, Драконица...» Или тот приказчик в лавке, который смотрел на нее, а его рубаха чернела от крови. И глаза Додда, который уставился на стрелу, выпущенную ею в него и вонзившуюся в грудь: «За что?»

Шай сильно потеряла лицо ладонью, внезапно вспотев. Удары сердца отдавались колоколом в ушах. Она закуталась в грязный плащ так, будто могла таким образом укрыться от прошлого. Но оно всегда тянулось сзади и наконец настигло ее. Ради Пита, ради Ро ей снова придется обгадить руки кровью. Не было никакого выбора тогда. Нет его и сейчас. Тех людей, которых они преследовали, не разжалобить.

– Когда мы их догоним, – спросила она негромко в сгущавшейся тьме. – Ты будешь мне подчиняться?

– Нет, – коротко ответил Лэмб.

– Что? – Он так долго выполнял все ее распоряжения, что Шай опешила, услышав возражение.

Лицо Лэмба кривилось, будто он сдерживал боль.

– Я поклялся твоей матери, когда она умирала. Я поклялся беречь ее детей. Пита и Ро... Но, я думаю, к тебе это тоже относится. Не правда ли?

– Наверное... – неуверенно пробормотала она.

– За свою жизнь я нарушил очень много клятв. Я позволял им уплывать, как осенним листьям по течению ручья. – Он потер глаза кулаком в перчатке. – Но эту я хочу сдержать. Так вот... Когда мы их догоним, ты будешь подчиняться мне. В этот раз.

– Ну, ладно, – согласилась она, чтобы успокоить его.

Поступать она все равно собиралась по обстоятельствам, как получится.

Достойнейший

– По-видимому, это и есть Сквордил, – проговорил инквизитор Лорсен, хмуро разглядывая карту.

– А Сквордил есть в списке Наставника? – поинтересовался Коска.

– Присутствует.

Лорсен сделал все, чтобы в его голосе не проскользнула ни единая нотка, которую можно было бы принять за сомнение. На сотню миль вокруг лишь у него одного имелось нечто похожее на цель. Поэтому он не мог позволить себе ни капли неуверенности.

Наставник Пайк сказал, что видит будущее державы здесь, на западе, но городок Сквордил не походил на будущее под вооруженным взглядом инквизитора Лорсена. Не выглядел он и как настоящее для любого человека, имеющего выбор. Люди, цепляющиеся за жизнь в Ближней Стране, оказались более жалкими, чем он мог помыслить. Беглецы и изгои, неудачники и отребье. Настолько бедные, что поддержка мятежа против одного из самых сильных государств явно не входила в круг их интересов. Но Лорсен в своих поступках не привык опираться на вероятности. Допущения, соглашения, оправдания – тоже роскошь излишняя. Он научился за долгие непростые годы, когда возглавлял лагерь для военнопленных в Англии, что люди могут быть разделены на тех, кто прав и кто не прав. Вот этим-то, которые не правы, нельзя давать ни малейшей поблажки. Нельзя сказать, что он получал от этого удовольствие, но за лучший мир всегда нужно платить.

Сложив карту, он провел ногтем по ее краю, разравнивая сгиб, и сунул под плащ.

– Приготовьте своих людей к атаке, генерал.

– М-м-м-м...

Боковым зрением Лорсен заметил, что Коска присосался к железной фляжке и удивился.

– Не рановато ли для спиртного? – процедил он сквозь сжатые зубы. В конце концов, не больше двух часов прошло после рассвета.

– Что хорошо на ужин, то хорошо и на завтрак, – пожал плечами Коска.

– Но и если что плохо, то тоже плохо.

Капитан-генерал невозмутимо отхлебнул еще, громко причмокнув.

– Хотя было бы лучше, если бы вы ничего не говорили Темплу. Он так переживает, благослови его Боже. Он волнуется обо мне, как о родном отце. Когда мы повстречались, он испытывал определенные трудности в жизни. Знаете...

– Чудесно! – отрезал Лорсен. – Подготовьте своих людей.

– Сию минуту, инквизитор.

Почтенный наемник закрутил крышку так плотно, будто намеревался никогда более не прикасаться к ней, а потом с неимоверной гордостью и чопорностью стал спускаться с холма.

Он производил отвратительное впечатление, и неумолимые годы никоим образом не красили его. Неописуемо самовлюбленный, столь же заслуживающий доверия, как и скорпион, полный профан в искусстве хороших манер. Но проведя несколько дней в Роте Щедрой Руки, инквизитор Лорсен, к глубокому сожалению, пришел к выводу: Коска, или Старик, как его ласково звали подчиненные, здесь один из лучших. Его помощники не оставляли места для сомнений. Капитан Брацио – отвратительный стириец с вечно слезящимся из-за застарелой раны глазом. Он, несмотря на жир, из-за которого напоминал размерами дом, оставался прекрасным наездником, но превратил самозабвенную лень в религию. Капитан Джубаир – черный, как смоль, кантик, напротив, устроил из своей религиозности самозабвенное безумие. Ходили слухи, что когда-то он был рабом и сражался в ямах. Хотя те времена канули в далекое прошлое, Лорсен предполагал, что какая-то часть бойцовой ямы продолжала жить внутри капитана. Капитан Димбик – в отличие от предыдущих, хотя бы родом из Союза, но выгнан

из регулярной армии за служебное несоответствие и болтливость, и очень злился на тех, кто отпускал грубые шуточки по поводу затертой перевязи, которую он носил как воспоминание о былой славе. Он лысел, но отпускал длинные волосы и, вместо того чтобы выглядеть просто лысым, выглядел лысым дураком.

Насколько Лорсен мог судить, ни один из них не верил во что-либо, кроме собственной выгоды. Несмотря на покровительство Коски, стряпчий Темпл был в числе худших людей Роты – ленивый и себялюбивый, считающий жадность и подлость достоинствами, настолько скользкий тип, что мог бы работать смазкой для колес. Инквизитор содрогался, глядя на остальные лица, роящиеся вокруг укрепленного фургона Наставника Пайка – жалкие отбросы всех рас, всевозможные полукровки, покрытые шрамами, больные, грязные, глядящие исподлобья в ожидании грабежа и насилия.

Но и грязный инструмент может служить справедливой цели и с помощью их можно добиться достойного результата, не правда ли? Лорсен надеялся, что докажет – да, можно. Мятежник Контус скрывался где-то в пустошах, подготавливая тайком новый мятеж и новую резню. Он должен послужить уроком для остальных и чтобы на Лорсена снизошла слава поимщика главного бунтаря. Последний раз он взглянул сквозь очки на Сквордил, пока еще спокойный, и, сняв их, спустился по склону.

У подножья Темпл негромко беседовал с Коской. Умоляющие нотки в его голосе раздражали особенно сильно.

– Но, может быть, нам следует поговорить с жителями...

– Обязательно, – не стал спорить Коска. – Но после того как пополним припасы фуража.

– Вы имеете в виду, ограбим их.

– Ох, уж эти законники! – Генерал хлопнул Темпла по плечу. – Ну, все видят насквозь!

– Наверняка существует лучший способ...

– Я потратил всю жизнь, разыскивая хотя бы один из них, и этот путь привел меня сюда. Темпл, мы ведь подписали договор, и ты прекрасно понимаешь, что инквизитор Лорсен желает видеть, что мы выполняем свою часть сделки. Не так ли, инквизитор?

– Я даже настаиваю на этом, – прокрипел Лорсен, разглядывая Темпла в жгучем солнечном свете.

– Если ты хотел избежать кровопролития, – продолжал Коска, – нужно было поговорить заранее.

– Но я говорил... – моргнул стряпчий.

Старик вскинул расслабленные руки, указывая на наемников, которые вооружались, взбирались в седла, выпивали «на посошок»... В общем, каждый по-своему готовились к насилию.

– Не достаточно убедительно, очевидно. Сколько у нас людей, готовых идти в бой?

– Четыреста тридцать два, – немедленно ответил Балагур. Короткошей сержант, на взгляд Лорсена, совмещал в себе две основные черты – безмолвную угрозу и страсть к точным числам. – Кроме шестидесяти четырех, которые не захотели принять участие в походе, было одиннадцать дезертиров с тех пор, как мы покинули Малков, и пятеро захворали.

– Что ж, определенная убыль неизбежна, – Коска пожал плечами. – Но чем меньше людей, тем больше славы достанется каждому. Верно, Суорбрек?

Писатель – смехотворная прихоть в этой компании – казался не слишком уверенным.

– Я... затрудняюсь...

– Славу посчитать трудно, – сказал Балагур.

– Как верно подмечено! – восхитился Коска. – Так же, как честь и достоинство, а также все прочие жизненно необходимые качества, которые трудно пощупать. Но чем меньше у нас людей, тем выше прибыль каждого оставшегося участника.

– А прибыль посчитать можно.

– А также почувствовать, взвесить и предъявить, – добавил капитан Брацио, неспешно потирая свое необъятное брюхо.

– Очень логичным доводом, продолжающим тему, – Коска подкрутил навощенные кончики усов, – будет замечание, что все самые высокие из существующих идеалов не стоят одного-единственного гроша.

– В таком мире я не смог бы жить, – Лорсен вздрогнул от сильнейшего омерзения.

– И все же вы в нем живете, – усмехнулся Старик. – Джубаир на исходной?

– Скоро будет, – проворчал Брацио. – Мы ждем сигнала от него.

Инквизитор выдохнул сквозь стиснутые зубы. Толпа безумцев ожидает знака от наиболее сумасшедшего из них.

– Еще не слишком поздно, – говорил Суфин тихо, чтобы остальные его не слышали. – Мы можем это остановить.

– А зачем это нам? – Джубаир обнажил меч.

Он видел страх в глазах Суфина, чувствовал жалость и презрение к нему. Страх рождается от ложной гордыни. От веры в то, что не все на свете происходит по воле Бога и человек способен что-то изменить. Но ничего изменить нельзя. Джубаир понял это много лет назад. С тех пор он не знал страха.

– Этого хочет Бог, – сказал он.

Большинство людей отказываются принимать правду. Вот и Суфин устался на него, как на безумца.

– С чего бы это Богу хотелось покарать невиновных?

– Не тебе судить об их невиновности. И это при том, что человеку не дано постичь замысел Бога. Если он желает кого-то спасти, то должен отклонить мой меч.

– Если это – твой Бог, – Суфин медленно покачал головой, – я не хочу в него верить.

– Что бы это был за Бог, если бы твоя вера могла хоть в малой степени иметь для него значение? Или моя, или еще кого-то там... – Джубаир поднял меч, и солнечный свет скользнул вдоль стального клинка, подчеркнув многочисленные отметины и зарубки. – Можешь не верить в этот меч, но он поразит тебя. Он – Бог. И все мы служим ему по-разному.

Суфин снова покачал головой, как будто мог хоть сколько-то изменить ход событий.

– Какой священник научил тебя всему этому?

– Я нагляделся на этот мир и понял, чего он стоит на самом деле. – Джубаир оглянулся через плечо – его люди собрались на опушке, при оружии и в доспехах, и с нетерпением на лицах ждали начала атаки. – Мы готовы напасть?

– Я был там, – Суфин ткнул пальцем в сторону Сквордила. – И них три констебля, и двое из них – придурки, каких свет не видывал. Не думаю, что нужны такие сильные меры, как атака. Так ведь?

И правда, город был не слишком защищен. Забор из грубо обтесанных кольев когда-то окружал его, но теперь бревна где покосились, а где вообще повалились. Крыша деревянной сторожевой вышки покрылась мхом, и к одной из опор прибили умывальник. Духолудов давно изгнали из здешних земель, и горожане, очевидно, решили, что бояться нечего. Скоро их ждет жестокое разочарование.

– Я устал с тобой спорить, – глаза Джубаира скользнули обратно к Суфину. – Подавай сигнал.

Несмотря на промелькнувший в глазах протест, разведчик подчинился. Вытащил зеркальце и поплелся на опушку, чтобы подать сигнал Коске и остальным. Ему повезло. Если бы Суфин не подчинился, Джубаир, скорее всего, зарубил бы его на месте и ни на миг не усомнился в собственной правоте.

Он слегка запрокинул голову и улыбнулся синему небу, видневшемуся сквозь черные ветви и листья. Он мог делать что угодно и будет всегда прав, поскольку сделал себя послушным орудием Господа, тем самым развязав себе руки. Он был достойнейшим в Ближней Стране. Достойнейшим в Земном Круге. И ничего не боялся – ведь Бог всегда с ним.

Бог всюду и всегда.

А разве могло быть иначе?

Убедившись, что никто за ним не следит, Брачио вытащил из-за пазухи медальон и раскрыл его. Оба крошечных портрета выцвели и покрылись пузырями так, что никто не различил бы изображенных на них лиц, но он помнил их наизусть. Осторожно прикоснулся к портретам кончиком пальца, и тут же девочки предстали перед его взором, как живые. Нежные, прекрасные и улыбающиеся, как много-много лет назад.

– Не грустите, мои детки, – ласково проворковал он. – Я скоро вернусь.

Мужчина обязан выбрать, что для него главное, а остальное послать псу под хвост. Будешь заботиться обо всем сразу, не добьешься ничего. Брачио верил, что из всей роты лишь он один дружит со здравым смыслом. Димбик – самовлюбленный болван. Джубаир и вовсе не был знаком с трезвым рассудком. При всем своем опыте и живом уме Коска оставался мечтателем, и дерьмовая затея с биографом – лучшее тому подтверждение.

А Брачио лучше всех их. Потому что он понимал, кто он есть на самом деле. Никаких высоких идеалов, никаких великих заблуждений. Он – разумный человек с ясными целями, делал то, что должно, и радовался этому. Он жил только ради дочерей. Новые платья, хорошая еда, богатое приданое, лучшая жизнь. Жизнь лучше, чем тот ад, который достался отцу...

– Капитан Брачио! – вопль Коски, как всегда оглушительный, вернул его в реальный мир. – Есть сигнал!

Брачио захлопнул медальон, смахнул влагу, выступившую на глазах, кулаком и поправил широкий пояс, на котором носил клинки. Коска уже сунул ногу в стремя и подпрыгнул раз, другой, третий, цепляясь за позолоченную переднюю луку. Потом его глаза выпучились, капитан-генерал замер.

– Может, кто-нибудь...

Сержант Балагур подхватил командира под задницу и легко забросил его в седло. Оказавшись наверху, Старик пару мгновений восстанавливал дыхание, а потом, сделав усилие над собой, обнажил меч и поднял его к небу.

– Клинки наголо! – Он задумался. – Ну, или любое другое оружие! И давайте... хорошо сделаем свое дело!

Брачио указал на гребень холма и проревел:

– Вперед марш!

С радостными криками первый ряд прищпорил коней и помчался вперед, поднимая тучи пыли и ключев сухой травы. Коска, Лорсен, Брачио и остальные скакали позади, как и положено командирам.

– Вот это? – услышал Брачио хриплый голос Суорбрека, когда перед ними раскинулась долина и грязное маленькое поселение. Возможно, писатель ожидал увидеть огромную крепость с высокими неприступными стенами и золотыми куполами на башнях? Но, не исключено, именно так он и опишет нынешний город в будущей книге. – Это выглядит...

– Не таким, да? – откликнулся Темпл.

Стирийцы Брачио уже накатывались на город в жадном галопе, в то время как кантики Джубаира заходили с противоположной стороны – их кони казались черными кляксами на фоне вздымающихся клубов пыли.

– Взгляните, как идут! – Коска сорвал шляпу и помахал ею. – Отважные парни, да? Легкость и пыл! Как жаль, что я не могу позволить себе мчаться там, в их рядах!

– Что, правда?

Брачио помнил, как командовал атакой – тяжелая и опасная работенка. Уж чего-чего, а легкости и пыла он там не заметил.

Коска мгновение поразмыслил, нахлобучил шляпу на лысеющую голову и сунул меч в ножны.

– Нет. Не правда.

Они продолжали путь шагом.

Если сопротивление кто и оказывал, то к тому времени, как командование добралось до Сквордила, его уже подавили.

На обочине в пыли сидел мужчина, прижимая ладони к окровавленному лицу, и моргал на проезжающего мимо Суорбрека. Овчарня стояла раскрытая нараспашку, самих овец перебили, и псы уже копошились среди лохматых туш. Опрокинутый фургон лежал на боку, одно колесо продолжало крутиться, издавая немилосердный скрип, а рядом спорили кантик и стириец, используя выражения, смысл которых ускользал. Двое других стрийцев пытались вышибить двери в мастерской, а еще один забрался на крышу и рыл ее топором, будто заступом. Джубаир верхом на огромном коне застыл посреди улицы и, указывая длинным мечом, отдавал приказы громовым голосом, перемежая их малопонятными умозаключениями о желаниях Бога.

Карандаш дрожал в пальцах Суорбрека, кончики пальцев зудели от желания увековечить события, но он не мог подобрать слов. И наконец-то написал загадочное: «Героизма не замечено».

– Нет, ну не дураки ли? – пробормотал Темпл.

Несколько кантиков привязали постромки упряжки мулов к опоре сторожевой вышки и хлестали животных до пены, стараясь завалить сооружение. Пока что им это не удавалось.

Суорбрек обратил внимание, что некоторым наемникам просто нравится ломать вещи. Чем труднее их потом было бы починить, тем лучше. Словно в подтверждение этого наблюдения четверо из подчиненных Брачио повалили кого-то на землю и неторопливо избивали, в то время как толстяк в переднике безуспешно пытался успокоить их.

Писатель редко становился свидетелем даже самого небольшого насилия. Однажды спор о сюжете повести между двумя его знакомыми писателями перерос в потасовку, но он не шел ни в какое сравнение с тем, что творилось здесь. Оказавшись внезапно в самой круговерти сражения, Суорбрек чувствовал жар и озноб одновременно. Ужасно страшно и ужасно любопытно. Ему хотелось зажмуриться и в то же время – увидеть как можно больше подробностей. Разве не для этого он ввязался в поход, если быть честным? Стать свидетелем грязи и крови в самой гуще событий. Обонять смрад вывалившихся кишок и слышать яростные крики нападавших. Теперь он точно мог сказать, что все это видел. Теперь он мог привнести подлинность и жизненность в свои тексты. Теперь он мог сидеть в модных салонах Адуи и пренебрежительно обсуждать темную правду войны. Может, кто-то скажет – не самые высокие побуждения... Но и далеко не самые низменные. Он не претендовал на звание достойнейшего в Земном Круге, в конце концов.

Просто хотел быть самым лучшим писателем.

Коска прыгнул с седла, слегка застонав, когда кровь вернулась в затекшие бедра старика. А после велеречиво обратился к миротворцу в переднике:

– Добрый день! Я – Никомо Коска, главнокомандующий Ротой Щедрой Руки, – он указал на четверых стирийцев, размеренно поднимающих и опускающих кулаки и палки, продолжая избивание. – Я вижу, вы уже повстречались с некоторыми из моих храбрых однополчан.

– Меня зовут Клэем, – цокая зубами от страха, ответил толстяк. – Я хозяин здешней лавки...

– Лавка! Великолепно! Позвольте взглянуть?

Люди Брачио уже вытаскивали товары под зорким оком сержанта Балагура. Он, по всей видимости, следил, чтобы внутри Роты грабеж не выходил за определенные рамки. За пределами Роты поощрялся грабеж в любых пределах. Суорбрек снова отложил карандаш. Еще одна запись об отсутствии героизма показалась ему избыточной.

– Возьмите все, что вам нужно, – сказал Клэй, показывая испачканные мукой ладони. – Только не надо никакого насилия. – Его слова прервал звон разбитого стекла, треск досок и всхлипывания лежащего человека, которого время от времени продолжали от души пинать. – Могу ли я поинтересоваться, зачем вы здесь?

– Мы здесь, чтобы выкорчевать заразу вольнодумства, – вышел вперед Лорсен. – Мы должны истребить бунтовщиков.

– Вы... из Инквизиции?

Лорсен промолчал, но тишина говорила красноречивее всяческих слов.

– Никаких повстанцев тут нет, – сглотнул Клэй. – Уверяю вас. – Но Суорбрек различил в его голосе фальшивую нотку. Нечто большее, чем обычный испуг. – Политика нас не интересует...

– В самом деле? – Наверняка работа Лорсена тоже требовала обостренного чутья на ложь. – Закатай рукава!

– Что? – Торговец попытался улыбнуться, надеясь смягчить сложное положение вкрадчивыми движениями мясистых рук, но Лорсен не поддавался на такие уловки. Он решительно указал пальцем, и двое из его экзекуторов шагнули вперед. Крепкие ребята в плащах с капюшонами и масках.

– Раздеть его!

– Постойте... – Клэй попытался отскочить.

Суорбрек вздрогнул, когда один из экзекуторов ударил лавочника кулаком в живот, заставив согнуться пополам. Второй выкрутил руку, срывая рукав. По предплечью от запястья до локтя шла надпись на старой речи. Немного расплывшаяся от времени, но все еще довольно четкая.

Склонив набок голову, Лорсен прочитал:

– Свобода и правосудие. Благородные идеалы, с провозглашением которых нельзя не согласиться. Но как они состыковываются с ни в чем не виновными гражданами Союза, которых мятежники резали в Ростоде? Как ты считаешь?

Торговец к тому времени только-только восстановил дыхание.

– Клянусь, я никого не убил за всю жизнь! – Его лицо покрылось капельками пота. – Татуировка – ошибка юности! Я ее сделал, чтобы понравиться девушке! Я двадцать лет не видел ни одного мятежника!

– И ты полагал, что здесь, за границей Союза, ты сможешь избежать расплаты за свои преступления? – Суорбрек раньше не видел, чтобы Лорсен улыбался, и очень рассчитывал не видеть этого снова. – У Инквизиции Его Величества руки более длинные, чем ты можешь рассчитывать. И долгая память. Кто еще из обитателей этого жалкого скопления лачуг поддерживает бунтовщиков?

Суорбрек услышал тихий голос Темпла:

– Осмелюсь предположить, что если поддержки и не было до нашего появления, то теперь точно будет.

– Никто! – Клэй помотал головой. – Никто не желает причинять зла, а я – меньше всех прочих...

– Где в Ближней Стране можно найти бунтовщиков?

– Откуда я знаю? Если бы знал, то сказал бы вам!

– Где главарь бунтовщиков Контус?

– Кто? – Лавочник тупо пялился на них. – Не знаю такого.

– Что ж, поглядим, что ты знаешь. Берите его. Принесите мои инструменты. Свободы я не могу вам обещать, но небольшое правосудие устрою прямо здесь и сейчас.

Два экзекутора потащили невезучего торговца напрямик в его лавку, теперь уже полностью очищенную от всего мало-мальски ценного. Лорсен последовал за ними, всем существом стремясь начать свою работу. Так же, как наемники спешили начать свою. Последний из экзекуторов замыкал шествие, неся деревянный отполированный сундучок с инструментами. Свободной рукой он плотно неторопливо прикрыл дверь. Суорбрек проглотил ком в горле и отложил записную книжку. На сегодня ему расхотелось делать заметки.

– Зачем мятежники наносят татуировки? – пробормотал он. – Ведь из-за этого их легко опознать.

Капитан-генерал косо глянул в небо и принялся обмахиваться шляпой, заставляя трепетать редкие волосы на черепе.

– Подтверждают свою преданность. Свидетельствуют, что возврата не будет. Они ими гордятся. Чем дольше человек среди повстанцев, тем больше у него татуировок. В Ростодде я видел висельника, у которого все руки были в надписях. – Коска вздохнул. – Иногда люди совершают необдуманные поступки, которые, по трезвому размышлению, оказываются весьма вредными для них.

Суорбрек приподнял бровь, послуныявил карандаш и записал мудрую мысль в книжку. Из-за закрытой двери послышался приглушенный крик. Следом еще один. Они очень мешали сосредоточиться. Конечно, этот человек виновен, но, представляя себя на месте лавочника, Суорбрек чувствовал себя весьма неудобно. Он видел вокруг себя привычный грабеж, небрежное разрушение, случайное насилие... Поискав, обо что бы вытереть вспотевшие ладони, он закончил тем, что использовал вместо платка рубашку. Все его манеры куда-то очень быстро улетучивались.

– Я ждал, что все это будет несколько более...

– Величественным? – спросил Темпл. Законник глядел на лавку с выражением самого глубокого отвращения.

– Слава на войне столь же редко попадается, как золотые самородки в земле! – воскликнул Коска. – Или верные женщины, коль на то пошло! Можете использовать фразу.

– Э-э-э... – Суорбрек покрутил карандаш в пальцах.

– Эх, нужно было вас пригласить поучаствовать со мной в обороне Дагоски! Вот там славы хватило бы на тысячу историй! – Старик схватил писателя за плечо, а вторую простер перед собой, будто вел в бой легионы в позолоченных доспехах, а не толпу разбойников, обчищающих дома. – Бесчисленные гурки шли на нас! А мы бесстрашно бросили им вызов с зубчатых крепостных стен! И тогда по приказу...

– Генерал Коска! – Берми, спешивший перебежать улицу, отшатнулся от пары лошадей, которые протаскивали сорванную с петель дверь, а потом пошел дальше, разгоняя клубы пыли шляпой. – У нас беда. Какой-то ублюдок-северянин захватил Димбика, уложил его...

– Постой! – нахмурился Коска. – Какой-то ублюдок-северянин?

– Ну, да.

– Ублюдок один?

Стириец пригладил разлохматившиеся золотистые волосы и водрузил шляпу обратно.

– Он здоровенный.

– Сколько людей у Димбика?

Пока Берми соображал, ответил Балагур:

– В подразделении Димбика сто восемнадцать человек.

Берми развел руками, как бы снимая с себя всяческую ответственность.

– Если мы сделаем хоть что-то, он убьет капитана. Он приказал привести самого главного. Старик сжал пальцами морщинистую переносицу.

– И где этот похититель-горец? Давай поговорим с ним, а то перебьет всю Роту, того и гляди.

– Вон там.

Коска окинул взглядом вывеску над входом.

– «Мясной дом Стапфера»... Не самое лучшее название для борделя.

– По-моему, это постоялый двор.

– Для него название подходит еще меньше.

Горестно вздохнув, генерал переступил порог, позвякивая шпорами.

Глазам Суорбрека потребовалось какое-то время, чтобы привыкнуть к полумраку. Солнечные лучи пробивались через щели между неплотно пригнанными досками. На полу лежали перевернутый стол и два стула. Несколько наемников стояли, направив оружие – два копья, два меча, топор и два самострела – на возмутителя спокойствия, который сидел за столом посредине комнаты.

Из всех собравшихся только он вел себя невозмутимо спокойно. Могучий северянин, ничего не скажешь. Волосы пали ему на лицо и смешивались с облезлым мехом накидки на плечах. Он жевал, беззаботно чавкая. На столе стояла тарелка с мясом и яичницей. В левом кулаке северянин немного неуклюже держал вилку, а в правом, с гораздо большей сноровкой, – нож. Лезвие он прижимал к горлу капитана Димбика, чье лицо распласталось на столешнице.

Суорбрек затаил дыхание. Если это и не героизм, то уж бесстрашие в любом случае. Однажды он издал весьма спорный текст, что потребовало использовать всю силу воли, но он не мог представить, как человек с подобным хладнокровием может встречать такие неприятности. Быть храбрецом среди друзей легко. Вот когда весь мир против тебя, а ты идешь напролом, требуется истинная отвага. Суорбрек снова послуныявил карандаш, чтобы записать родившуюся мысль. Северянин глянул на него, и под прядями волос мелькнул блик. Писатель понял, что цепенеет. Левый глаз широкоплечего мужчины оказался сделанным из металла, слегка поблескивающего в полутьме. Да и все лицо обезображивал огромный шрам. А здоровый глаз горел пугающей решимостью. Будто северянин очень хотел перерезать горло Димбику только для того, чтобы проверить – чем закончится дело?

– Вот это да! – Коска всплеснул руками. – Сержант Балагур! Узнаешь нашего старого собрата по оружию?

– Кол Трясучка, – негромко проговорил сержант, не сводя глаз с северянина.

Как здравомыслящий человек, Суорбрек знал, что взглядом убить нельзя, но все равно порадовался, что не стоит между ними.

Не убирая ножа от горла Димбика, Трясучка неуклюже подцепил кусок яичницы и отправил в рот. Неторопливо прожевал, будто ему и дела не было до столпившихся людей. Проглотил.

– Этот мудила хотел забрать мою яичницу, – произнес он скрежещущим голосом.

– Димбик! Вы невоспитанная скотина! – Коска поднял один из стульев и уселся напротив северянина, потрясая пальцем перед побагровевшим лицом капитана. – Я надеюсь, это будет достойным уроком для вас. Никогда не отбирайте яичницу у человека с серебряным глазом!

Суорбрек быстро записал за ним, хотя полагал, что эта сентенция ограниченного применения. Димбик попытался что-то сказать, но Трясучка слегка усилил нажатие ножа на горло, и капитан сумел выдавить лишь жалкое бульканье.

– Это твой друг? – проворчал северянин, заставляя тяжелым взглядом замолчать заложника.

– Димбик? – Коска выразительно пожал плечами. – Он не бесполезен, однако я не могу сказать, что он – достойнейший в Роте.

Капитану Димбику мешал возразить нож северянина, прижатый к горлу так сильно, что он едва мог дышать, но он явно протестовал, причем до глубины души. Он – единственный в Роте, кто хоть в малой мере заботился о дисциплине, о достоинстве, о надлежащем поведении, и, взгляните только, чем все закончилось. Он полужадушен варваром в дрянной тошниловке.

И усугубляя положение – во всяком случае, ничего не делая, чтобы его улучшить, – командир отряда готов бесконечно поддерживать дружескую беседу с его врагом.

– Просто невероятно, – продолжал Коска. – Встретиться через столько лет, за столько миль от того места, где мы познакомились. Сколько миль до тех мест, как ты считаешь, Балагур?

– Не хотел бы гадать, – пожал плечами сержант.

– Я думал, ты вернулся на Север.

– Я вернулся. Потом приехал сюда. – Похоже, Трясучка не относился к излишне разговорчивым людям.

– Приехал для чего?

– Ищу девятипалого.

– Отрежь один Димбику, – беспечно предложил Коска, – облегчишь себе поиски.

Капитан зашипел и задергался, спутанный собственной перевязью, но Трясучка, уколоч кончиком ножа в шею, принудил его вновь прижаться к столешнице.

– Он не просто девятипалый. Тот, которого я ищу, – донесся до него голос, похожий на сыплющийся гравий, но равнодушный, без малейшего намека на озабоченность сложившимся положением. – Слышал, он может быть здесь. Черный Кальдер думает, что он мог поселиться здесь. И я тоже думаю.

– Разве ты не видел, как много долгов было оплачено в Стирии? Месть вредит делам. И душе, не так ли, Темпл?

– Да, я слышал, что это так, – согласился стряпчий, которого Димбик видел лишь краем глаза. Как же капитан ненавидел его! Темпл со всем соглашался, всегда подтверждал слова командира и делал вид, будто знает все на свете, но молчит.

– Оставим души святошам, – говорил Трясучка. – А дела – торгашам. Вот месть – это по мне. А! Мать твою! – Димбик вскрикнул, готовясь к смерти. Но послышался всего лишь звон, когда вилка северянина упала на стол, разбрызгивая жидкий желток.

– Тебе было бы легче двумя руками. – Коска махнул наемникам, стоявшим у стен. – Господа, отойдите. Трясучка – мой старинный друг, и с его головы не упадет ни волоса. – В тот же миг опустились луки, мечи и копыя. – Как думаешь, не пора ли теперь отпустить капитана Димбика? Если один из наших погибает, остальные сильно переживают. Как утята.

– От утят можно ожидать больше отпора, чем от этого сброда.

– Они – наемники. Сражение занимает последнее место в их мыслях. Почему бы тебе не присоединиться к нам? Как в старые добрые времена. Дружба, веселье, волнение в крови!

– Яд, предательство, жадность? Я решил, что лучше работаю в одиночку.

Внезапно давление на шею Димбика исчезло. Капитан вдохнул со сдавленным вскриком, когда ощутил, что его поднимают за воротник и отправляют в полет через всю комнату. Ноги его запутались, и, врезавшись в ближайшего подчиненного, он повалился вместе с ним под стол.

– Если встречу какого-нибудь девятипалого, я тебе сообщу, – сказал Коска, обнажив пожелтевшие зубы, и, упираясь руками в колени, выпрямился.

– Сообщи, – Трясучка спокойно перехватил нож, которым едва не лишил жизни капитана, и принялся резать мясо. – И закрой дверь, когда уйдешь.

Димбик медленно поднялся, прижимая пальцы к кровоточащей отметине на горле и не сводя глаз с Трясучки. Как бы он хотел убить эту грязную тварь. Ну, или хотя бы приказать убить. Но Коска приказал не причинять вреда северянину, а Коска, как бы там ни было, а было, как правило, не слишком обнадеживающе, главнокомандующий всей Роты. В отличие от прочего отребья, Димбик оставался солдатом. Он понимал такие истины, как уважение, повиновение, серьезное отношение к службе. Даже если все остальные отказывались понимать. Сказать точнее, очень важно сохранять серьезность, в то время как остальные не хотели. Капитан вернул перекрутившуюся перевязь на место, с отвращением отметив, что блестящий шелк замаслан желтком. Какой же красивой она была когда-то! Никто не догадывался. И как же Димбик скучал по армии. Настоящей армии, а не этой извращенной насмешке над воинской службой.

Он был достойнейшим в Роте, а его презирали. Давали подчиненных меньше, чем другим, выбирали самые худшие поручения, обделяли при дележе награбленного. Он одернул поношенный мундир, вытащил гребешок и пригладил волосы, а потом решительно покинул подмости, где натерпелся позора, с самым строгим видом, какой мог только на себя напустить. В окружении сумасшедших любой здоровый человек выглядит безумцем.

Суфин ощущал в воздухе запах дыма. Это напомнило ему другие, давние войны. Войны, на которых приходилось по-настоящему сражаться. Ну, или так казалось сейчас. Он шел на войну за свою страну, за своих друзей, за свою жизнь, за выживание... не важно, к чему это привело.

Наемники, которые пытались завалить сторожевую вышку, отказались от замысла и теперь сидели без дела, передавая друг другу бутылку. Инквизитор Лорсен стоял рядом с ними туча тучей.

– Вы закончили с лавочником? – спросил Коска, вернувшись с постоялого двора.

– Закончил.

– И что узнали?

– Он умер.

Недолгое молчание.

– Жизнь состоит из сплошных разочарований.

– Некоторые люди не выдерживают допроса с пристрастием.

– Осмелюсь заметить, моральное разложение приводит к слабости сердца.

– Но результат один и тот же, – подытожил инквизитор. – У нас есть список, согласованный с Наставником. Следующим будет Лоббери, а после – Эверсток. Поднимайте Роту, генерал.

Коска нахмурился. По наблюдениям Суфина, за сегодняшний день это было самое серьезное волнение, отразившееся на лице Старика.

– Может, стоит позволить людям переночевать? Отдохнуть какое-то время, насладиться гостеприимством местных обывателей?

– Вести о нашем походе не должны достичь ушей мятежников. Праведники не могут задерживаться. – Лорсену удалось произнести эту фразу без малейшего намека на улыбку.

– Праведники трудятся без усталости, не так ли? – Коска надул щеки.

Суфин вдруг почувствовал такую усталость, что не смог бы, пожалуй, и руки поднять. Накатила изнуряющая беспомощность. Если где-то и можно найти праведного человека, то он, пожалуй, достойнейший называться им. Достойнейший в Роте. Он не гордился собой. Лучший червяк в навозной куче имеет больше поводов для самовосхваления. Просто, он – единственный, у которого оставался крохотный клочок совести. Ну, разве что кроме Темпла, хотя стряпчий проводил любое свободное мгновение, пытаясь доказать окружающим, что само понятие «совесть» ему незнакомо. Суфин смотрел, как законник стоит позади Коски, слегка ссутулившись, будто пытался спрятаться, и теребил пуговицы рубашки. Человек, который, вполне

возможно, был кем-то, пытался приложить все усилия, чтобы казаться никем. Но посреди всего этого безумия и бессмысленного разрушения утрата идеалов одним человеком выглядела сущей мелочью. Может, Джубаир прав? Мог ли Бог быть мстительным убийцей, который наслаждается насилием? Суфин не мог подобрать слов, чтобы возразить.

Здоровенный северянин стоял на крыльце «Мясного дома Стапфера» и спокойно наблюдал, как они уезжают. Огромные кулаки покоились на перилах, солнце играло мертвенными бликами на серебряном глазе.

– И как вы намерены это описать? – спросил Темпл.

Суорбрек замер, глядя в записную книжку. Карандаш завис над страницей.

– Я постараюсь замять этот случай, – ответил он, закрывая книжку.

– Боюсь, вам еще о многом предстоит умалчивать, – фыркнул Суфин.

Следует все же сказать по справедливости, в этот день Рота Щедрой Руки проявила поразительную для них сдержанность. Они покидали Сквордил, оставив за собой совсем немного жалоб о беззастенчивых грабежах, голого торговца, подвешенного на сторожевой вышке, а на шею ему нацепили табличку, объявляя его судьбу уроком в назидание мятежникам Ближней Страны. Узнают ли когда повстанцы об этом уроке и сумеют ли извлечь из него что-либо для себя, Суфин не брался судить. Рядом с лавочником висели еще двое.

– А их за что? – спросил Темпл, хмуро оглядываясь назад.

– Молодого застрелили при попытке убежать, насколько я знаю. О втором не могу ничего сказать.

Темпл скривился, одернул потрепанные рукава.

– Что мы в силах поделать?

– Просто следуй за своей совестью.

– Для наемника ты слишком много рассуждаешь о совести! – зло огрызнулся стряпчий.

– А сам почему волнуешься, если тебе не нравится?

– Насколько я знаю, ты все еще на жалованье у Коски!

– Если я уйду, ты тоже уйдешь?

Темпл открыл было рот, но, не издав ни звука, закрыл его. Хмуро вглядываясь в горизонт, он тербил рукав. Тербил и тербил.

– Видит Бог, – вздохнул Суфин. – Я никогда не утверждал, что я – достойнейший из людей. – Несколько построек вдалеке горело, и столбы дыма поднимались к синему небу. – Просто я – достойнейший в Роте.

Прошлое есть у всех

Дождь усилился. Вода заполняла колеи от колес и глубокие отпечатки копыт и башмаков, пока они не превратились в сплошное болото, а дороге оставалось совсем немного до того, чтобы гордо называться рекой. Над городом висел словно серый занавес, а редкие огни в окнах с трудом пробивались сквозь туман, бросая тускло-оранжевые блики в бесчисленные лужи. Вода стекала в жидкую грязь из водостоков, и с крыш без водостоков, и с полей шляпы Лэмба, который сторбился на козлах, молчаливый и мокрый. Вода сбегала тонкими струйками с арки городских ворот, на которых висела доска с названием – Эверсток. Вода смешивалась с пылью и грязью, покрывала шкуры волов – Кальдер очень сильно хромал на правую заднюю, а Скейл шел немногим лучше. Вода обливала лошадей, стоявших у коновязи перед жалкой лачугой, игравшей роль постоянного двора. Три жалкие лошади, потемневшие от дождя.

– Это они? – спросил Лиф. – Это их кони?

– Это они, – ответила Шай, холодная и липкая в промокшем плаще, словно покойница.

– И что делать будем? – Лиф пытался скрыть нотки волнения в голосе, но не слишком преуспел.

Лэмб не ответил ему. Вместо этого старик наклонился к Шай и почти ласково проговорил:

– Скажи, если тебе приходится выбирать между двумя клятвами – ты не можешь выполнить одну, чтобы не нарушить вторую, что ты будешь делать?

На взгляд Шай, такой выбор находился на грани выдумки, если учесть первоочередную задачу. Она пожала плечами, облепленными отвратительно мокрой рубахой.

– Выполню ту, которую считаю важнее. Я так думаю.

– Да, – пробормотал Лэмб. – Осенние листья на реке, так? Выбора нет никогда. – Они немного посидели молча, бездействуя и еще больше промокая. – Я войду первым. Привяжите волов, а потом входите тоже, но осторожно. – Он спрыгнул с фургона, расплескав башмаками грязь. – Если у тебя не хватает ума, чтобы остаться здесь. Это был бы лучший выход.

– Я буду участвовать, – воскликнул Лиф.

– А ты знаешь, какое участие потребуется? Ты убивал когда-нибудь человека?

– А ты?

– Главное, не стойте у меня на пути. – Лэмб чудесным образом переменялся. Он больше не сутулился, стал выше и больше. Капли дождя барабанили по его плащу, слабый свет выхватывал половину его сосредоточенного лица, а вторая оставалась в темноте. – Не стойте на моем пути. Вы должны пообещать мне это.

– Хорошо, – согласился Лиф, бросая на Шай хитрый взгляд.

– Ладно, – кивнула она.

Ерунду какую-то морозил Лэмб. В каждый сезон окота в любой отаре нашлось бы множество ягнят отважнее, чем он. Но мужчины иногда ведут себя странно, когда задета их гордость. А вот Шай никогда не использовала гордость в полную силу. Потому-то она решила позволить ему болтать, что захочет, и даже войти первому. Когда они продавали зерно, это неплохо срабатывало, если припомнить. Пока Лэмбу будут морочить голову, она войдет следом. Спрятав нож в рукаве, она смотрела, как старый северянин, раскинув для равновесия руки, изо всех сил старается перейти улицу и не оступиться.

Если Лэмб оплошает, у нее должно получиться. Ведь и раньше они так делали. Не по таким серьезным поводам и с более достойными людьми. Шай убедилась, что нож свободно выскальзывает из мокрого рукава. Кровь стучала в висках. Она сможет это сделать. Она должна вновь это сделать.

Снаружи харчевня выглядела как полуразрушенный сарай, да и внутри не слишком искажала первое впечатление. Не думала она, что угодит в такое место, где будет с легкой тоской вспоминать «Мясной дом Стапфера». Жалкие язычки огня корчились в очаге, черном от грязи и копоти. В воздухе витал кислый смрад дыма, сырости и немых испокон веков тел. Барная стойка представляла собой старую доску, прогнувшуюся посередине, всю потрескавшуюся и до блеска отполированную локтями за долгие годы. Хозяин харчевни, или, вернее, хозяин сарая, стоял за ней и протирал кружки.

Тесное с низким потолком заведение почти пустовало, что и неудивительно в столь ненастную ночь. Пять человек, включая двух женщин, сгрудившихся над тарелками с тушеным мясом в дальнем конце комнаты, Шай приняла за купцов. Костлявый потасканный мужчина склонился над кружкой. Испещренное черными пятнышками зеркало, какое и у нее когда-то было, выдавало в нем фермера. Следующий утопал в огромной шубе – между нею и шляпой с несколькими засаленными перьями торчала седая борода. На столе перед ним стояла полупустая бутылка, а напротив сидела, прямая, как судья на слушании дела, старуха из племени духолудов со сломанным носом, волосами, перевязанными чем-то похожим на обрывки старого имперского знамени, и такими глубокими морщинами на лице, хоть тарелки ставь. Если твои тарелки вкупе с твоим зеркалом и твоей фермой не сожгли.

Взгляд Шай скользнул по троим оставшимся так небрежно, будто она хотела прикинуться, что не видит их вовсе. Но они там сидели. Трое, сбившиеся в плотную кучку. Выглядели как граждане Союза, если только правомочно определять родину людей, которые провели несколько лет в грязи и непогоде Ближней Страны, стирающей любые отличия. Двое помоложе. Один с разлохмаченными рыжими волосами и дерганный, будто с шилом в заднице. Второго отличали правильные черты лица, насколько Шай могла судить издали и в полумраке, и куртка из овчины, перетянутая щегольским поясом с бронзовыми бляхами. Третий постарше, бородатый, в высокой шляпе, заломленной набок, как делают излишне самоуверенные мужчины. Причем, как правило, именно те мужчины, чья ценность тем меньше, чем выше самонимение.

Он был вооружен мечом – Шай заметила поцарапанную медную оковку ножен, мелькнувшую из-под плаща. У Красавчика – топор, тяжелый нож и моток веревки на поясе. Рыжий сидел к ней спиной, не позволяя верно оценить свое оружие, но, вне всяких сомнений, тоже припрятал клинок, а то и два.

С трудом верилось, насколько они обычны. Как тысячи старателей, ежедневно протекавших грязной рекой через Сквордил. Красавчик засунул большой палец за свой выпендренный пояс. Ну, кто угодно мог так сделать, склоняясь к барной стойке после долгого трудового дня, проведенного в седле. Ну, разве что далеко не у всех путь пролегал через разрушенную ферму Шай, через ее разбитые надежды и похищение брата и сестры в проклятую тьму.

Она крепко сжала зубы и скользнула в комнату, держась в тени. Не прячься напоказ, но и не привлекая к себе внимания. Это было несложно, поскольку Лэмб вел себя совершенно не так, как обычно на продаже зерна. Он прошелся до другого конца стойки и оперся здоровеными кулаками о растрескавшееся дерево.

– Хорош тот вечер, когда можно сюда заглянуть, – сказал он хозяину харчевни, снимая шляпу и стряхивая с нее воду размашистыми движениями, наверняка стараясь привлечь внимание.

Только глубоко запавшие глаза старой духолудки следили, как Шай крадется вдоль стены, но она не намеревалась поднимать шум.

– Немного дождливо, не правда ли? – отозвался трактирщик.

– Если дождь усилится, сможешь зарабатывать на переправе через улицу.

– Если будет прибыль, займусь обязательно, – человек за стойкой невесело глянул на малочисленных гостей. – Я слышал, люди толпами валят через Ближнюю Страну, но почему-то здесь их не бывает. Хотите выпить?

Лэмб стянул перчатки и бросил их перед трактирщиком.

– Хорошо бы пива.

Хозяин схватил железную, до блеска начищенную кружку.

– Нет, мне в эту, – возразил Лэмб указывая на большую глиняную на верхней полке. Она выглядела очень тяжелой и старомодной. – Люблю держать в руках то, что я могу почувствовать.

– Мы говорим о кружках или о бабах? – поинтересовался трактирщик, привставая на цыпочки, чтобы достать ее.

– А почему не о том и другом вместе? – усмехнулся Лэмб.

Как он сохранил способность улыбаться?

Взгляд Шай все время возвращался к мужчинам, сидевшим за другим концом стойки, молча сторбившись над выпивкой.

– Издалека путь держите? – спросил хозяин.

– С востока, – Лэмб словно не замечал, что с плаща стекает вода. – С северо-востока. Из окрестностей Сквордила.

Один из троих, рыжий, оглянулся на Лэмба, фыркнул и повернулся к своим.

– Ого! Не близкий путь. Это ж сотня миль, не меньше.

– Как по мне, так больше. Дорога на проклятой телеге, запряженной волами, превратила мою задницу в отбивную.

– Если намерены двигаться дальше на запад, советую серьезно подумать. Множество людей, охочих до золота, идут в ту сторону. А я слышал, в пустошах зашевелились духолюды.

– Да ну!

– Не сомневайся, приятель! – вставил человек в шубе, высываясь из нее, словно черепаха из панциря. Он обладал самым сильным и самым противным из всех голосов, слышанных Шай, а она в свое время общалась с множеством необычных людей. – Они кинулись в Дальнюю Страну, как муравьи, если разворотить им кучу. Злые, собравшиеся в большие стаи и ищущие человеческие уши, как в стародавние времена. Я слышал, Санджид выкопал меч войны.

– Санджид? – Трактирщик пошевелил головой, как если бы воротник внезапно стал ему тесен.

– Император равнин собственной персоной. – Шай догадалась, что старый ублюдок просто наслаждается своими страшилками. – Его духолюды вырезали целый обоз. Недели две назад, в пустошах. Человек тридцать погибло. Они отрезали их уши и носы. И я заставляю себя не задумываться – а вдруг они им и концы отрезали?

– Для чего они им, дьявол меня раздери?! – воскликнул фермер, уставившись на старуху-духолодку и содрогаясь всем телом.

Она не ответила. Даже не пошевелилась.

– Если вы собрались ехать на запад, я посоветовал бы найти хорошее общество. Желательно, чтобы у вас был настрой на победу и добрая сталь в запасе. Вот что я скажу... – и снова нырнул в шубу.

– Дельный совет, – Лэмб поднял кружку и неторопливо сделал маленький глоток. Шай невольно сглотнула, пожалев, что у нее пива нет. Черт возьми, ей хотелось убраться отсюда. Или уж начать делать то, ради чего они пришли. В то же время Лэмб сохранял невозмутимость, как если бы пахал поле у фермы. – Но я не уверен, что хочу отправиться туда во что бы то ни стало.

– А что занесло вас так далеко?

Лэмб неторопливо закатал влажные рукава рубахи, обнажая могучие предплечья, покрытые седыми волосами.

– Я кое-кого преследую.

Рыжий снова оглянулся. Целая буря подергиваний пробежала по его лицу и плечам. На этот раз он не отвел взгляд. Шай позволила ножу выскользнуть из рукава и спрятала его за рукой, сжимая в потной и горячей ладони.

– Зачем? – спросил трактирщик.

– Они сожгли мою ферму. Украли моих детей. Повесили моего друга, – проговорил Лэмб без всякого выражения и поднял кружку.

Повисла такая тишина, что было слышно, как он глотал. Один из торговцев даже обернулся, его брови поползли на лоб. «Шляпа» придвинул свою посудину, и Шай заметила, как напряглись сухожилия на его запястье. В этот миг вошел Лиф и остановился на пороге, растерянный и напуганный. Но все, не отрываясь, главели на Лэмба, поэтому пропустили появление парня.

– Плохие люди, вне всяких сомнений, – продолжал северянин. – Они похищали детей по всей Ближней Стране и оставляли за собой след из повешенных. За последние несколько дней я похоронил, пожалуй, дюжину.

– И сколько этих ублюдков?

– Человек двадцать...

– Может, собрать парней и попробовать их отыскать? – спросил трактирщик, хотя казалось, что он-то как раз останется и будет продолжать натирать кружки. Но у кого повернулся бы язык обвинить его?

– А смысл? – Лэмб покачал головой. – Они уже далеко отъехали.

– Правда? Ну, ладно... Но я уверен, правосудие рано или поздно догонит их. Как говорится, возмездие неотвратимо.

– Правосудию придется удовольствоваться тем, что я от них оставлю, когда догоню. – Лэмб наконец-то закатал рукава так высоко, как хотел, и привалился боком к стойке, глядя прямо на тех троих. Шай ожидала всякого, но только не беспечно болтающего, беззаботно улыбающегося Лэмба, которого вроде как ничего и не тревожило. – Когда я говорил, что они далеко отъехали, то слегка слукавил. Трое из них отбились от остальных.

– Это точно? – спросил «Шляпа», вмешиваясь в беседу с трактирщиком так нагло, как вор срезает кошелек в суматохе.

– Точнее не бывает, – Лэмб твердо встретил его взгляд.

– Три человека, ты говоришь? – Рука Красавчика поползла вдоль пояса к топору.

В воздухе тяжелым облаком повисло ожидание грядущих неприятностей.

– Эй, погодите, – сказал хозяин постоялого двора. – Мне не нужны разборки...

– Я тоже не хотел разборок, – согласился Лэмб. – Но ветер дует вопреки нашему желанию. И у всех неприятностей привычки такие же. – Он откинул влажные волосы с лица. Широко распахнутые глаза северянина сияли, рот приоткрылся, дыхание участилось. Он улыбался. Но не как человек, ищущий решение сложной задачи, а как человек, который занимается любимым делом или получает удовольствие, скажем, от вкусной еды. Внезапно Шай совсем по-иному оценила шрамы, испещрявшие лицо отчима, и ощутила холодок, расползающийся вдоль хребта в руки и ноги и заставляющий стать дыбом каждый волос на теле.

– Я выследил этих троих, – проговорил северянин. – Встал на их след и гнался два дня.

Воцарилась томительная пауза. Трактирщик отступил, не выпуская кружку и полотенце из рук. Призрачная тень улыбки еще цеплялась за его лицо, но остальные уже поняли все. Трое преследуемых развернулись к Лэмбу и слегка расступились, оказавшись спиной к Шай, и она осознала, что крадется вперед, словно протискиваясь через мед и цепляясь дрожащими паль-

цами за рукоять ножа. Каждое мгновение растягивалось длиною в век, а дыхание раздирало глотку.

– И куда привел след? – спросил «Шляпа» осипшим голосом, почти беззвучным на последнем слове.

Лэмбова улыбка растянулась от уха до уха. Словно он сегодня отмечал свой день рождения.

– Прямо под ваши гребанные ноги.

«Шляпа» откинул плащ. Ткань еще парила в воздухе, когда он потащил из ножен меч.

Северянин запустил в него тяжелой кружкой. Удар пришелся прямо в лоб, и «Шляпа» упал, облитый пивом.

Стул противно заскрипел, когда фермер, пытаясь отшатнуться, перевалился через него.

Рыжий шагнул назад, освобождая место для драки или от страха, а Шай, обхватив его левой рукой, прижала нож к горлу.

Кто-то закричал.

Лэмб пересек комнату одним прыжком, поймал запястье Красавчика, когда он почти вытащил топор, выкрутил руку, в то же время вытащил нож у него из-за пояса и воткнул в пах. Двинул лезвие вверх, вспарывая живот. Брызги крови полетели во все стороны. Красавчик издал булькающий вопль, ужасно громкий в замкнутом помещении, и упал на колени, выпучив глаза и пытаясь удержать вываливающиеся кишки. Стукнув черенком ножа по затылку, Лэмб «вырубил» его и положил конец крику.

Женщина-купец вскочила, открыв рот.

Рыжий задергался в объятиях Шай. Она сжала его крепче и прошептала в ухо, усиливая давление ножа: «Успокойся!»

«Шляпа» с трудом поднимался на ноги. Из рассеченной кружкой кожи на лбу текла кровь, заливая глаза. Лэмб схватил его за шею и, приподняв легко, как тряпичную куклу, ударил лицом о барную стойку. И еще раз. Череп трещал, как глиняный горшок. Потом опять. Голова «Шляпы» безвольно болталась. Капли крови попали на передник трактирщика, на стену за его спиной, даже на потолок. Лэмб высоко поднял нож. Его лицо все еще озаряла та самая безумная улыбка. Потом лезвие расплылось, превращаясь в поблескивающее пятно, и прошло сквозь спину человека, пригвождая его к стойке, которая раскололась вдоль. Он так и остался висеть, не доставая ногами до пола. Только башмаки скребли по доскам. А кровь растекалась, словно пролитая выпивка.

По мнению Шай, все это заняло времени не больше, чем три вдоха-выдоха, если бы она не затаила дыхание. Ее бросило в жар, голова кружилась, мир заиграл слишком яркими красками. Она моргнула, не вполне отдавая себе отчет, что же произошло. Но не двинулась с места. Она не шевелилась, и никто не шевелился. Только Лэмб шагал вперед – глаза блестели от слез, одна половина лица изуродована шрамами и забрызгана кровью, губы растянуты в безумной улыбке, обнажая зубы. На каждый выдох он издавал приглушенный рык, будто занимаясь любовью.

– Мать вашу, мать вашу... – хныкал Рыжий.

Шай прижатием лезвия ножа к кадыку снова утихомирила его. Здоровенный тесак, размером почти с меч, был засунут у него за пояс, и свободной рукой она вытащила оружие. Подоспевший вплотную Лэмб, который едва не касался головой низких стропил, протянул руку и, сграбастав Рыжего за ворот рубахи, вырвал его из ослабшей хватки Шай.

– Говори!

Северянин дал парню пощечину, настолько сильную, что мог сбить с ног, но сам же и удержал его.

– Я... – проблеял пленник.

Лэмб ударил его снова. От громкого звука вздрогнули купцы в дальнем конце комнаты.

– Говори!

– Чего тебе?

– Кто у вас главный?

– Кантлисс. Его так зовут. – Рыжий торопливо заговорил, захлебываясь слюной и путаясь в словах. – Грега Кантлисс. Я не знал, что они настолько плохие. Просто хотел перебраться отсюда в те края. И заработать чуток деньжат. Я работал на востоке, на переправе. А потом после дождя паром смыло... Я... – Удар. – Мы не хотели этого. Поверьте мне... – Удар. – Среди них есть полные отморозки. Северянин по кличке Рябой. Он стрелял в старика. А все смеялись...

– Ты видел, чтобы я смеялся? – Лэмб шлепнул его снова.

– Я тоже не смеялся! – Рыжеволосый попытался прикрыться слабой рукой. – Мы не хотели участвовать во всех этих убийствах. Потому и ушли от них! Кантлисс обещал нам, что просто ограбим кого-нибудь. А оказалось – мы крадем детей...

Удар Лэмба прервал его словоизлияния.

– Зачем он крал детей?

И подстегнул желание говорить еще одной пощечиной. Лицо парня перекошилось и раздулось с одной стороны. Из носа текла кровь.

– Он говорил, у него есть покупатель. Мы станем богатыми людьми, если доставим детей к нему. Говорил, что дети должны быть невредимы, ни одного волоска на головах. Требовал, чтобы в пути они не нуждались...

– Путь куда? – очередной удар Лэмба.

– Для начала в Криз, он говорил.

– Это в верховьях Соквайи, – сказала Шай. – Ехать через всю Дальнюю Страну.

– Кантлисса ожидает лодка. Он поднимется вверх по реке... вверх по реке...

– Очень смешно. Потом куда?

Рыжий обмяк, едва ли не потеряв сознание. Веки едва трепетали.

– Не говорил. При мне не говорил. Может, Тэвернер знал... – его взгляд скользнул по труп, прибитому ножом к стойке бара.

«Вряд ли он что-то способен рассказать», – подумала Шай.

– Кто покупает детей? – спросил Лэмб.

Рыжий качал избитой головой, будто пьяный. Лэмб шлепнул его снова, снова и снова... Одна из купчих спрятала лицо в ладонях. Вторая глядела твердо, но мужчина, сидевший рядом, насильно усадил ее на стул.

– Кто покупает?

– Не знаю, – шепеляво ответил парень, пуская розовые пузыри с разбитых губ.

– Стой на месте.

Лэмб отпустил Рыжего, вернулся к «Шляпе», вокруг башмаков которого натекла алая лужа, снял меч с его пояса, вытащил нож из-под плаща. После перевернул ногой Красавчика, который вперился безжизненным взглядом в потолок, в то время как его кишки вывалились из живота. Северянин взял его мокрую от крови веревку, вернулся к пленному и начал обвязывать один конец вокруг его шеи. Шай наблюдала за этим, оцепенев и ощущая противную слабость. Немудреные узлы, но вполне надежные. Потом Лэмб потащил парня к двери, а тот поплелся за ним, как побитая собака.

Но далеко они не ушли.

Трактирщик выбежал из-за барной стойки и загородил выход, подтверждая истину, что с первого взгляда никогда нельзя судить о способности человека на поступок. Он комкал в руках тряпку, будто мог защититься ею от зла. Шай не верила, что это чем-то поможет, но не могла не испытывать уважение к его кишкам. Оставалось надеяться, что Лэмб не разложит их рядом с потрохами Красавчика, которые валялись на окровавленных досках.

– Это неправильно, – сказал хозяин заведения.

– И каким образом, умерев, ты сумеешь это исправить? – Голос Лэмба звучал мягко и не содержал ни тени угрозы. Ему не нужно было кого-то пугать. Два мертвеца отлично справлялись с этой работой и без него.

Глаза трактирщика забегали, но не нашлось ни одного героя, чтобы встал рядом с ним. Все выглядели напуганными, словно Лэмб являлся олицетворением самой смерти. Только старая духолюдка сидела, выпрямившись и внимательно наблюдая за событиями, да ее спутник, одетый в шубу, закинул ногу за ногу и, не делая резких движений, подливал себе выпивку.

– Неправильно... – Голос трактирщика был слаб, как разбавленное водой пиво.

– Коль это произошло, то это правильно, – ответил Лэмб.

– Мы должны собрать людей, судить его, как положено, допросить свидетелей...

– Все, что ты должен, – старик шагнул вперед, – это спросить себя, хочешь ли ты стоять на моем пути.

Хозяин харчевни шагнул в сторону, и Лэмб поволок парня мимо него.

Шай поспешила следом, внезапно ощутив, что может двигаться.

Дождь из ливня перешел в размеренную морось. Лэмб протасил Рыжего через залитую водой улицу к арке городских ворот, достаточно высокой, чтобы проехал всадник. Или чтобы повесить пешего.

– Лэмб!

Шай спрыгнула с крыльца харчевни, проваливаясь по щиколотки.

– Лэмб!

Он взвесил веревку на ладони и забросил ее на перекладину.

– Лэмб!

Шай наконец-то перебралась через улицу, выдергивая ноги из липкой грязи. Северянин натянул свободный конец веревки, и парень привстал на цыпочки, когда петля затянулась у него под горлом, глупо озираясь, будто не соображая, что происходит.

– Тебе не кажется, что с нас хватит повешенных? – выкрикнула Шай, поравнявшись с ними.

Лэмб не отвечал, наматывая веревку на кулак.

– Никому это не надо!

Он молча сопел, продолжая поднимать Рыжего. Шай вцепилась в веревку и принялась пилить ее мечом около самой его шеи. Лезвие оказалось достаточно острым. Справилась она быстро.

– Убирайся прочь!

Парень моргал, глядя на нее.

– Беги, мудила гребаный!

Она пнула Рыжего под зад. Он отбежал на несколько шагов, споткнулся, повалился лицом в грязь, с трудом поднялся и скрылся в темноте все еще с воротником из петли на шее.

Шай повернулась к Лэмбу. Отчим глядел на нее, стоя с обрывком веревки в одной руке и мечом в другой. Смотрел и не видел, кажется. Он был вроде как не в себе. Неужели этот же человек склонялся над кроватью Ро, когда девочка горела в лихорадке, и пел ей? Пел отвратительно, но ведь старался. И лицо его тогда кривилось от сострадания. А теперь Шай видела пустоту в его черных глазах, и страх охватил ее. Будто оказалась на краю бездны, и потребовалась каждая крупинка храбрости, чтобы не кинуться наутек.

– Приведи их коней! – рявкнула она Лифу, появившемуся на пороге с плащом и шляпой Лэмба в руках. – Всех троих, живо!

Он кинулся выполнять поручение. А Лэмб все стоял, глядя вслед Рыжему, а дождь постепенно смывал кровь с его лица. Когда Лиф подвел ему самого могучего коня, северянин схватился за луку, попытался вскочить верхом, но лошадь дернулась и отступила. Лэмб покачнулся,

попытался поймать стремя, но опять промахнулся и упал с громким плеском в лужу. Перевернулся и встал на четвереньки. Шай бросилась к нему:

– Ты ранен?

Он поднял взгляд, в глазах стояли слезы, и прошептал:

– Мертвецы, Шай, мертвецы...

Стараясь изо всех сил, она подняла его. Дьявольски трудная задача – старый хрыч весил, как покойник. Оказавшись на ногах, он схватил Шай за рукав и притянул к себе.

– Обещай мне... – тихо проговорил он. – Обещай мне, что больше никогда не встанешь на моем пути.

– Обещаю. – Она погладила Лэмба по изуродованной щеке. – Но коня для тебя все-таки придержу.

И выполнила обещание, схватив лошадь под уздцы и ласково бормоча ей на ухо. Жаль, что не нашлось никого, способного так же успокаивать ее саму, пока северянин медленно и устало забирался в седло, сцепив зубы от натуги. На спине коня он ссутулился, правой рукой взяв повод, а левой придерживая плащ у горла. И снова казался стариком. Дряхлее, чем когда-либо. Древняя развалина, раздавленная непосильными заботами.

– Он в порядке? – громким шепотом спросил Лиф, будто боялся быть подслушанным.

– Не знаю... – ответила Шай.

А Лэмб, казалось, не слышал ничего, глядя вдаль, в черный, слившийся с небом горизонт.

– А ты в порядке?

– Тоже не знаю. – Она ощущала, что привычный ей мир разбит вдребезги и катится в пропасть, а ее влечет ветер по бескрайнему морю и земли не видно. – А ты?

Лиф покачал головой и опустил глаза.

– Тогда лучше тебе забрать из фургона все, что может пригодиться в дороге, и в путь.

– А как же Скейл и Кальдер?

– Они еле ходят, а нам нужно спешить. Бросим их здесь.

Ветер швырнул капли дождя в лицо Шай, которая натянула поглубже шляпу и крепко сжала зубы. Брат и сестра – вот на чем следует сосредоточиться. Они – звезды, по которым Шай сверяла свой путь, два источника света в крошечном мраке. Только они имели значение.

Потому она толкнула лошадь пятками и повела спутников в стужающуюся ночь. Но не успели они отъехать от городка, как ветер донес шум. Шай натянула повод. Вытащив меч – длинный и тяжелый старый палаш с односторонней заточкой, Лэмб поставил своего коня рядом.

– Кто-то сзади! – воскликнул Лиф, вытаскивая лук.

– Убери его! В такой темноте ты, скорее, застрелишь себя. Или, того хуже, меня.

Прислушавшись, Шай различила стук копыт на дороге, скрип фургона, увидела пляшущее пятно света за деревьями. Жители Эверстока решили их преследовать? Трактирщик оказался большим приверженцем правосудия, чем показалось на первый взгляд? Она вытащила из ножен короткий меч с роговой рукоятью. Клинок вспыхнул алым в последнем прикосновении сумерек. Шай понятия не имела – чего же ждать? Если бы сам Иувин возник из темноты и поприветствовал бы их, она бы нисколько не удивилась, а поинтересовалась бы, куда он держит путь.

– Погодите! – донесся самый сильный и противный голос из всех слышанных Шай.

Никакой это не Иувин. Человек в шубе. Он появился верхом, удерживая факел в одной руке.

– Я – друг! – сказал он, переводя лошадь на шаг.

– Но не мой друг, – ответила Шай.

– Так давай для начала исправим это недоразумение!

Он запустил руку в седельную сумку и, выудив недопитую бутылку, кинул ее Шай. Выкатился фургон, запряженный парой лошадей. Ими правила старуха из племени духолудов, храня все то же невозмутимое выражение, что и в харчевне. В зубах она держала старую трубку из чаги, но не курила ее, а просто жевала.

Они немного постояли друг напротив друга в темноте, а потом Лэмб спросил:

– Что вам нужно?

Незнакомец неспешно выпрямился и сдвинул шляпу на затылок.

– Довольно проливать кровь нынче ночью, здоровила. Мы – не враги вам. А даже если бы и были, то я в корне готов поменять мнение. Просто я хочу поговорить, вот и все. Сделать предложение, которое всем нам может пойти на пользу.

– Тогда давай, говори, – сказала Шай, вытаскивая пробку зубами, но держа меч наготове.

– Начну, пожалуй. Меня зовут Даб Свит.

– Ух, ты! – удивился Лиф. – Прямо как того разведчика, о котором столько историй рассказывают!

– Точно. Потому что он – это я.

– Ты – Даб Свит? – Шай даже пить перестала. – Тот, кто первым увидел Черные горы?

Она передала бутылку Лэмбу, который сразу сунул выпивку в руки Лифу. Парень сделал глоток и закашлялся.

– Сдается мне, горы первыми увидели меня, – резко хихикнул Свит. – Но духолуды жили там за несколько сот лет до моего появления. А до того – имперцы. И кто знает, какие племена селились там в стародавние времена. Кто может сказать, что в этом мире он в чем-то опередил других?

– Но ты убил того самого большого бурого медведя в верховьях Соквайи голыми руками? – спросил Лиф, возвращая бутылку Шай.

– Я много раз бывал в верховьях Соквайи, но в той истории есть маленько преувеличений. – Даб Свит улыбнулся, и морщины расползлись по его щекам. – Можно, само собой, бороться голыми руками, но я не думаю, что это очень уж разумно. Мое главное правило в подходе к медведям, как и к большинству опасностей, – избегать их. Но память – странная штука, она утекает, как вода, и кое-что смывает. Так что я не могу подтвердить всего, что со мной происходило.

– Может, ты и имя свое позабыл? – Шай еще глотнула из горлышка – в ней проснулась адская жажда.

– Женщина! Я согласился бы с тобой, если бы моим именем не было помечено это потерянное седло. – Он похлопал ладонью по выдавшей виды коже. – Даб Свит.

– После всех этих историй я представляла тебя повыше ростом.

– Да, я такое слышал, что во мне должно быть полмили роста. Люди любят приукрасить. И когда их несет, то никому нет дела, какой я на самом деле вырос. Согласны?

– А кто эта старая духолудка с тобой?

Неторопливо и торжественно, как будто читала панихиду, старуха произнесла:

– Он – моя жена.

Свит снова разразился скрипучим смехом.

– Признаться, я и сам иногда так думаю. Эту духолудку зовут Кричащая Скала. Мы обшарили сверху донизу каждый закоулок в Ближней Стране, и в Дальней Стране, и еще во многих землях, которым еще названия не придумали. Сейчас мы работаем проводниками, разведчиками, охотниками, чтобы провести Братство переселенцев через равнины в Криз.

– Это как? – прищурилась Шай.

– Я тут услышал краем уха, что вы направляетесь в ту же сторону. Лодку вы для себя не найдете – никто не захочет вас подбросить, я имею в виду. И это значит, что вам придется

пересечь равнины своим ходом – верхом, пешком или на колесах. А если учесть, что духолоды зашевелились, вам лучше найти спутников.

– То есть вас.

– Может, я никого и не задушу по дороге, но я знаю Дальнюю Страну. Немного лучше других. И если уж кто и сумеет довести вас до Криза с ушами на голове, так это я.

Кричащая Скала откашлялась и передвинула трубку из одного угла рта в другой.

– Это я и Кричащая Скала.

– А что тебя подтолкнуло предложить нам помощь? – спросила Шай. Особенно после того, что они видели недавно.

– Мы начали готовиться к путешествию до того, как на равнинах стало беспокойно. – Свит поскреб колючую бороду. – А теперь там забот – полон рот. У нас есть люди, знакомые с железяками, но у них слишком мало опыта и слишком много груза. – Он скользнул по Лэмбу оценивающим взглядом. Клэй мог так оценивать зерно перед покупкой. – Сейчас в Дальней Стране беспокойно. Поэтому нам нужны люди, которые не падают в обморок при виде крови. – Он глянул на Шай. – Сдается мне, ты тоже сумеешь удержать меч, если приспичит.

– Он так и норовит выпасть из руки. – Она «взвесила» оружие на ладони. – И что ты предлагаешь?

– Обычно люди или оплачивают путь, или привносят в Братство свои умения. А потом мы все живем одной семьей, помогаем друг другу. Здравяк...

– Лэмб.

– Что, правда? – Свит приподнял бровь.

– Имя не хуже других, – ответил северянин.

– Спорить не буду. Ты можешь ехать бесплатно – я видел, что ты сумеешь принести пользу. Ты, женщина, можешь отдать половину взноса. Ну, и парнишка оплатит полный взнос. Это составит... – Свит наморщил лоб, считая в уме.

Может, Шай и стала свидетелем смерти двух человек этой ночью, а еще одного спасла, может, в животе у нее крутило, а голова продолжала кружиться, но она не собиралась позволить обвести ее вокруг пальца.

– Мы все едем бесплатно.

– Что?

– Это – Лиф. Он управляется с гребаным луком лучше всех, кого ты мог знать. Он полезен.

– Он? – Даб Свит, казалось, здорово сомневался в услышанном.

– Я? – проямлил Лиф.

– Так что мы все едем бесплатно. – Шай сделала последний глоток и бросила собеседнику бутылку. – Или так, или мы вообще никуда с вами не едем.

Свит прищурился, хорошенько приложился к горлышку, глянул на Лэмба и долго сидел неподвижно в темноте, только отсветы факела плясали в его глазах. Потом он вздохнул.

– А ты любишь торговаться, правда?

– Мое главное правило в подходе к обману – избегать его.

Свит хохотнул, выслал коня вперед и, зажав бутылку локтем, стянул зубами перчатку, протянул ладонь.

– По рукам. Думаю, ты мне понравишься, детка. Как тебя кличут?

– Шай Соут.

– Шай? – он снова поднял бровь.

– Это – имя, старина, а не жалоба. А теперь гони обратно бутылку.

Таким образом, они продолжили путь вместе. Даб Свит болтал без умолку надтреснутым, но мощным голосом. Говорили обо всем и ни о чем. Часто смеялись, как будто не оставили позади двух мертвецов. Пускали по кругу бутылку, пока выпивка не закончилась. Шай, чув-

ствуя в животе тепло, швырнула бутылку в ночь. А когда Эверсток превратился в кучку огня позади, она натянула поводья и поравнялась с человеком, которого имела больше поводов, чем кого бы то ни было, называть отцом.

– Тебя ведь не всегда звали Лэмбом, правда?

Он посмотрел на нее, потом отвел глаза. Сгорбился еще сильнее, кутаясь в плащ. Большой палец скользил туда-сюда, потирая обрубок среднего, недостающего.

– Прошрое есть у всех, – сказал он наконец.

Более чем верно.

Похищенные

Детей всякий раз оставляли безмолвной кучкой, когда Кантлисс приказывал гуртовать их. Гуртовать. Он так и называл эту работу, как будто имел дело с ничейными коровами и никаких убийств вообще не было. Будто они и не делали ничего из того, что произошло на ферме. Не смеялись, вспоминая потом, как притаскивали малышню с выпученными глазами. Рябой всегда смеялся неприятным смехом – у него не хватало двух зубов спереди. Но ржал так, словно убийство – самая забавная шутка в мире.

Вначале Ро пыталась угадывать, где они проходят. Хотела оставлять какие-то знаки для тех, кто, возможно, пойдет по следу. Но леса и поля сменились обширными пустошами, где только изредка попадались приметные кусты. Они уходили все дальше и дальше на запад, это она поняла, но ничего сверх. Ей хватало забот о Пите и о других детях, о которых Ро заботилась, как могла, – чтобы были сытыми, умытыми и молчали.

Здесь собрали самую разную детвору, но никого старше десяти лет. Двадцать один ребенок, еще не так давно, пока мальчишка по имени Кейр не попытался сбежать. Рябой отправился за ним и возвратился забрызганный кровью. Таким образом, их осталось два десятка, и больше никто не хотел убегать.

Еще за ними присматривала женщина по кличке Пчелка. Хорошая, если не обращать внимания на шрамы от залеченного сифилиса на руках. Она иногда обнимала детей. Но не Ро, которая не нуждалась в заботе, и не Пита, у которого была Ро, чтобы обнимать, а некоторых самых маленьких. Она уговаривала их замолчать, когда они плакали, потому что боялась Кантлисса до усрачки. Порой он бил ее, после чего Пчелка вытирала сочащуюся из носа кровь и оправдывала его. Говорила, что у него была трудная жизнь, что от него отвернулись люди и в детстве избивали сверстники. На взгляд Ро, это еще не повод, чтобы бить других, но, по всей видимости, всем требовались хоть какие-то оправдания. Даже самые слабые.

По мнению Ро, в Кантлиссе ни единая проклятая черточка не вызывала уважения.

Он ехал впереди отряда, одетый словно богатый и знатный человек, а не убийца и похититель детей, который пытался хоть чуть-чуть выделиться, собирая вокруг себя еще более гнусное отребье. По ночам он требовал разводить огромный костер, поскольку любил смотреть, как пляшут языки пламени. Потом он напивался, а напившись, горько кривил губы и жаловался на то, что жизнь никогда не была к нему справедлива – его обжулили с наследством, и вообще ничего в этом мире не происходило так, как он хотел.

Однажды они остановились на целый день около широкого водного потока, и Ро спросила его:

– Куда вы нас ведете?

– Вверх по течению, – только и ответил Кантлисс.

Они погрузились в лодку, а потом пошли против течения. Сухопарые, жилистые мужчины гребли и отталкивались шестами, а равнина проплывала мимо и на горизонте сквозь туман проступали три синих пика на фоне небес.

Вначале Ро думала, что судьба смилоствовала над ними – не надо больше трястись в седле, сиди себе да и все. Просто найди себе место под навесом, наблюдай, как земля ползет мимо, и привыкай к тому, что прежняя жизнь потихоньку стирается из памяти, все тяжелее вспомнить лица людей, которых ты когда-то знал, чувствуешь себя как во сне и ожидаешь приближение кошмара.

Рябой время от времени сходил на берег с луком и несколькими помощниками, а потом возвращался с добытой дичью. Потом отдыхал, курил и смотрел на детей. И улыбался часами напролет. Когда Ро увидела его щербатую ухмылку, то вспомнила, как он стрелял в Галли и оставил старика, утыканного стрелами, висеть на дереве. И ей очень захотелось заплакать, но

она знала, что не имеет права. Она – одна из самых старших и должна показывать пример малышне, быть сильной. Она считала, что если не расплчется, то это уже маленькая победа. Ну и что, что маленькая? Победа всегда победа, говорила когда-то Шай.

Через несколько дней они увидели столбы дыма, поднимающиеся к небу и подчеркивающие его необъятность, вдалеке из моря травы. Черные крестики птиц-падальщиков кружились там же. Начальник над лодочниками сказал, что надо возвращаться, что-то долго объяснял о духолюдах, но Кантлисс только рассмеялся и передвинул рукоять ножа на пояс. А потом посоветовал лодочнику бояться тех опасностей, что у него под боком. Вот и весь разговор.

В ту же ночь один из похитителей растолкал Ро и принялся рассказывать, что она ему кого-то напоминает. Хотя он улыбался при этом, но глаза отводил. От мужчины разило перегаром, а когда он схватил девочку за руку, Пит изо всех сил ударил его. Хотя какие там у него силы? Зато проснулась Пчелка и закричала. Подбежал Кантлисс и оттащил своего человека. А Рябой бил его ногами, пока тот не перестал шевелиться, и сбросил за борт. И Грега Кантлисс орал остальным, что товар не про их честь и чтобы не смели распускать свои гребанные ручонки, иначе – готов биться об заклад! – ни один не получит оговоренной оплаты.

Ро знала, что не должна была этого говорить, но вспыхнула и не сдержалась:

– Моя сестра идет по следу! Если хочешь биться об заклад, то бейся! Она тебя найдет!

Она думала, что Кантлисс ударит ее, но он всего лишь посмотрел на нее так, словно она была самой мелкой из преследующих его всю жизнь неудач, и сказал:

– Малышка, прошлое утекло, как вода. Чем скорей ты вобьешь это в свои мозги, которые меньше булавочной головки, тем лучше. Никогда ты не увидишь сестру. Никогда больше.

И ушел на нос корабля, с недовольной рожей вытирая мокрой тряпкой капли крови со щегольской одежды.

– Он сказал правду? – спросил Пит. – Никто за нами не придет?

– Шай придет. – Ро никогда не сомневалась в том, что если сестра что-то решила, то добьется этого любой ценой. Но она никогда не призналась бы, что в глубине души надеется, что Шай не придет, поскольку очень не хотела видеть сестру, утыканную стрелами. А что она смогла бы поделать? Даже с тремя сбежавшими, двумя, которые остались продать большую часть лошадей, и тем, кого убил Рябой, у Кантлисса оставалось тринадцать человек. И Ро не знала, кто сможет с ними справиться.

Она скучала по Лэмбу. Он мог улыбнуться и сказать: «Все хорошо. Не бойся». Так он говорил во время грозы, когда она не могла заснуть от страха. Вот было бы хорошо...

Братство

Какая дикая жизнь, какой свежий взгляд на жизнь. Но какой дискомфорт.

Генри Уодсворт Лонгфелло

Совесть и гонорей

– Молишься?

– Нет, – вздохнул Суфин. – Я просто варю овсянку, стоя на коленях с закрытыми глазами. Да, я молюсь. – Он приоткрыл один глаз и уставился на Темпла. – Не желаешь ко мне присоединиться?

– Я не верю в Бога, ты разве забыл? – Темпл понял, что опять перебирает пальцами подол рубахи, и усилием воли остановил себя. – Признайся честно, он хоть пальцем когда-нибудь пошевелил, чтобы тебе помочь?

– В Бога нужно верить, а не любить его. Кроме того, я знаю, что помощи не достоин.

– Зачем ты тогда молишься?

Суфин накрыл голову накидкой для молитвы, подсматривая за Темплом из-под края.

– Я молюсь за тебя, брат. Похоже, ты в этом нуждаешься.

– Да, мне слегка... не по себе... – Теперь от волнения Темпл сосредоточился на левом рукаве и снова убрал пальцы. Во имя Господа, неужели его пальцы не успокоятся, пока не распустят до последней нитки каждую рубашку? – У тебя не было чувства, что страшный груз давит на плечи?

– Часто.

– И грозит обрушиться в любой миг?

– Постоянно.

– И ты не знаешь, как из-под него выбраться?

– Но ведь ты знаешь?

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

– Нет! – воскликнул Темпл, отшатываясь. – Нет, нет...

– Старик тебя слушается.

– Нет!

– Ты мог бы поговорить с ним, заставить отступить...

– Я пытался, он даже слышать не хочет!

– Может, ты не слишком старался? – Темпл зажал уши ладонями, но Суфин отвел его руки. – Легкий путь приводит в никуда.

– Тогда ты сам поговори с ним!

– Я – всего лишь разведчик.

– А я – всего лишь стряпчий! И никогда не корчил из себя праведника!

– И никто из праведников так не делает.

Темпл высвободился и зашагал прочь по лесу.

– Если Бог хочет, чтобы это прекратилось, пусть сам и прекращает. Ведь он всемогущий!

– Никогда не перекладывай на Бога работу, которую можешь сделать сам! – донесся голос Суфина, и Темпл сгорбился, будто бы слова ранили его подобно брошенным камням. Нет, этот человек становится похожим на Кадью. Оставалось надеяться, что и не закончит так же.

Как и следовало ожидать, больше никто в Роте не стремился покончить с насилием. Между деревьями сновали туда-сюда охотники до битвы люди – подгоняли амуницию, точили

оружие, снаряжали луки. Пара северян толкались, постепенно входя в раж и разогреваясь. Двое кантиков молились, опустившись на колени перед благословенным камнем, который заботливо водрузили на пень, но вверх «ногами». Каждый человек, независимо от избранного пути, рассчитывает на Божью помощь.

Громадный фургон выкатили на поляну, лошадей распрягли и дали им ячменя. Коска красовался у одного из колес, обрисовывая в общих чертах свое видение атаки на Эверсток перед верхушкой Роты. Он ненавязчиво переходил со стирийского на всеобщий, а также помогал выразительными жестами рук и шляпы понять тем, кто не владел ни тем, ни другим. Суорбрек присел на валун неподалеку и держал карандаш наготове, чтобы описывать великого человека в гуще событий.

– ...итак, часть Роты под командованием капитана Димбика нападает с запада, вдоль реки!

– Есть, генерал! – провозгласил Димбик, приглаживая мизинцем несколько засаленных волосин.

– Наряду с этим Брачио поведет свой отряд с востока!

– Наря... Чего-чего? – проворчал стириец, трогая языком гнилой зуб.

– Одновременно, – пояснил Балагур.

– О!

– И Джубаир спустится по склону холма, завершая окружение! – Перо на шляпе Коски победно воспряло, символически знаменуя поражение сил тьмы.

– И никто не должен бежать, – прокрипел Лорсен. – Всех следует допросить.

– Конечно, – Коска выпятил нижнюю челюсть и глубокомысленно почесал шею, где уже появилась розоватая сыпь. – И все захваченное должно быть заявлено, оценено и отмечено, чтобы разделить согласно Правилу Четвертей. Вопросы будут?

– Скольких человек инквизитор Лорсен запяует сегодня до смерти? – напряженным голосом спросил Суфин.

Темпл уставился на него с открытым ртом. И не он один.

– Я полагал, речь идет о вопросах, связанных с тактикой... – Коска продолжал чесаться.

– Столько, сколько будет нужно, – отрезал инквизитор. – Вы думаете, я этим наслаждаюсь? Мир – серое место. Место полуправды. Он весь состоит из полуобмана и полуправды. И все же есть ценности, за которые стоит бороться. И тут нужно прилагать все усилия и все старания. Полумерами ничего не добьешься.

– А если там нет никаких бунтовщиков? – Суфин вырвал рукав из безумной хватки Темпла. – Что, если вы ошибаетесь?

– Иногда ошибаюсь, – легко согласился Лорсен. – Мужество заключается в том, чтобы ошибки признавать. Все мы, случается, о чем-то сожалеем, но нельзя поддаваться неудачам. Иногда приходится совершать мелкие преступления, чтобы не допустить больших. Бывает так, что меньшее зло приносит большую пользу. Целеустремленный человек должен делать твердый выбор и отвечать за последствия. Иначе остается сидеть и ныть, что мир слишком несправедлив.

– Мне помогает, – произнес Темпл с неестественным смешком.

– А мне не помогает, – лицо Суфина странно изменилось, будто он выглядывал что-то вдали, и Темпл ощущал, что ни к чему хорошему это не приведет. – Генерал Коска, я хочу пойти в Эверсток.

– Так мы сейчас все вместе и пойдем. Ты разве не слышал мой приказ?

– Перед атакой.

– Зачем? – требовательно спросил Лорсен.

– Хочу поговорить с горожанами. Дать им возможность самим выдать всех мятежников. – Темпл вздрогнул. Господи, да это же смехотворно. Благородно, справедливо, но смешно. – Чтобы избежать того, что произошло в Сквордиле...

– А я думал, мы идеально сработали в Сквордиле... – озадаченно протянул Коска. – Рота, состоящая из котят, боюсь, не могла бы стать ласковее. Вам так не показалось, Суорбрек?

Писатель поправил очки и проговорил:

– Достойная уважения сдержанность.

– Это – нищий город, – Суфин указал за лес слегка подрагивающим пальцем. – У них и брать-то нечего.

– Откуда нам знать точно, пока не поглядим? – Нахмурившийся Димбик поскреб ногтем краску на перевязи.

– Дайте мне одну попытку, прошу вас. – Суфин сложил руки перед грудью и смотрел прямо в глаза Коски. – Я молю.

– Молитвы происходят от высокомерия, – проворчал Джубаир. – Человек рассчитывает изменить промысел Божий. Но действия Бога заранее предначертаны и слова Его произнесены.

– Трахать я его хотел тогда! – рявкнул Суфин.

– О! – Джубаир неторопливо приподнял бровь. – Ты еще увидишь – это Бог всех трахает.

Возникла временная тишина, нарушаемая лишь позвякиванием воинского снаряжения, которое в это утро разносилось по лесу, соперничая с пением птиц.

Старик вздохнул и потер переносицу.

– Похоже, ты решительно настроен.

– Целеустремленный человек должен делать твердый выбор и отвечать за последствия, – ответил Суфин словами Лорсена.

– А если я соглашусь, тогда что? Твоя совесть будет сидеть, как заноза в заднице, всю дорогу через Ближнюю Страну и обратно? Мне это может прискучить самым решительным образом... Совесть может доставлять кучу неудобств, как гонорея. Взрослый человек должен мучиться в одиночку, а не выставлять страдания напоказ перед друзьями и сослуживцами.

– Вряд ли совесть и гонорею можно сравнивать, – вставил Лорсен.

– Конечно! – многозначительно согласился Коска. – Гонорея гораздо реже приводит к смертельным последствиям.

– Должен ли я понимать ваш ответ, что вы всерьез рассматриваете это безумное предложение? – Лицо инквизитора стало бледнее, чем обычно.

– И вы, и я. В конце концов, город окружен, никто не выскользнет из нашей ловушки. Но его предложение, возможно, облегчит наш труд. Как ты думаешь, Темпл?

– Я? – моргнул стряпчий.

– Ну, я, кажется, произнес твое имя? И гляжу прямо на тебя.

– Да... Но я...

Он старался избегать трудного выбора по весьма серьезной причине. Он всегда выбирал неправильно. Тридцать лет нищеты и страха перед грядущими бедствиями, закончившиеся здесь, в весьма затруднительном положении, могли быть достаточным тому подтверждением. Он посмотрел на Суфина, на Коску, на Лорсена и опять на Суфина. С кем быть выгоднее? Где меньше опасность? И кто на самом деле... прав? Дьявольски трудно выбирать во всей этой путанице.

– Ладно...

– Человек совестливый, и человек сомневающийся, – генерал надул щеки. – Бог должен хранить вас. У вас есть один час.

– Я вынужден протестовать! – возмутился Лорсен.

– Если вынуждены, то ничего не поделаешь. Но, боюсь, я не услышу вас за всем этим шумом.

– Каким шумом?

Коска заткнул уши пальцами:

– Бла-ла-ли-ла-ла-ли-ла-ли-ли!..

Он продолжал завывать, пока Темпл спешил, лавируя между деревьями, за Суфином. Под их подошвами хрустели сухие ветки, гнилые шишки и палая побуревшая хвоя. Голоса людей постепенно затихали. Наконец остался лишь шелест ветвей, щебет и трели птиц.

– Ты совсем спятил? – прошипел Темпл, изо всех сил стараясь не отстать.

– Все у меня в порядке.

– А что ты творишь?

– Хочу поговорить с ними.

– С кем?

– С тем, кто согласится слушать.

– Ты не сумеешь исправить мир переговорами!

– А что ты предлагаешь использовать? Огонь и меч? Договорные обязательства?

Они миновали последний пост удивленных часовых – Берми вопросительно глянул, но Темпл ответил лишь беспомощным пожатием плеч, – а потом вышли на опушку, на яркий солнечный свет. Несколько дюжин строений Эверстока цеплялось за речную излучину в низине. И, пожалуй, к большинству из них применить наименование «строения» было бы преувеличением. Чуть-чуть лучше, чем просто хижины, а улицы – сплошная грязь. Чуть-чуть лучше, чем жалкие лачуги, а улицы – дерьмо, да и только, но Суфин целеустремленно шагал к ним.

– Черт побери! Что он делает? – прошипел Берми из безопасного полумрака зарослей.

– Думаю, идет по зову совести, – ответил Темпл.

– Совесть – дерьмовый проводник. – Стириец не выглядел убежденным.

– Я это ему частенько говорил. – Но Суфин по-прежнему следовал ей. – О, Боже! – пробормотал Темпл, вздрагивая и поднимая глаза к небу. – О, Боже! О, Боже... – И он побежал следом, путаясь в высокой траве с мелкими белыми цветочками, названия которых не знал.

– Самопожертвование вовсе не благородная затея! – закричал, догоняя. – Я видел, каким оно бывает. Оно уродливо и бессмысленно! Никто не поблагодарит тебя!

– Может, Бог поблагодарит.

– Если Бог есть, у него имеются заботы поважнее.

Суфин продолжал шагать, не глядя по сторонам.

– Возвращайся, Темпл. Это – нелегкий путь.

– Да я понимаю, мать его растак! – Он схватил Суфина за рукав. – Давай вместе вернемся!

– Нет! – Разведчик вырвался и продолжал идти.

– Тогда я ухожу!

– Уходи.

– Мать твою! – И Темпл снова поспешил вдогонку. Город все приближался и с каждым шагом становился все меньше и меньше похожим на нечто, за что стоило отдавать жизнь. – Что ты намерен делать? Ведь ты что-то думал?

– Ну, думал... чуть-чуть...

– Не слишком обнадеживающе.

– Я не ставлю перед собой цель обнадеживать тебя.

– Тогда ты охренительно хороший проводник.

Они прошли под аркой, сбитой из грубо обтесанных брусев. Над головой скрипела доска с надписью: «Эверсток». Двинулись дальше, обходя самые заболоченные куски залитой грязью главной улицы, между сильно покосившимися домишками, одноэтажными, сбитыми из корявых сосновых досок.

– Господи, какой нищий городок... – бормотал под нос Суфин.

– Напоминает мне родину, – прошептал Темпл.

Она тоже не отличалась роскошью. Выжженный солнцем пригород Дагоски, бурлящие трупобойни Стирии, заброшенные деревушки Ближней Страны. Всякая держава богата по-своему, бедны они все одинаково.

Женщина обдирала тушку, которая была то ли кроликом, то ли кошкой, и Темпл чувствовал, что ей на это наплевать. Пара полуголых детей самозабвенно колотили друг дружку деревянными мечами на улице. Длинноволосый старикан восседал на крыльце одного из немногих каменных зданий, а у стены стоял прислоненный меч, определенно не похожий на игрушку. Все они смотрели на Темпла и Суфина с мрачной подозрительностью. Несколько ставней захлопнулось со стуком, и сердце Темпла тревожно забилося. Когда залаяла собака, он чуть не обделался. Зловонный ветерок охлаждал выступающий на лбу пот. В голове роились мысли – не совершает ли он самый дурацкий поступок в жизни, граничащий с идиотизмом. В конце концов он решил, что сегодняшний день пока что в верхней части списка, но, чтобы перебраться на первое место, потребуется немного времени.

Блистательным сердцем Эверстока мог считаться сарай с пивной кружкой на вывеске выше входа и разношерстными посетителями. Пара из них походила на фермера с сыном – оба мосластые и рыжие, у парня – сумка через плечо. Сидя за столом, они поглощали скудную пищу, весьма несвежую на первый взгляд. Грустный типчик, увешанный потертыми лентами, сгорбился над кружкой. Темпл принял его за странствующего певца и надеялся, что тот предпочитает печальные баллады, поскольку одним своим видом вызывал слезы. Женщина копошилась над огнем в почерневшем очаге и кинула косой взгляд на вошедшего законника.

На барной стойке – корявая доска со свежей трещиной вдоль – выделялось замытое пятно, подозрительно похожее на кровь. Позади нее хозяин заведения тщательно протирал кружки тряпичной.

– Еще не поздно, – прошептал Темпл. – Можем через силу проглотить по кружечке той мочи, что здесь продается, а потом улизнем и никакого вреда.

– Пока сюда не ворвется оставшаяся часть Роты.

– Я имел в виду – вреда нам...

Но Суфин уже подошел к стойке, оставив Темпла пробормотать проклятие на пороге, прежде чем последовать за ним.

– Чего желаете? – спросил трактирщик.

– Около четырехсот наемников окружили ваш городок и собираются атаковать, – сказал Суфин, и надежды Темпла избежать неприятностей разлетелись вдребезги.

Повисла томительная тишина. Более чем томительная.

– У меня была не самая лучшая неделя, – проворчал трактирщик. – И у меня нет настроения шутить.

– Если бы мы намеревались вас развеселить, то придумали бы что-то более удачное, – в тон ему отозвался Темпл.

– Здесь Рота Щедрой Руки во главе с отвратительным наемником Никомо Коской. Их наняла инквизиция, чтобы искоренить мятеж в Ближней Стране. Если вы не будете с ними сотрудничать целиком и полностью, то ваша плохая неделя станет намного хуже.

Теперь трактирщик прислушался к ним. Да и все люди в зале прислушивались к ним, не собираясь отвлекаться. Хорошо ли находиться вот так на виду, Темпл не брался судить. Во всяком случае, не мог припомнить последнего раза.

– А если в городе есть повстанцы? – Фермер привалился к стойке рядом с ними и медленно закатал рукав.

Вдоль жилистого предплечья шла татуировка. Свобода, равенство, правосудие. Вот он – бич могущественного Союза, коварный враг Лорсена, ужасный бунтовщик во плоти. Темпл посмотрел ему в глаза. Если это и олицетворение зла, то зла изрядно замученного.

– Тогда у них, – сказал Суфин, тщательно подбирая слова, – есть чуть меньше часа, чтобы сдаться и уберечь горожан от кровопролития.

В улыбке костлявого отсутствовали несколько зубов и какая бы то ни было радость.

– Могу отвести вас к Шилу. Пусть решает – верить вам или нет.

Сам же он, похоже, не верил ни единому слову. И даже не собирался верить.

– Тогда води нас к Шилу, – кивнул Суфин. – Отлично!

– Что? – охнул Темпл.

Теперь предчувствие беды пыталось его удушить. Или вонь изо рта мятежника? Вот уж точно – дыхание зла, по-другому не скажешь.

– Вам придется оставить оружие, – распорядился костлявый.

– При всем моем уважении, – начал Темпл, – я не думаю...

– Сдай оружие! – Он удивился, когда увидел, что женщина, возившаяся у очага, целится в него из арбалета.

– Я согласен, – прохрипел он, снимая нож с пояса двумя пальцами. – Один и очень маленький.

– Размер не важен, – ответил мятежник, выхватывая оружие из руки Темпла. – Важно, как всунуть.

Суфин расстегнул перевязь и отдал мечи.

– Ну, что, пойдём? Только советую не делать резких движений.

– Я всегда их избегаю, – стряпчий показал пустые ладони.

– Насколько мне помнится, одно из них ты сделал, когда пошел со мной, – заметил Суфин.

– О чем теперь весьма сожалею.

– Заткнись!

Тощий бунтовщик проводил их до двери. Женщина следовала позади на безопасном расстоянии, не опуская арбалет. На внутренней части ее запястья Темпл заметил синий цвет татуировки. Парнишка замыкал шествие, припадая на ногу в лубке и прижав к груди сумку. Если бы не смертельная опасность, их процессия могла бы показаться до чертиков смешной. Но Темпл всегда полагал, что угроза для жизни – лучшее средство против комедии.

Оказалось, что лохматый старик, наблюдавший за их прибытием в город, – какими безмятежными сейчас казались те мгновения! – и есть Шил. Он напряженно выпрямился, бездумно отмахнулся от мухи, а потом, еще более напряженный, потянулся за мечом. И только после этого шагнул от крыльца.

– Что случилось, Дэнард? – спросил он голосом с влажной хрипотцой.

– Мы поймали этих двоих на постоялом дворе.

– Поймали? – удивился Темпл. – Мы пришли и сказали...

– Заткнись, – буркнул Дэнард.

– Сам заткнись, – огрызнулся Суфин.

Шил издал странный звук – то ли кашель, то ли отрыжка, а потом с натугой сглотнул.

– Давайте поглядим, не найдем ли мы разумную середину между молчанием и пустой болтовней. Я – Шил. Я говорю от лица всех повстанцев в округе.

– Всех четверых? – прищурился Темпл.

– Было больше, – мятежник казался скорее печальным, чем сердитым, выжатым до капли и – оставалось надеяться – готовым сдаться.

– Меня зовут Суфин. Я пришел, чтобы вас предупредить...

– Наверное, мы окружены, – издевательски произнес Дэнард. – Сдайтесь инквизиции, и Эверсток проживет еще один день.

– Признай, что это довольно неправдоподобная история, – Шил вперил серые водянистые глаза в Темпла.

Какое имело значение – легкий или тяжелый путь они выбрали, чтобы оказаться здесь, если выйти могли лишь одним способом – убедить этого человека в своей правоте. Темпл напустил на лицо самое серьезное выражение. Именно так он убедил Кадью, что больше не будет воровать, жену – что все будет хорошо, а Коску – что ему можно доверять. Разве ему не поверили?

– Мой друг говорит правду, – медленно, тщательно подбирая слова, будто они беседовали наедине, проговорил стряпчий. – Пойдемте с нами, и мы можем спасти не одну жизнь.

– Врет он, – костлявый ткнул Темпла под ребра наверху меча Суфина. – Там никого нет.

– Зачем нам приходить, чтобы врать? – Темпл сделал вид, что не заметил грубости, и не отрывал взгляда от лица старика. – Какая нам выгода?

– А зачем вы пришли?

Законник замешкался на миг. А почему бы не сказать правду? Это, по крайней мере, необычно.

– Нас тошнило от мысли, что здесь произойдет.

– Ха! – Кажется, он чего-то достиг. Рука Шила покинула рукоять меча. Еще не победа, до нее долгий путь, но первый шаг. – Если ты говоришь правду и мы сдадимся, что будет дальше?

Излишняя искренность – ошибка. Темпл всегда придерживался этого правила.

– Жителей Эверстока пощадят. Я обещаю.

Старик вновь откашлялся. О, Боже, у него, по всему выходило, развивалась чахотка. Но мог ли он поверить? Сработала ли уловка Темпла? Неужели они сумеют не только выжить сами, но и спасти чьи-то жизни? И окажется, что он совершил поступок, который мог бы похвалить Кадия. Эта мысль заставила Темпла на мгновение ощутить прилив гордости. Он отважился улыбнуться. Когда он в последний раз ощущал гордость? Да и ощущал ли когда-либо?

Шил открыл рот, чтобы заговорить, согласиться, признать... Но замер, нахмурившись, глядя через плечо Темпла.

Ветер донес отдаленный звук. Топот. Копыта коней. Темпл оглянулся и увидел наездника, мчащегося на полном галопе по заросшему густой травой склону долины. Шил тоже видел его, и лоб старика сморщился от удивления. За первым появилась еще целая толпа всадников, которая скатывалась по склону подобно потоку.

– О, нет... – пробормотал Темпл.

– Темпл! – зашипел Суфин.

– Ах, вы подонки! – Шил выпучил глаза.

– Это не то... – поднял ладони законник.

Он услышал звук, похожий на хрюканье, и когда обернулся сказать Суфину, то увидел, что его приятель и Дэнард, рыча, обхватили друг друга. Открыв рот, он смотрел на них.

Им обещали дать час времени.

Шил неловко потянул меч из заскрипевших ножен, но замахнуться не успел – Темпл перехватил его руку и боднул в лицо.

Бездумно. Просто сделал и все.

Мир завертелся. Хриплое дыхание Шила обжигало щеку. Они боролись и дергались, кулак врезался в скулу Темпла. В ушах зазвенело. Он снова ударил головой. Услышал, как хрустнул нос противника. Внезапно Шил отпрянул. Суфин стоял рядом с ними с мечом в руках и выглядел удивленным, что все так вышло.

Темпл помедлил мгновение, пытаясь сообразить, куда они вляпались. И главное, как теперь выбираться.

Щелкнул арбалет, с тихим шелестом пролетел болт.

Дэнард попытался подняться, рыча:

– Мать вашу...

Голова его раскололась.

Кровь брызнула на лицо Темпла. Шил выхватил нож, но Суфин ударил его мечом. Клинок вошел в бок старику, который хрипло каркнул с перекошенным лицом и попытался зажать рану. Кровь струилась у него между пальцев.

Мятежник что-то бормотал, но Темпл не разбирал слов, а потом снова поднял нож. Меч вонзился Шилу чуть выше глаза.

– Ох! – только и сказал он, когда кровь хлынула из глубокой раны, заливая лицо и орошая грязь. – Ох...

Шил повалился на бок, ударился о крыльцо, перекатился на спину, выгнулся и заскреб рукой по земле.

– А мы хотели спасти людей, – смущенно пробормотал Суфин, глядя на умирающего.

Из рта разведчика хлынула кровь. Он упал на колени. Меч выскользнул из безвольной ладони.

– Что с тобой? – Темпл кинулся к другу и увидел черенок ножа – того самого, который он отдал Дэнард, – торчащий у него между ребер.

Рубаха Суфина чернела на глазах. Маленький нож, если сравнивать его с другими. Но он сделал свое дело не хуже, чем любой большой.

Собака продолжала лаять. Суфин рухнул лицом вниз. Женщина с арбалетом куда-то подевалась. Может быть, она спряталась и перезаряжала оружие, готовясь снова стрелять?

Наверное, Темплу следовало удирать. Но он не двигался.

Топот копыт приближался. Кровь расплывалась в грязной луже вокруг разрубленной головы Шида. Медленно отступающий парень перешел на ковыляющий бег, подволакивая хромоногу. Темпл просто смотрел ему вслед.

Из-за постоянного двора вылетел Джубаир с занесенным мечом на огромном коне. Мальчишка-бунтовщик в отчаянии попытался броситься назад, но успел сделать всего один шаг, когда клинок ударил его в плечо, отбрасывая на улицу. Джубаир, что-то выкрикивая, помчался дальше. За ним еще всадники. Люди разбегались, кричали. От грохота копыт помрачелся рассудок.

Им обещали дать час времени.

Темпл опустился на колени рядом с Суфином, наклонился, чтобы осмотреть его рану – может, нужно перевязать или еще что-то сделать из того, чему когда-то обучал его Кадия. Но едва лишь взглянул в лицо друга, понял – он мертв.

Наемники врывались в город, завывая, как стая собак, размахивая оружием, словно выигрывающими картами. Потянуло дымом.

Темпл поднял меч Шида – зазубренное лезвие покрывала кровь – и пошел к парню-бунтовщику. Тот отползал к постоянному двору, одна рука висела плетью. Он видел Темпла и всхлипывал, зарываясь пальцами здоровой руки глубоко в навоз. Сумка его открылась, и в грязь посыпались серебряные монеты.

– Помоги мне, – молил мятежник. – Помоги мне!

– Нет.

– Они убьют меня! Они...

– Заткни свою сраную пасть! – Темпл ткнул его в спину мечом. Мальчишка охнул и сжался. Но чем несчастнее он казался, тем стряпчему сильнее хотелось вонзить в него меч. Удивительно, но это так легко. Настолько легко убить человека. Эти мысли, похоже, отразились у него на лице, поскольку парень скривился и занял еще жалостливее.

Темпл снова ткнул его мечом.

– Заткнись, мудозвон! Закрой пасть!

– Темпл! – Рядом возник Коска на высоком сером скакуне. – Ты цел? Ты весь в крови.

Законник осмотрел себя и убедился, что рукав его рубахи порван, по локтю стекает кровь. Но он не помнил, как это произошло.

– Суфина убили...

– Почему несправедливая Судьба всегда забирает лучших из нас?..

И тут внимание Коски привлекли рассыпанные в грязи деньги. Он протянул руку Балагуру, и сержант помог Старiku спуститься с позолоченного седла. Наклонившись, Коска поднял монету двумя пальцами, нетерпеливо смахнул налипший навоз и озарился яркой улыбкой, на которую был способен лишь он. Лицо его прямо излучало благодушие и доброту.

– Да... – донесся до ушей Темпла шепот генерала.

Балагур сорвал сумку с плеча мальчишки и рывком раскрыл ее. Негромкий звон как бы намекал на изрядное количество монет внутри.

Бум! Бум! Бум! Несколько наемников пинали двери трактира. Один отпрыгнул подальше, ругаясь на чем свет стоит и стаскивая грязный сапог с отбитых пальцев.

– Откуда эти деньги? – Коска присел на корточки.

– Мы ходили в набег... – пробормотал мятежник. – Все пошло наперекосяк...

С оглушительным треском дверь трактира сдалась, и победители радостной рекой потекли в проем.

– Наперекосяк?

– Нас вернулось всего лишь четверо. Потому у нас осталось две дюжины коней свободными. Мы решили их продать, и человек по имени Грегa Кантлисс купил их у нас в Грейере.

– Кантлисс? – Ставни разлетелись в щепки, и через окно из трактира вылетел стул, приземлившись неподалеку от беседующих. Балагур нахмурился, глядя на зияющий проем, но Коска и бровью не повел, будто в мире остались только он, парень и монеты. – А кто такой этот Кантлисс? Бунтовщик?

– Нет. Он красиво одевается. А еще с ним был какой-то северянин с дикими глазами. За лошадей они заплатили этими монетами.

– А где он их взял?

– Он не сказал...

Коска приподнял рукав на безвольной руке мальчишки, открыв татуировку.

– Но он точно не из ваших, не бунтовщик?

Парень покачал головой.

– Этот ответ не осчастливит инквизитора Лорсена.

Коска едва заметно кивнул. Балагур взял мятежника за шею. Проклятая собака продолжала лаять. Гав, гав, гав... Темпл страстно желал, чтобы кто-нибудь заткнул ее. На противоположной стороне улицы трое кантиков избивали мужчину на глазах у двоих детей.

– Мы должны остановить их... – пробормотал он.

Но сил оставалось только на то, чтобы усесться прямо на обочине.

– Как? – Коска набрал полную горсть монет и перебирал их. – Я же генерал-капитан, а не Бог. Многие генералы прокололись в подобных обстоятельствах, но я-то излечился давным-давно, поверь мне. – Из соседнего дома вытащили за волосы голосащую женщину. – Парни разъярены. Это как наводнение – безопаснее дать потоку схлынуть, чем воздвигать плотину на его пути. Если они не найдут путь для выхода своего гнева, то могут обрушить его куда угодно. Даже на меня... – Коска кряхтел, пока Балагур помогал ему встать на ноги. – И вряд ли все это происходит из-за моей оплошности, не правда ли?

Голова Темпла готова была лопнуть. Он ощущал такую усталость, что едва мог пошевелиться.

– Из-за моей?

– Я знаю, ты хотел как лучше. – Огонь уже жадно облизывал карниз постоянного двора. – Но так обычно и бывает с благими намерениями. Надеюсь, из сегодняшних событий все извле-

кут урок. – Коска вытащил флягу и начал откручивать крышку. – Я потакаю тебе. Ты потакешь... – Он хорошенько отхлебнул.

– Вы опять пьете?

– Ты слишком много суетишься. Глоток еще никому не повредил. – Опустошив флягу до последней капли, Коска бросил ее Балагуру, чтобы тот вновь ее наполнил. – Инквизитор Лорсен! Как я рад, что вы наконец-то к нам присоединились!

– Вы отвечаете за весь этот разгром! – воскликнул Лорсен, решительно осадив коня посреди улицы.

– И далеко не первый... – согласился Старик. – Я обречен вечно жить с этим позором.

– Мне кажется, шутки сейчас неуместны!

– Мой прежний командир, – усмехнулся Коска, – Сэзайн, однажды заметил, что нужно смеяться при каждом удобном случае, пока вы живы, а то потом не получится. На войне всякое случается. У меня есть ощущение, что вышла путаница с сигналами. Сколь тщательно вы ни планируете сражение, всегда возникают непредвиденные обстоятельства. – Будто иллюстрируя его тезис, вдоль улицы проскакал наемник-гурк, наряженный в расшитую ленточками куртку певца. – Но этот мальчик успел нам кое-что рассказать перед смертью. – На ладони Коски, затянутой в перчатку, блеснуло серебро. – Имперские монеты. Дал их бунтовщикам человек по имени...

– Грегга Кантлисс, – вставил Балагур.

– Это произошло в как его... Грейере.

– Так говорите Империя снабжает бунтовщиков деньгами? – нахмурился Лорсен. – Наставник Пайк ясно сказал – избегать любых сложностей с Империей.

– Видите этот профиль? – Коска поднял монету повыше. – Император Остус Второй. Он умер приблизительно тысяча четыреста лет назад.

– Я не знал, что вы настолько увлекаетесь историей.

– Я увлекаюсь деньгами. Это старинные монеты. Возможно, бунтовщики раскопали могильник. Великих людей древности зачастую хоронили вместе с их богатством.

– Великие люди древности нас не касаются, – отрезал Лорсен. – Мы разыскиваем нынешних бунтовщиков.

Парочка наемников, уроженцев Союза, орали на человека, стоящего на коленях. Выясняли, где спрятал деньги. Один бил его доской от разбитой двери. По лицу допрашиваемого текла кровь. Его снова спросили. И снова ударили. И еще, и еще, и еще...

Суорбрек, биограф, наблюдал за избиением, зажав ладонью рот.

– Да что ж это... – шептал он сквозь пальцы.

– Как и все в этом мире, восстание требует денежных затрат, – пояснял Коска. – Еда, одежда, оружие. Фанатики нуждаются в этом точь-в-точь как остальные люди. Ну, чуть поменьше, если учесть служение высоким идеалам, которые питают их, и тем не менее. Пойдем по следу денег, выйдем на предводителей. Ведь все равно Грейер имеется в списке Наставника Пайка, так ведь? И вполне возможно, Кантлисс выведет нас на этого вашего... Котнуса.

– Контуса, – приободрился инквизитор.

– А кроме того, – Коска широким взмахом меча указал на мертвых бунтовщиков, едва не сбив при этом очки с носа Суорбрека. – Я как-то сомневаюсь, что мы сможем получить свидетельские показания у этих троих. Жизнь редко дает нам удобные пути. Обычно приходится прогибаться под обстоятельства.

– Замечательно! – с отвращением хрюкнул Лорсен. – Тогда последуем за деньгами. – Он развернул коня и приказал одному из экзекуторов: – Осмотри трупы, найди татуировки и, черт побери, найди мне хотя бы одного живого мятежника!

В трех домах ниже по улице человек забрался на крышу и ломал дымоход, пока его товарищи толклись у дверей.

Тем временем Коска обратился к Суорбреку:

– Я разделяю ваше отвращение ко всему происходящему, поверьте. Я непосредственно наблюдал сожжение некоторых из самых древних и красивых городов мира. О, если бы вы видели Оприл в огне, он освещал небо на мили! А это – вряд ли вежа на жизненном пути.

Джубаир сложил несколько трупов в ряд и равнодушно отсекал им головы. Хрясь, хрясь, хрясь – падал его тяжелый меч. Двое из его людей разломали арку на въезде в город и острили концы деревяшек. Одну из них уже воткнули в землю – на ней красовалась голова Шила, странно надувшего губы.

– Да что же это... – снова шептал Суорбрек.

– Отрубленные головы, – пояснил Коска, – всегда пользуются успехом. Если использовать их вдумчиво и с художественным вкусом, могут повлиять на успех задуманного гораздо больше, чем те, что все еще на плечах. Прошу обратить внимание. А почему вы не записываете?

Из горящего дома выбралась старуха с перепачканным сажей лицом. Несколько наемников, собравшись в кружок, принялись толкать ее туда-сюда.

– Какое отребье, – с горечью пожаловался Лорсен одному из своих экзекуторов. – При надлежащем управлении эта земля могла бы стать процветающей. С надлежащим управлением, новейшими методами сельского хозяйства и лесоводства. В Миддерланде есть молотилка, оборудованная машиной, которая за день с одним человеком может сделать работу, на которую раньше дюжине крестьян требовалась неделя.

– А чем занимаются оставшиеся одиннадцать? – спросил Темпл, чувствуя, что его рот живет отдельной жизнью.

– Ищут другую работу, – прорычал экзекутор.

Позади него поднялась новая голова на палке. Обрамленная длинными волосами. Темпл не признал лица. Ограбленный дом теперь весело похлывал, выбрасывая языки пламени. В воздухе висело марево. Наемники отошли подальше от жара, позволив старухе уползти.

– Ищут другую работу, – пробормотал Темпл.

Коска толкнул Брачио локтем и прокричал в ухо капитану:

– Собирай своих людей! Мы едем на северо-восток в Грейер искать Грегу Кантлисса.

– Чтобы их успокоить, нужно время.

– Даю один час. А потом я прикажу сержанту Балагуру принести отставших по кусочкам. Дисциплина, Суорбрек, жизненно важна для армии!

Темпл закрыл глаза. Боже, какой смрад. Дым и кровь, ярость и дым. Хотелось пить. Он хотел попросить флягу у Суфина, но увидел его труп, лежащий в грязи в трех шагах. Целеустремленный человек должен делать твердый выбор и отвечать за последствия.

– Мы привели твою лошадь, – сказал Коска, как если бы это должно было восполнить хотя бы часть потерь дня сегодняшнего. – Хочешь знать мой совет? Оставь эти события за спиной как можно быстрее.

– Как мне забыть это?

– О, это слишком сложный вопрос. Вся хитрость заключается в том, чтобы научиться... – Коска осторожно отшагнул назад, поскольку мимо с криками пронесся стириец, волоча привязанный к седлу труп. – Отстраняться.

– Мне надо похоронить Суфина.

– Да, думаю, ты прав. Но поскорее. Пока еще день, и нам не стоит терять время. Джубаир! Закругляйся! – Старик пошел через улицу, размахивая мечом. – Сожги все, что еще может гореть, и собираемся! Мы идем на восток!

Когда Темпл обернулся, Балагур молча протянул ему лопату. Собака наконец-то прекратила лаять. Широкоплечий северянин, татуированный зверь откуда-то из-под Крины, насадил ее голову на копье, установив рядом с головами мятежников, и теперь тыкал пальцем, хихикая.

Взявши Суфина за руки, Темпл закинул его себе на плечо, а потом перегрузил на седло напуганной лошади. Нелегкая задача, но проще, чем он предполагал. При жизни Суфин казался крупнее из-за разговоров, движения, смеха. Покойником он почти ничего не весил.

– Ты в порядке? – Берми тронул его за плечо.

От его сочувствия Темплу захотелось плакать.

– Я не пострадал. А вот Суфина убили.

Вот вам и благодарность.

Два северянина разбили комод и дрались за найденную одежду, разбрасывая обрывки ткани по грязной улице. Татуированный наемник привязал палку ниже собачьей головы и старательно пристраивал на нее дорожную рубашку со щегольским жабо, при этом производя впечатление вдохновенного художника.

– Ты уверен, что в порядке? – крикнул Берми с середины замусоренной улицы.

– Лучше всех!

Темпл вывел коня за город, а потом сошел с дороги – две колеи в непролазной грязи. Подальше от лающих выкриков, от пожаров, от людей, неохотно собирающихся уезжать. Шум позади затихал, пока не сменился журчанием бегущей воды. Он шел по берегу вверх по течению, пока не обнаружил вполне подходящую полянку между двумя деревьями, чьи ветви нависали над рекой. Снял тело Суфина и уложил его лицом вверх.

– Прости, – сказал он, бросая лопату в воду, и забрался в седло.

Суфину теперь все равно, где он лежит и как. Если Бог есть, то он сейчас у него и, вполне возможно, выясняет, почему же в мире так дерьмово с правдой. Северо-восток, сказал Коска. Темпл повернул коня на запад, а потом ударил бока пятками и поскакал прочь, как можно дальше от жирного занавеса дыма, вздымающегося над руинами Эверстока.

Подальше от Роты Щедрой Руки. Подальше от Димбика, от Брацио, от Джубаира. Подальше от инквизитора Лорсена и его праведной миссии.

Никакой цели он не преследовал. Куда угодно, лишь бы не с Никомо Коской.

Новая жизнь

– Вот это и есть Братство! – провозгласил Свит, упираясь пальцами в переднюю луку.

Фургоны растянулись почти на милю вдоль речной долины. Тридцать или даже больше, покрытые грязной парусиной или, напротив, раскрашенные в кричащие цвета – ярко-оранжевые и пурпурные пятна резко бросались в глаза на фоне запыленной бурой местности. Точки пеших поселенцев рядом, всадники впереди. В хвосте плелись животные – лошади, запасные волы, довольно большое стадо коров, а прямо за ними следовало разрастающееся облако пыли, которую ветерок уносил в небесную синеву, чтобы возвестить всему миру о появлении Братства.

– Вы только посмотрите! – Лиф выслаз коня вперед и привстал на стремянах с широкой улыбкой на лице. – Вы видите?!

Шай раньше не замечала, чтобы он улыбался. Веселый, он стал выглядеть моложе. Скорее, мальчик, чем мужчина. Помимо воли ее губы тоже растянулись.

– Да вижу я, – отозвалась она.

– Целый город на колесах!

– И правда, это настоящий срез общества, – пояснил Свит, устраивая старую задницу в седле. – Кто-то честный, а кто-то ушлый. Есть богатые, а есть бедняки. Некоторые умные, а некоторые очень даже наоборот. Отряд первопроходцев. Имеются и пастухи, и земледельцы. Немного торговцев. Полный набор для новой жизни там, за горизонтом. У нас даже есть Первый Маг.

– Что? – обернулся Лэмб.

– Известный актер. Иосиф Лестек. Вроде бы его Байаз очаровывал толпы в Адуе. – Свит скрипуче хихикнул. – Где-то сотню проклятых лет назад. Он надеется, как я слышал, принести театральное искусство в Дальнюю Страну, но, между вами, мной и половиной Союза говоря, его мастерство находится на спаде.

– Байаз уже неубедительный, да?

– У него даже Иосиф Лестек получается неубедительно. – Свит пожал плечами. – Но что я понимаю в лицедействе?

– Ну, твой Даб Свит более чем убедителен.

– Поехали туда! – воскликнул Лиф. – Посмотрим поближе!

Поближе к обозу романтика развеялась. Но не так ли бывает в любом деле? Живые тела людей и животных производили огромное количество отходов, и вряд ли нашелся бы желающий нюхать их без веской на то причины. Другие, гораздо менее обаятельные животные – по большей части, собаки и мухи, хотя и вши, конечно, тоже – не слишком бросались в глаза, но, как только вы оказывались поблизости, набрасывались с удвоенными усилиями. Шай задалась вопросом – не было ли Братство отважной, но безрассудной попыткой привнести худшие из пороков городского образа жизни в неиспорченную дикую местность.

Должно быть, ощущая то же самое, несколько старейшин Братства отъехали от остальных шагов на пятьдесят, предварительно захватив немного выпивки, и, прокладывая курс, ломали головы над широкой картой.

– Бросьте эти потуги, пока не покалечились! – воскликнул Свит, приближаясь. – Я вернулся, а вы сейчас на три долины южнее нужного направления.

– Всего лишь на три? Это лучше, чем я смел надеяться! – подошел к ним высокий жилистый кантик с лысым, как коленка, черепом совершенной формы, осторожно поглядывая на Шай, Лэмба и Лифа. – Перед нами новые друзья?

– Это – Лэмб, его дочь – Шай. – Она не потрудилась поправить его за мелкую неточность. – Имя этого парня, должен признаться, в настоящее время выветрилось из моей головы...

– Лиф.

– Точно! А перед вами мой работодатель, – Свит произнес это слово так, будто само его существование вызывало судороги вследствие несвободы. – Нераскаявшийся разбойник по имени Абрам Маджуд.

– Счастлив познакомиться, – Маджуд продемонстрировал неизбывную радость и золотой зуб, кланяясь каждому по очереди. – И уверяю вас, я раскаиваюсь ежедневно с той поры, как сколотил Братство. – Его темные глаза устремились вдаль, как бы оглядываясь на пройденные мили. – Там, в Келне, вместе с моим партнером Карнсбигом. Жесткий человек, но мудрый. Он, между прочим, изобрел перевозную кузню. Я везу ее в Криз, чтобы основать там прибыльное дело по металлообработке. А можно еще застолбить в горах какой-нибудь участок и добывать руду.

– Золотую? – поинтересовалась Шай.

– Железную или медную, – Маджуд понизил голос и наклонился поближе. – По моему скромному убеждению, только дураки верят, что можно разбогатеть, добывая золото. Вы трое хотите присоединиться к нашему Братству?

– Именно, – ответила Шай. – У нас в Кризе есть кое-какие дела.

– Весьма рад! Стоимость проезда составит...

– Лэмб – весьма серьезный боец, – встрял Свит.

Маджуд помолчал немного, кривя губы.

– Не обижайтесь, но он выглядит слегка... староватым.

– Не берусь это оспорить, – сказал северянин.

– Я сам тоскую по былой поре расцвета, – добавил Свит. – Ты тоже не ребенок, раз уж речь зашла об этом. Если ты ищешь молодежь, то вот этот парень тебе подходит.

Лиф, похоже, еще меньше впечатлил Маджуда.

– Я ищу золотую середину.

– Ладно! – фыркнул разведчик. – Но здесь ты ее не найдешь! У нас не хватает настоящих бойцов. С духолюдами, помешанными на крови, не время перебирать. Поверь мне, старина Санджид не станет с тобой торговаться. Или Лэмб с нами, или я тоже уйду. Можешь тогда искать дорогу сам, пока твои фургоны не рассыплются от старости.

Маджуд вперился в Лэмба, северянин ответил твердым взглядом. Казалось, смущение он оставил в Сквордиле. Через несколько мгновений кантик увидел то, что хотел.

– Мастер Лэмб едет бесплатно. Плата за проезд оставшихся двоих...

Свит почесал затылок.

– Я заключил сделку с Шай. Все трое едут бесплатно.

– Похоже, она торгуется лучше, чем ты. – В глазах Маджуда промелькнуло что-то похожее на уважение.

– Я же разведчик, а не лавочник.

– Вполне возможно. Но тогда следует оставить право заключать сделки тем, кто умеет.

– Но судя по всему, я торгуюсь лучше, чем ты прокладываешь путь.

– Понятия не имею, как я все объясню своему партнеру Карнсбику. – Он отошел, грозя пальцем. – Карнсбик – не тот человек, чтобы шутить с расходами!

– Дьявольщина, – прошипел Свит. – Нет, вы слышали подобную чушь? Можно подумать, мы отправляемся на прогулку с девицами.

– Похоже, так оно и есть, – заметила Шай.

Мимо прогрохотал один из самых разукрашенных фургонов – ярко-алый с позолоченными креплениями. На козлах сидели две женщины. Одна, одетая, как самая настоящая

шлюха, придерживала рукой шляпу. На ее чересчур размалеванном лице застыла, будто приклеенная, улыбка, символизируя, по всей видимости, доступность за соответствующую плату, несмотря на походные условия. Наряд второй больше подходил для путешествия, да и с вожжами она управлялась, как опытный возчик. Между ними сидел мужчина в куртке, которая вызывающей расцветкой не уступала фургону, бородатый и суровый. Шай решила для себя, что это – сутенер. Во всяком случае, вид у него был самый что ни на есть сутенерский. Она наклонилась и сплюнула через щель между зубами.

Сама мысль о том, чтобы заниматься любовью в трясущемся фургоне, наполовину наполненном грохочущими кастрюлями и всяким прочим барахлом, гасила огонь страсти в Шай. Хотя эти угольки горели так давно, что не оставалось сомнений – они истлели. Тяжелая работа на ферме с двумя детьми и двумя стариками убивает любую романтику.

Свит поклонился женщинам, прикоснулся к краю шляпы и шепотом заметил:

– Дьявольщина, это совсем не то, что я предполагал. Женщины, наряды, плуги и передвижные кузницы, а кто знает, что за ужас появится в следующий раз? А ведь я помню время, когда здесь ничего подобного не было – только небо и земля, звери и духолуды и ширь необжитых мест, где можно дышать полной грудью. Мне случалось проводить по двенадцать месяцев в обществе одного лишь коня.

– Никогда в жизни не ощущала такую вину перед своей лошадкой, – Шай снова сплюнула. – Вы как хотите, а я прогуляюсь вокруг лагеря, поприветствую Братство. Заодно узнаю, не слышал ли кто про похищенных детей.

– Или про Грегу Кантлисса, – Лэмб сердито нахмурился, произнося это имя.

– Ладно, – согласился Свит. – Только поосторожнее там, слышишь?

– Я могу о себе позаботиться.

Потасканное лицо старого разведчика сморщилось от смеха.

– Вообще-то я переживал за остальных.

Ближайший фургон принадлежал человеку по имени Джентили, древнему стирийцу, который путешествовал с четырьмя кузенами, называя их мальчиками, хотя на вид он казались ненамного моложе его, но это было единственным, что было между ними общего. Джентили упрямо мечтал выкопать новую жизнь в горах, показывая себя неизлечимым мечтателем – ведь он с трудом держался на ногах на ровном месте, не говоря уже о ледяных потоках, доходящих до груди. Он ничего не слышал об украденных детях. Шай подозревала, что он и ее вопрос-то не расслышал. На прощание он предложил ей войти в новую жизнь рука об руку с ним на правах пятой жены. Она вежливо отказалась.

Лорд Ингелстед переживал, по всей видимости, полосу невезения. Когда он произнес это слово, леди Ингелстед – женщина, не рожденная для невезения, но решительно настроенная расправиться с ним, невзирая ни на что, – хмуро глянула на него, как если бы ощутила внезапно, что столкнулась в жизни еще с одним невезением, а именно: с замужеством. На взгляд Шай, причиной его невезения стали азартные игры и долги, но, поскольку ее собственный жизненный путь не отличался праведностью, она воздержалась от осуждения и предоставила лорда его невезению. О разбойниках, похищающих детей, как, впрочем, и об очень многом, он тоже был не осведомлен. На прощание пригласил Шай и Лэмба перекинуться в картишки нынче вечером. Пообещал игру с маленькими ставками, хотя, по опыту Шай, с этого обычно и начиналось, и для того, чтобы умножить число неприятностей, ставкам совершенно не обязательно сильно уж расти. Она вежливо отказалась, намекнув при этом, что человек, испытавший столько невезения в жизни, не должен стремиться приумножать его. Он воспринял совет с просветленным лицом и тут же пригласил поиграть Джентили и его мальчиков. Леди Ингел-

стед выглядела так, будто готовилась загрызть насмерть всех этих бездельников, как только они приблизятся на расстояние вытянутой руки.

Следующим оказался, пожалуй, самый большой в Братстве фургон с застекленным окошком и надписью «Знаменитый Иосиф Лестек» на облупившейся фиолетовой краске. По мнению Шай, если человек достаточно известен, то ему нет необходимости писать свое имя на стенке фургона, но поскольку ее собственная известность ограничивалась приказами об аресте, то она не стала высказывать мысли вслух.

Лохматый парень держал в руках вожжи, а великий актер восседал рядом с ним – старый, изможденный и какой-то блеклый, закутанный в поношенное одеяло духолюдов. Внимание подъехавших Шай и Лэмба придало новые силы его хвастовству.

– Я... Иосиф Лестек. – Поразительно, но из сморщенного дельца раздался голос властителя душ, богатый, глубокий и густой, как сливовый соус. – Осмелюсь заметить, что имя это широко известно.

– К сожалению, – сказал Лэмб. – Нам не слишком часто доводилось побывать в театре.

– Что занесло вас в Дальнюю Страну? – спросила Шай.

– Болезнь вынудила меня оставить подмостки во Дворце Драмы Адуи. Труппа, конечно, сокрушалась, что утратила великого актера. Да, весьма сокрушалась. Но теперь я полностью восстановился.

– Радостное известие.

Шай опасалась даже представить больного Иосифа, ведь он и сейчас напоминал ходячий труп, поднятый посредством колдовства.

– Я должен отправиться в Криз, чтобы взять на себя руководство культурным возрождением!

– Культурным? – Шай приподняла край шляпы, чтобы взглянуть на расстилающуюся впереди пустошь – серая трава, чахлый кустарник и опаленные солнцем бока бурых валунов, никаких признаков жизни за исключением нескольких ястребов, которые, в надежде на поживу, кружили в вышине. – Там?

– Даже самые черствые сердца жаждут чего-то возвышенного.

– Приму ваши слова на веру, – сказал Лэмб.

Лестек улыбался краснеющему небокраю, прижав к груди бледную, почти прозрачную ладонь. Он производил впечатление человека, которому для разговора не нужны собеседники.

– Мое самое лучшее представление еще впереди, я это точно знаю.

– Будем ждать с нетерпением, – проворчала Шай, разворачивая коня.

Кучка, состоявшая приблизительно из дюжины сулджиков, наблюдала за торговлей, которая происходила у полуистлевшего фургона. Они не говорили на всеобщем, а Шай с трудом могла понять хотя бы несколько слов на сулджикском. Поэтому они раскланялись и разошлись, загадочные друг для друга.

Гуркский священник Ашджид стремился стать первым, кто принесет слово Пророка на запад, в Криз. Ну, или на самом деле вторым, поскольку миссионер по имени Октаади сломался после трех месяцев пребывания там и был зарезан и освежеван духолюдами, когда возвращался домой. Ашджид серьезно взялся за распространение слова Божьего в Братстве и устраивал ежедневные проповеди, хотя новообращенным обзавелся пока одним – придурушным разносчиком чистой воды. У священнослужителя не нашлось никаких сведений о мире, выходящем за пределы Писания, но он попросил Божьего благословения на их поиски, и Шай искренне поблагодарила. Благословения лучше, чем проклятия, поэтому, возможно, когда-то на вспаханном ими поле взойдут ростки успеха.

Священник представил им сурового типа, хозяина исправного и чистого фургона, по имени Савиан. Он выглядел как человек, с которым лучше не шутить. Равно как и меч у него на боку, побывавший во многих переделках. А лицо с седой щетиной и прищуренные из-под шляпы глаза явно видели их еще больше.

– Я – Шай Соут, а это – Лэмб. – Савиан просто кивнул в ответ, принимая на веру слова, но не показывая никакого к ним отношения. – Я ищу брата и сестру. Им шесть и девять лет. – На этот раз он даже не кивнул, молчаливый ублюдок, без сомнения. – Их похитил человек по имени Грега Кантлисс.

– Не могу вам помочь, – ответил он с легким следом имперского выговора.

Все это время Савиан смотрел на нее, не отрываясь, будто оценивал, но не впечатлился и перевел взгляд на Лэмба. Оценил и тоже не пришел в восторг. Потом прижал кулак ко рту и надолго, хрипло раскашлялся.

– Звучит кашель не очень... – проговорила Шай.

– А он когда-то бывает хорошим?

Шай заметила арбалет, висевший на крючке у него под рукой. Незаряженный, но взведенный. Спусковой механизм зажат клинышком.

– Вы готовитесь к бою?

– Надеюсь, что не придется. – Хотя снаряжение красноречиво свидетельствовало, что надежды его редко сбывались.

– Только дурак надеется на бой, да?

– К сожалению, один или два всегда нас подстерегают поблизости.

– К сожалению, это правда, – фыркнул Лэмб.

– Чем думаете заниматься в Дальней Стране? – поинтересовалась Шай, рассчитывая хоть как-то расшевелить эту личность-деревяшку.

– Это мое дело... – Он снова закашлялся. Даже открывая рот, он почти не шевелился. Шай задумалась, а есть ли мышцы у него на лице?

– Мы могли бы попробовать работу старателей, – высунулась из фургона женщина.

Худая и мускулистая, с коротко подстриженными волосами и синими глазами, которые многое повидали.

– Я – Корлин.

– Моя племянница, – пояснил Савиан, но при этом они обменялись заговорщицкими взглядами, и Шай не могла понять, в чем дело.

– Старателей? – переспросила она, сдвигая шляпу на затылок. – Не так много женщин-старателей я знала.

– Хотите сказать, что женщина не может то же, что и мужчина? – спросила Корлин.

– Возможно, если она достаточно тупа и пытается попробовать, – приподняла бровь Шай.

– По-моему, ни один пол не может претендовать на излишнюю гордыню.

– По-моему, тоже, – ответила Шай, шепотом добавив: – Знала бы я, мать его так, что это значит... – И добавила, раскланиваясь и высылая вперед коня: – Увидимся еще в дороге.

Ни Корлин, ни ее дядя не ответили, но провожали их тяжелыми взглядами, будто состязались между собой, кто жестче.

– Подозрительные эти двое, – сказала она Лэмбу. – Не видела у них никакого старательского инструмента.

– Может, они хотят купить его в Кризе?

– И заплатить впятеро? Ты видел их глаза? Не думаю, что они часто давали себя обжулить.

– Ты прямо все насквозь видишь.

– Я пытаюсь разузнать побольше на тот случай, если со мной начнут играть в какие-то игры. Ты не думаешь, что они могут помешать?

– Я думаю, лучше относиться к людям так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе. И оставить за ними немного свободы. Мы все можем кому-то помешать тем или иным образом. У половины этой толпы наверняка есть в запасе грустная история. Иначе зачем тащиться к черту на рога через пустошь в подобном обществе?

Рейналь Бакхорм только и мог говорить о надеждах, хотя заикался при этом. Ему принадлежала половина коров в Братстве, на него работали несколько пастухов, и он пятый раз направлялся в Криз, где, по его же словам, всегда есть спрос на мясо. Но теперь захватил с собой жену и детей, намереваясь осесть. Посчитать его отпрысков было трудно, но казалось, что их очень много. Бакхорм спрашивал Лэмба, видел ли тот траву в Дальней Стране? Лучшая, черт побери, трава в Земном Круге! А вода? Тоже! Они стоили того, чтобы преодолеть непогоду, духолудов и убийственное расстояние. Когда Шай упомянула о Грее Кантлиссе, он покачал головой и сказал, что не подумал бы, как низко может пасть это отребье. Его жена, Лулайн Бакхорм, обладательница широчайшей улыбки, но такого крошечного тела, что не верилось, как она могла произвести на свет весь этот выводок, тоже покачала головой и сказала, что ужаснее известия она никогда не слышала, что она очень сожалеет и не могла ли она что-либо сделать для Шай, ну или хотя бы обнять, вот если бы не рослая лошадь... А потом вручила маленький пирожок и посоветовала поговорить с Хеджесом.

Хеджесом оказался скользкий тип на замученном муле с небольшим запасом инструментов и неприятной привычкой разговаривать, наклонив голову. Он никогда не слышал о Грее Кантлиссе, зато показал искаленную ногу и рассказал, что увечье он получил в сражении при Осрунге. Шай не поверила его истории, но мать советовала стараться разглядеть в людях лучшие черты. Хороший совет, пускай сама она не торопилась им пользоваться. Закончилось тем, что Шай угостила его пирожком Лулайн Бакхорм, а Хеджес посмотрел ей в глаза и сказал:

– А ты ничего...

– Не дай подаркам себя одурачить, – ответила она.

Когда они поехали дальше, хромой все еще стоял, глядя на пирожок в руке, будто он значил так много для него, что жалко было есть.

Шай объехала все Братство, пока не охрипла, задавая вопросы, а уши не разболелись выслушивать ответы и жалобы. Она поняла, что Братство – хорошее название для этого сборища, незлобивого и дружелюбного по большей части. Зеленые новички, странные и порой недалекие, но все они твердо верили в лучшее завтра. Даже Шай, ожесточенная заботами, усталостью, непогодой, переживаниями о судьбе Ро и Пита, размышлениями о прошлом Лэмба, это ощутила. Свежий ветер на щеке и свежие надежды на будущее звучали в ее ушах, и она с удивлением обнаружила глуповатую улыбку на собственных губах, когда пробиралась между фургонами, кивала людям, хлопала по спине новых знакомых. Когда Шай вспомнила, почему здесь, то стерла улыбку, но она вернулась, как голуби на свежесейное поле.

А вскоре она перестала бороться с улыбкой. Птицы расклеивают ваш урожай, а от веселья какой вред? Поэтому Шай позволила усмешке остаться. И чувствовала себя весьма неплохо.

– Много сочувствия, – сказала она, поговорив почти с каждым к тому времени, как солнце опустилось в позолоченную равнину и зажглись первые факелы, освещая путь Братству, которое преодолевало последнюю милю перед ночевкой. – Много сочувствия, но никакой помощи.

– Думаю, сочувствие – это уже что-то, – ответил Лэмб.

Она ждала продолжения, но он замолчал, сторбившись в седле и покачиваясь в такт нетопливым шагам коня.

– Они кажутся неплохими в большинстве. – Она болтала лишь для того, чтобы заполнить пустоту в душе, а потому злилась на саму себя. – Не знаю, что они будут делать, если появятся духолюды и все пойдет наперекосяк, но они неплохие.

– Думаю, никогда не получится предугадать, как поведут себя люди, если дела пойдут скверно.

– Вот тут ты чертовски прав, – глянула она на Лэмба.

На мгновение он поднял глаза, а потом снова виновато отвел взгляд. Шай едва успела открыть рот, как мощный голос Свита раскатился в сумерках, возвещая остановку после долгого дня.

Перекасти-поле

Темпл крутанулся в седле, сердце бешено колотилось. Он видел только лунный свет, пробивающийся сквозь густые ветви. Да и то еле-еле. Тьма хоть глаз выколи. Возможно, он услышал шорох побегов под ветром, или пробиравшегося по своим делам безобидного кролика, или убийцу-духолода – дикаря, измазанного кровью невинных жертв. Говорили, что они любят сдирать кожу с лиц пленников и носить вместо шляпы.

Под пронизывающим порывом холодного ветра, зашатавшего сосны, Темпл сторбился. Рота Щедрой Руки держала его в мерзких объятиях так долго, что он привык чувствовать себя в безопасности, полной и всеобъемлющей, которую она обеспечивала. И теперь остро ощущал потерю. В этой жизни есть много вещей, которые вы не цените, пока не потеряете по глупости. Например, добротный плащ. Или хотя бы маленький нож. Или немного отъявленных убийц во главе с любезным мерзавцем, страдающим от старческих недугов.

В первый день он торопился и боялся лишь того, что его поймают. Промозглым утром второго дня начал переживать, что вдруг не найдут. На третий день он очень расстроился, сообразив, что они, по всей видимости, и не пытались его преследовать. Побег из Роты без цели и без припасов через нехоженные пустоши все меньше и меньше походил на легкий путь куда бы то ни было.

За тридцать лет не слишком счастливой жизни Темпл сменил множество ролей. Был попрошайкой, вором, учеником священника, неудачливым лекарем, неумелым мясником, косоруким плотником, очень недолго пробыл любящим мужем и безумно любящим отцом, сразу после этого – несчастным горемыкой и беспробудным пьяницей, самонадеянным мошенником и, наконец, узником Инквизиции. Потом осведомителем инквизиторов, переводчиком, счетоводом и законником. Побывал на стороне всех, каких только можно, компаний, за исключением правых. Участвовал как сообщник в убийствах, а последний раз, но весьма неудачно, сумел побыть праведником. Только скитальца и перекасти-поле в списке еще не было.

Он даже не удосужился прихватить с собой кремень и огниво. А если бы и прихватил, то не обладал должными навыками, чтобы развести костер. И все равно еды, которую можно было бы приготовить, у него не было. Он потерялся во всех смыслах этого слова. Очень быстро он угодил в когтистые лапы голода, холода и страха, которые теперь беспокоили гораздо больше, чем когда-либо укоры совести. Наверное, побег следовало продумать тщательнее, но побег и раздумья не смешивались, как масло и вода. Он винил Коску. Винил Лорсена. Винил Джуба-ира, Шила и Суфина. Винил каждого ублюдка из тех, что сумел вспомнить, за исключением самого главного – того, который мерз и голодал в седле, все больше теряясь с каждым мигом.

– Дерьмо! – рявкнул он в пустоту.

Его надежная лошадь дернула ушами и пошла. Она сделалась равнодушно спокойной к его вспышкам ярости. Темпл глянул на кривые ветки, на луну, чей свет пробивался через полосы стремительных облаков.

– Боже, – пробормотал Темпл, слишком отчаявшись, чтобы задумываться, насколько по-дурацки выглядит. – Ты меня слышишь? – Никто, конечно, не ответил. Бог не отвечал таким, как он. – Я знаю, что не был достойнейшим. И даже не был особенно хорошим... – Он вздрогнул. Как только ты соглашаешься с Его существованием, пропадает всякий смысл юлить и скрывать правду. – Ну, ладно, я весьма плохой, но... Но я ведь далеко не худший. – Беззащитное хвастовство. Но из этого можно было бы сделать неизбежную надпись на могильном камне. Если не считать, что некому будет ее вырезать, когда он умрет здесь в пустошах и истлеет непогребенный. – Уверен, что могу исправиться, но только в том случае, если ты снизойдешь и дашь мне... еще одну попытку. – Наглость и еще раз наглость. – Всего лишь одну...

Никакого ответа. Лишь еще один порыв ветра, заставивший шелестеть листву. Если Бог есть, то он – весьма необщительный подонок, а если нет...

И вдруг Темпл уловил слабый рыжеватый отблеск между деревьями.

Огонь! Радость всколыхнулась в его душе!

Но тут же осторожность взяла верх.

Чей это костер? Дикарей, которые стоят всего лишь на одну ступеньку выше животных и собирают отрезанные уши врагов?

Затем он уловил запах жареного мяса, и живот издал долгое и грозное урчание. Такое громкое, что Темпл испугался, что его услышат. В молодости он так часто голодал, что считал себя большим докой по части терпения, но, как и во всем прочем, в борьбе с голодом надо упражняться, иначе теряешь мастерство.

Мягко натянув повод, он остановил коня, как можно тише соскользнул с седла и привязал животное к ветке. Пригибаясь, пробрался через кустарник и переплетение теней от корявых веток, шепотом ругаясь, когда цеплялся одеждой и обувью за колючки.

Костер горел посреди маленькой поляны, на огне жарился насаженный на прут какой-то мелкий зверек. Темпл с трудом подавил желание впиться в него зубами. Между костром и потертым седлом расстелено одеяло. К дереву прислонен круглый щит с металлической оковкой, которая вкупе с деревянной основой носила следы частого употребления. Рядом – топор с тяжелым, зазубренным лезвием. Не надо быть знатоком оружия, чтобы догадаться с первого взгляда – он создан рубить людей, а не деревья.

Ночевка одиночки, но воровать у него ужин – идея очень вредная для здоровья.

Темпл отвел взгляд от мяса, собираясь отступить. Рот наполняла слюна, а желудок сводили болезненные спазмы. Возможная смерть от топора не слишком обнадеживает в любое время, но голодная смерть маячила гораздо явственнее. Он медленно выпрямился, намереваясь уйти...

– Хорошая ночка, – выдохнул голос с северным произношением прямо в ухо Темпла.

Он замер, волоски на шее встали дыбом.

– Немного ветрено, – удалось с трудом выдавить из пересохшего горла.

– Бывало и похуже. – Холодное острие уперлось в спину Темпла. – Покажи свое оружие, но медленно, как улитка зимой.

– У меня... нет оружия.

– Что? – после удивленного молчания переспросил незнакомец.

– У меня был нож, но... – Темпл отдал его костлявому фермеру, чтобы тот зарезал его друга. – Я его потерял.

– В великой пустоши и без клинка? – Будто это так же странно, как быть без носа. Темпл пискнул по-девчачьему, когда широкая ладонь проскользнула под его рукой и принялась ощупывать. – И правда, нет. Если ты только не прячешь нож в заднице. – Неприятное предположение. – Я не буду там искать. – А вот это уже радует. – Ты безумец?

– Я – стряпчий.

– Одно другому не мешает.

– Ну... возможно.

Снова молчание.

– Ты законник Коски?

– Был.

– Ха!

Острие убралось, оставив на коже болезненную точку. Очевидно, некие гадости, даже покинув тебя, способны оставить напоминание о себе, если пробыл с ними достаточно долго.

Человек прошел мимо Темпла. Здоровенная, черная, косматая фигура. Широкий нож поблескивал в кулаке. Сняв меч с пояса, он бросил его на одеяло, уселся рядом, скрестив ноги. Красные и желтые язычки пламени отражались от металлического глаза.

– Порой жизнь водит нас странными путями, не находишь?

– Кол Трясучка, – пробормотал Темпл, не зная – радоваться или печалиться.

Северянин потянулся и двумя пальцами прокрутил вертел. Жир капнул в огонь.

– Голодный?

– Это вопрос... – Темпл облизнулся. – Или приглашение?

– Тут больше, чем я могу съесть. Ты бы привел лошадь, пока она не сбежала. Да, шагай осторожно, – Трясучка кивнул в сторону леса. – Там овраг футов двадцать в глубину и быстрый ручей на дне.

Темпл привел лошадь, стреножил, расседлал и, оставив на спине сырой потник, отпустил искать пропитание. Грустное наблюдение, но голодный человек обычно не склонен заботиться о кормежке для других. Трясучка обрезал мясо с костей и ел с жестяной тарелки, накалывая ножом. Еще куски лежали на кусках коры по другую сторону от костра. Темпл упал перед ними на колени, как пред священным алтарем.

– Огромное спасибо... – Начав жевать, он закрыл глаза от удовольствия, наслаждаясь вкусом. – А я уже было думал, что умру здесь...

– А кто сказал, что ты не умрешь?

Поперхнувшись, Темпл мучительно закашлялся, а потом спросил, только чтобы нарушить томительную тишину:

– Ты здесь один?

– Я понял, что приношу несчастья спутникам.

– И не боишься духолюдов?

Северянин покачал головой.

– Я слышал, они перебили уйму народа в Дальней Стране.

– Когда придут убивать меня, услышу. – Трясучка отбросил тарелку и прилег, опираясь на один локоть. Изуродованное лицо скрывалось в темноте. – Человек может непрерывно обсираться, ожидая неприятностей, а смысл?

И правда...

– Ты все еще охотишься на девятипалого.

– Он убил моего брата.

– Мне жаль.

– А мне нет. Мой братец был редкостным дерьмом. Но родня есть родня.

– Не знаю... – Родственники Темпла редко задерживались в его жизни. Мать умерла, жена умерла, дочь умерла. – Я могу назвать родней разве что... – он хотел назвать имя Суфина, но понял, что тот тоже мертв, – Никомо Коску.

– По моему опыту, не самый безопасный человек, – проворчал Трясучка, сдерживая смех. – Лучше не иметь его за спиной.

– А откуда опыт?

– Нас обоих наняли, чтобы пришить кое-кого. В Стирии, лет десять назад, а то и больше. Балагура тоже. Ну, и еще нескольких. Палача. Отравителя.

– Если судить по именам – довольно веселая компания.

– Я не такой весельчак, каким кажусь. Дела пошли... – Трясучка осторожно потрогал шрам под металлическим глазом, – слегка наперекосяк.

– Дела идут наперекосяк почти всегда, если вмешивается Коска.

– Так случается даже без его участия.

– Но с ним чаще, – пробормотал Темпл, глядя в огонь. – Он и раньше особо ничем не заморачивался, а сейчас вообще плюет на все. Он стал хуже.

– Так бывает со всеми людьми.

– Нет, не со всеми.

– А! – Трясучка оскалился. – Ты один из тех мечтателей, о которых я слышал.

– Нет-нет, не из них. Я всегда стараюсь отыскать легкий путь.

– Весьма мудро. Я считаю, что, если ты надеешься на что-то, всегда получится наоборот. – Северянин неторопливо крутил кольцо на мизинце, камень вспыхивал алым, словно кровь. – Я тоже когда-то мечтал стать лучше, чем был.

– И что произошло?

Трясучка вытянулся рядом с костром, подложив под голову седло и закутавшись в одеяло.

– Я пробудился.

Темпл открыл глаза при первом прикосновении неясного серовато-голубого рассвета. И земля была холодной и твердой, и одеяло коротким и воняло конским потом, и ужин слишком скудным, но все же впервые за долгое время он выспался по-настоящему. Щебетали птицы, ветер шелестел листвой, из-за деревьев доносилось журчание стремительного ручья.

Побег из Роты ни с того ни с сего показался решительным по замыслу и смелым по исполнению. Темпл поуютнее свернулся под одеялом. Если Бог есть, то он все-таки милосердный парень, как Кадия...

Меч Трясучки и щит исчезли, а рядом с его одеялом сидел на корточках незнакомый человек.

Голый по пояс, под бледной кожей прорисовывались жгуты мышц. Ноги прикрывало грязное женское платье, разрезанное посередине и прошитое бечевкой так, чтобы получились широкие штаны. Половина головы выбрита, а рыжие волосы на второй смазаны жиром и скручены в подобие шипов. В одной из свободно свисающих рук он держал топорик, а во второй – блестящий нож.

Вот и духолюды...

Не мигая, он глядел поверх потухшего костра пристальным взглядом синих глаз. Темпл ответил столь же пристальным взглядом и вдруг понял, что неосознанно натянул двумя руками пропахшее конем одеяло до подбородка.

Еще два человека бесшумно скользнули из леса. Первый нацепил на голову некое подобие шлема, хотя, по всей видимости, не для защиты от земного оружия. Просвечивающееся сооружение из веток с прикрепленными по углам перьями держалось при помощи воротника из старого ремня. Щеки второго исполосовали самодельные шрамы. При иных обстоятельствах – ну, к примеру, на карнавале у стирийцев – они могли бы вызвать веселье и смех. Здесь же, в неисследованных глубинах Дальней Страны в одном-единственном зрителе радость не всколыхнулась.

– Нойа!

Четвертый духолюд возник словно из ниоткуда. По возрасту ближе к юноше, чем к зрелому мужчине. Песочно-желтые волосы, бледная кожа и полосы коричневой краски под глазами. Ну, Темпл, во всяком случае, надеялся, что это краска. Кости какого-то мелкого зверька, нашитые спереди на рубаху из мешковины, постукивали, когда он приплясывал, переступая с одной ноги на другую, широко улыбаясь при этом.

– Нойа! – сказал он Темплу.

Тот очень медленно встал, приветливо улыбаясь юноше и остальным. Продолжать улыбаться, и, глядишь, все обойдется миром.

– Нойа? – спросил он наугад.

Парень ударил его по голове.

Темпл упал, скорее, от неожиданности, чем от силы удара. Ну, или пытался убедить себя в этом. Неожиданность и звериное чутье, которое подсказало, что, оставаясь на ногах, ничего не

выиграешь. Мир понесся по кругу. В волосах что-то зашевелилось. Прикоснувшись к черепу, Темпл ощутил под пальцами кровь.

И только тогда он заметил в кулаке у юнца камень. Острый обломок покрывали синие кольца. А теперь и кровь Темпла.

– Нойа! – закричал духолюд, поманив Темпла.

Но у бывшего стряпчего не возникло желания встать.

– Постой! – сказал он для начала на всеобщем.

Духолюд шлепнул его ладонью.

– Постой! – повторил он на стирийском.

Парень ударил еще раз.

– У меня нет ничего... – на этот раз речь кантиков.

Удар камнем в щеку повалил его на бок.

Темпл потряс головой, будто пьяный. В ушах звенело.

Он впился в первое, что попало под руку, возможно, ногу юнца, и поднялся на колени. Его колени или колени духолюда? Не важно... Чьи-то колени.

Во рту ощущался привкус крови. Щека горела. Нет, не болела, а, скорее, онемела.

Юноша что-то сказал остальным, размахивая руками, словно просил одобрения.

Тот, что был с шипами на голове, серьезно кивнул и открыл рот для ответа, но тут его голова отлетела.

Стоявший рядом с ним повернулся, но замешкался из-за украшавших голову палок. Меч Трясучки отрубил ему руку чуть выше локтя и глубоко вонзился в грудь. Кровь хлынула ручьем. Не издав ни звука, духолюд повалился навзничь, увлекая за собой застрявший в ребрах меч.

Дикарь со шрамами на лице прыгнул на Трясучку, размахивая кулаками, схватился за щит. Они топтались по поляне, разбрасывая ногами тлеющие угли костра.

Все это произошло за считанные мгновения – вдох или два. А потом юнец снова ударил Темпла по голове. Нечестно до смешного... Будто главного врага. Праведное возмущение подняло Темпла с земли. Трясучка поставил духолюда со шрамами на щеках на колени и долбил по голове крайком щита. Мальчишка в который уже раз ударил Темпла, но тот устоял, сгребав за увешанную косточками рубаху прежде, чем подкосились ноги.

Они упали, тыча друг в дружку кулаками и царапаясь. Темпл оказался снизу, но, сцепив зубы, сунул большой палец в ноздрю духолюда, отталкивая его. При этом он не размышлял, как это все глупо и бессмысленно, хотя в глубине души понимал, что умелые бойцы наверняка философствуют после драки, а не во время ее.

Духолюд приподнялся, крича на своем непонятном языке, и они покатались под гору, между деревьями. Темпл колотил юнца в расквашенный нос сбитыми кулаками, визжал, когда тот перехватил его руку и укусил. А потом вдруг лес исчез, оставалась только ровная земля, шум бегущей воды стал очень громким, и опора исчезла, а они полетели вниз. Темпл смутно припомнил слова Трясучки об овраге.

Ветер свистел, чувство тяжести исчезло. Внезапно возникли камни, листья и белая пена на воде. Темпл отпустил духолюда, оба падали без звука. Происходящее казалось невероятным. Будто во сне. Сейчас – «Бац!», проснешься, а ты снова в Роте...

«Бац!» получился, когда они достигли воды.

По счастливой случайности, Темпл падал вниз ногами. Он окунулся с головой, холод охватил его плотным коконом, ревушая вода сдавила, закрутила, растягивая едва ли не в пять сторон одновременно. Казалось, руки сейчас вывернет из суставов. Поток кружил его, будто беспомощный лист.

На миг его голова вынырнула на поверхность. В лицо ударили брызги. Темпл судорожно втянул воздух и снова ушел под воду. Что-то твердое ударило в плечо. Мелькнуло небо. Конеч-

ности отяжелели, возникло искушение сдаться и утонуть. Темпл никогда не был истинным бойцом.

Рядом мелькнуло бревно-плавник, без коры, отбеленное, словно кость, солнцем и водой. Темпл вцепился в него, словно в последнюю надежду на спасение души. Легкие горели огнем. Почти целое дерево! Ствол с остатками веток, торчащими во все стороны. Темплу удалось забросить на него грудь, кашляя и отплевываясь, прижимаясь щекой к гнилой древесине.

Он дышал. Один-два вдоха. Час. Сотню лет...

Вода, щекоча, омывала его. Приложив немало усилий, Темпл поднял голову и посмотрел в небо. Облака мчались по глубокой, насыщенной синеве.

– И ты думаешь, мать твою, что это похоже на шутку? – успел он каркнуть, прежде чем волна плеснула в рот холодной водой.

Ну, ладно, значит, не шутка. Темпл замер без движения. Слишком усталый и измученный болью, чтобы шевелиться. Ну, хотя бы течение успокоилось. Река стала шире, берега ниже, полого сбегая к гальке у воды.

Темпл позволил событиям развиваться так, как будет им угодно. Полностью положился на Бога, поскольку больше положиться было не на кого. Небеса помогут.

Хотя надеялся на другое.

Топляк

– Стоять! – орала Шай. – Стоять!

Может, тому виной шум реки или они чувствовали, что она в своей жизни достаточно грешила, но волны, как обычно, пропустили приказ мимо ушей и упрямо продолжали тянуть на глубину. Проклятые безмозглые наглые твари. Если им втемяшилось что-то в головы, то не вышибить никакими силами. А вдруг таким образом жизнь, не слишком довольная ее поступками, предлагала Шай взглянуть на себя со стороны?

– Стоять, я сказала! Ублюдки вы такие!

Она вцепилась ногами в промокшее седло, пару раз обернув веревку вокруг правого предплечья, и тянула изо всех сил. Второй конец был крепко-накрепко привязан к ярму на шее вола. Веревка туго натянулась, разбрызгивая воду. Одновременно Лиф загнал своего конька в реку с другой стороны и щелкнул кнутом. Оказалось, что парень – отличный погонщик. Один вол из передней пары обиженно фыркнул, но развернул широкий нос поперек стремнины, к изрезанной колесами галечной отмели на том берегу, где уже сгрудилась половина Братства.

Миссионер Ашджид стоял в толпе, молитвенно воздев руки к небу, словно его работа была самой важной, и молил небеса утихомирить воду. Шай не замечала, чтобы наступило успокоение. Ни реки, ни ее самой, черт дер!

– Прямо, прямо держи! – рычал Свит, осадив обтекающую лошадь на намытом островке. Он снова решил отдохнуть. Аж зло брало, как часто.

– Прямо держи! – звучал позади голос Маджуда, вцепившегося в козлы фургона так сильно, что удивительно – как еще не оторвал.

Похоже, он боялся воды, что весьма удивительно для первопроходца.

– А как вы думаете, старые ленивые мудаки, я чем занимаюсь? – прошипела Шай, толкая пятками усталую лошадь и с силой дергая за веревку. – Жду, пока нас в море смое!

Такой исход не казался невероятным. Они собирали волов в упряжки по шесть, восемь или даже двенадцать голов и впрягали в самые тяжелые повозки, но все равно беспокойства хватало. Если фургоны не срывались на стремнину, угрожая уплыть, то, напротив, застревали в глине на отмелях.

Вот, к примеру, как один из фургонов Бакхорма только что. Теперь Лэмб, забравшись в воду по пояс, приподнимал его заднюю ось, а Савиан, свесившись с коня, лупил по крупе переднего вола. Причем так старался, что Шай забеспокоилась – сохранит ли несчастное животное целыми кости. Но в конце концов фургон тронулся, а Лэмб устало вскарабкался в седло. Если тебя зовут не Даб Свит, то тяжелой работы тебе хватит с избытком.

Но работа никогда не пугала Шай. С раннего детства она поняла – получив задание, следует посвятить себя его решению. Так и время летит незаметно, и по шее не получишь. Потому она усердно трудилась в юном возрасте, будучи на побегушках, на ферме, уже зрелой женщиной, а в промежутке – грабила людей и чертовски в этом преуспела, хотя тут уж лучше промолчать. Теперь ее работой стали поиски брата и сестры, но поскольку судьба подбросила переправу через реку на волах, Шай полагала, что приложит к тому все усилия, невзирая на вонь, усталость в дрожащих руках и заливающуюся в задницу воду.

Наконец она выбралась на островок. Животные обтекали и пыхтели, под колесами хрустела галька. Лошадь под Шай дрожала, и это была уже вторая за сегодняшний день.

– И это гребанный брод, по-твоему? – перекрикивая рев воды, спросила она у Свита.

Он усмехнулся, сморщив обветренное лицо.

– А как бы ты это назвала?

– Течением, таким же, как и везде, пригодным для того, кто хочет утопиться.

– Надо было сказать, что ты не умеешь плавать.

– Я-то могу, но из сраного фургона лосось никакой, зуб даю.

– Ты разочаровываешь меня, девочка, – легонько двинув пяткой, развернул коня Свит. – Я думал, ты любишь приключения!

– Чтоб по своей воле? – Она повернулась к Лифу: – Ты готов?

Парень кивнул.

– А ты?

Маджуд слабо махнул рукой.

– Боюсь, я никогда не буду готов. Пойдем, пойдем...

Вновь потуже обмотав руку веревкой, Шай представила себе лица Ро и Пита и отправилась следом за Свитом. Холод охватил ее лодыжки, потом бедра. Волы пристально вглядывались в противоположный берег. Лошадь фыркала и трясла головой – никому не хотелось стать мокрее, чем раньше.

– Легче, легче! – командовал Лиф, размахивая кнутом.

Им оставалась последняя, самая глубокая, протока. Вода бурлила вокруг волов, вспениваясь белыми бурунами выше по течению. Шай натягивала веревку, заставляя упряжку войти в воду наискось, чтобы не смыло с выбранного направления. Фургон трясло и раскачивало. Вначале под водой скрылось днище, потом и оси больших колес, а вскоре и сам он наполовину поплыл. Весьма дерьмовая лодка из повозки.

Вдруг один из волов потерял опору под ногами – вытянул шею, стараясь изо всех сил удержать ноздри над водой. За ним – второй. Выпученные глаза испуганно вращались. Веревка натянулась. Шай обмотала ее еще туже и всем весом налегла. Пенька соскользнула с перчатки, больно врезаясь в кожу предплечья.

– Лиф! – зарычала Шай сквозь зубы. – Гони их...

Один из передней упряжки поскользнулся, лопатки ходуном заходили под землисто-серой шкурой. Он развернулся вправо, сбивая с ног напарника. Река потащила их в сторону. Веревка дернулась, едва не вырвав руку Шай из сустава, а ее саму из седла, прежде чем она успела сообразить, что же происходит.

Теперь передние волы барахтались и постепенно стягивали на глубину следующую пару, а Лиф орал и стегал наотмашь кнутом. Точно так же он мог бы лупить реку, которой, впрочем, и так доставалось большинство ударов. Шай тянула, напрягая все силы. С таким же успехом она могла бы увлекать за собой дюжину мертвых волов. Кстати, именно такими они скоро и станут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.